

Николай Сверин

Охота на царя

ДПЮ № 523

ДЕПАРТАМЕНТА

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИЦИИ.

Об урегулиении охраны Его Императорского
Величества... Актуальное исследование.

Annotation

Его считают «восходящей звездой русского сыска». Несмотря на молодость, он опытен, наблюдателен и умен, способен согнуть в руках подкову и в одиночку обезоружить матерого преступника. В его служебном списке немало громких дел, успешных арестов не только воров и аферистов, но и отъявленных душегубов. Имя сыщика Алексея Лыкова известно даже в Петербурге, где ему поручено новое задание особой важности. Террористы из «Народной воли» объявили настоящую охоту на царя. Очередное покушение готовится во время высочайшего визита в Нижний Новгород. Кроме фанатиков-бомбистов, в смертельную игру ввязалась и могущественная верхушка уголовного мира. Алексей Лыков должен любой ценой остановить преступников и предотвратить цареубийство.

- [Николай Свечин](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Послесловие автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Николай Свечин

Охота на царя

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова

В основе иллюстраций – фотографии видов Нижнего Новгорода М. П. Дмитриева, а также портреты, выполненные в фотомастерских различных городов России во 2-й половине XIX века (из коллекции автора).

Посвящается моему брату Александру.

Глава 1

Хлысты, и еще «варшавские»

Рождественская улица.

1 июня 1880 года начальник Нижегородской сыскной полиции Павел Афанасьевич Благово зашел к себе в кабинет в крайне растрепанном состоянии. За одиннадцать лет службы приходилось ему несколько раз рисковать жизнью, бегать под пулями, уворачиваться от ножа. Вот хоть бы о том где, с этим мерзким хлыстовским царьком Свищуновым... Но так глупо и неловко Благово себя еще никогда не чувствовал. Совершал обычный еженедельный обход острога, в том числе навестил тех девятерых арестантов, чьи дела сейчас вел. Рутинная работа, все как обычно: уговоры, угрозы, ответное вранье и запирательство. Как вдруг подследственный Опокин, которому светит-то всего два года поселения, выхватил из рукава портновский нож и бросился на Благово. Лицо у него было такое отчаянное, что Павел Афанасьевич не выдержал и побежал, забыв о достоинстве.

Зрелище получилось унизительное: статский советник и главный городской сыщик бежит по длинному тюремному коридору, подследственный Опокин с бешеными глазами и лезвием в кулаке – следом, а замыкают всю эту дурацкую кавалькаду растерявшиеся надзиратели. Многочисленные заключенные, что шли как раз на построение, замерли вдоль стен, любуются редким зрелищем и смеются... Ужас но. И ведь мог зарезать как кочета! Хорошо, в конце коридора оказался старший надзиратель Приходько. Увидев происходящее, опытный тюремщик отреагировал мгновенно и правильно: не стал махать саблей или револьвером (это было бы опасно в тесном людном коридоре), а просто швырнул с силой тяжелую связку ключей в лицо набегавшего покусителя. Тот взвизгнул, упал на одно колено, закрыв пораненный глаз руками; тут-то его, наконец, и догнали бегущие следом надзиратели. Теперь Опокина ждет уже двенадцать лет каторжных работ, если он вообще выйдет из карцера здоровым, а не чахоточным инвалидом. Уж очень не любят чины тюремного ведомства нападений на себя и своих коллег – полицейских и судейских.

Самое же плохое в этой истории – ее необъяснимость. Тихий, затурканный арестант, попавший в тюрьму случайно и ненадолго, покушался на большого чиновника, добровольно ломая себе всю жизнь. Что он там кричал, настигая Благово? «За отца! За отца ответ!». Павел Афанасьевич точно знал, что с подследственным Опокиным он встречался впервые, родителя его никогда не видел, не арестовывал и не преследовал. Оставалось единственное объяснение – буйное помешательство. Такой риск всегда есть у тех, кто по роду службы общается с отбросами общества.

Для успокоения души Благово все-таки вытащил из несгораемого шкапа следственное дело Опокина. Переменил манжеты на рубашке, испил чаю с лимоном, окончательно успокоился и даже стал думать о недавнем происшествии иронично. Ну, побежал... Кто угодно побежит, когда на него, безоружного, психованный с ножом кинется. И не такие бегали! Один Лыков, наверное, не побежал бы, так ведь то Лыков...

Статский советник открыл «дело об хищении крестьянином деревни Рекшино Семеновского уезда Иваном Семеновым Опокиным трех рублей с полтиною из кассы волостного правления». Так... Двадцать три года, холост. Отец утонул по пьяному делу аж в шестьдесят четвертом году. При чем тут он, Благово? Ну, точно, психованный.

И уже закрывая папку, Павел Афанасьевич увидел вдруг ответ на свой вопрос. Да такой ответ, что, как сказал классик, «в зобу дыханье сперло».

«В 1879 году привлекался в качестве свидетеля и соучастника в расследовании дела о хлыстовском «корабле» купца 2-й гильдии Акинфьева; оставлен в сильном подозрении».

Год назад Опокин был замешан в хлыстовском деле! В министерских отчетах и реляциях оно прошло под названием «следствие Нижегородского полицейского управления о завещании Аввакума». Тогда, в первый год генерал-губернаторства графа Игнатьева, назначившего Благово начальником сыскной полиции, на ярмарке схлестнулись могущественная Рогожская община староверов-поповцев и тайная секта хлыстов. Шла борьба за владение уникальным, бесценным для любого староверческого толка завещанием протопопа Аввакума Петрова, написанным им за две недели до своей казни в 1681 году. В ходе этого противоборства едва не погибли сам Благово и его молодой помощник Алексей Лыков, а на ярмарке были убиты трое купцов и более десятка уголовных. В их числе был и знаменитый питерский бандит Осип Лякин по кличке Ося Душегуб. Закончилась вся эта кровавая история побоищем на острове посреди Ворсменского озера, в старинном Троицком Островоозерском монастыре. Ранним утром, сняв часовых, на остров пробрались Лыков и начальник рогожской службы безопасности Федор Ратманов по кличке Буффало. В перестрелке они перебили всю охрану «Верховного Христа», страшного старика Свистунова, тайного хлыстовского диктатора, повинного в смерти многих невинных душ. Буффало застрелил самого Свистунова и унес с собой завещание Аввакума, которое хлысты перед тем забрали у придушенного ими антиквара.

Операция проводилась по прямому указанию нижегородского полицеимейстера Каргера и с ведома генерал-губернатора графа Игнатьева. Сыскная полиция в этом деле негласно сотрудничала с Рогожской общиной против хлыстов, что было не совсем законно. Но власти были возмущены провокаторской ролью хлыстов, которые и затеяли все эти многочисленные убийства, вступив для того в сговор с бандитами. Министр поэтому молчаливо одобрил нижегородцев, наградив всех участников «дела о завещании Аввакума», да и сама Рогожская община, будучи весьма близка к верхам, не дала в обиду союзников.

И вот теперь эта, забытая уже было история вновь напомнила о себе. Очевидно, что молодой и простодушный крестьянин Опокин получил задание от нового хлыстовского «христа» отомстить за прошлогоднее поражение. Будет ли этому конец? Воевать с целой сектой, тайной, богатой, многочисленной – это было уже чересчур. Надо срочно предупредить Лыкова! И Буффало тоже...

Двадцатидвухлетний помощник начальника Нижегородской сыскной полиции Алексей Лыков также в это время вспоминал дело о завещании Аввакума. Еще ранним утром он получил неприятную телеграмму из Москвы:

«(НА) МЕНЯ СОВЕРШЕНО ПОКУШЕНИЕ ТЧК (ПО)
ВСЕМУ НАШИ ЗНАКОМЦЫ (С) ОСТРОВА ТЧК
ПРЕДУПРЕДИ БЛАГОВО ЗПТ БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ ТЧК
БУФФАЛО».

Алексей хотел сразу же известить начальника, но тот поехал в острог из дома, не заходя в полицейское управление. Пришлось Лыкову отложить разговор, что едва не стоило, как потом выяснилось, жизни Павлу Афанасьевичу.

Титулярный советник Лыков не имел своего кабинета, а сидел в общей комнате сыскного отделения вместе с агентами. Поручив старшему агенту Титусу предупредить Благово о телеграмме из Москвы, он занялся самым неотложным из текущих дел. Третьего дня была обворована квартира председателя удельной конторы действительного статского советника Сиверса; воры унесли полпуда столового серебра, драгоценности жены и – десятитысячный вкладной билет Московского коммерческого банка всего с одним отрезанным купоном. Сиверс только вчера поздно вечером нашел в своих записях номер и серию украденного билета и догадался сразу послать их с камердинером к Лыкову домой. Поэтому сегодня с самого утра Алексей занялся обходом банков, опасаясь, что билет за эти дни уже был предъявлен целиком или покупонно. Посетив отделения Русского торгово-промышленного, а затем Государственного банка, он оставил у старших кассиров номер ренты и по Балчугу спустился на Скобу. Здесь, в самом начале Рождественской улицы, возле Гостиного двора, находился Николаевский городской общественный банк. Войдя в его кассовый зал, Лыков поморщился – опять этот развязный поляк! Только что он попался Алексею на Осыпной, в Государственном банке, разменивал там пятидесятирублевый банкнот на червонцы. Поляков Лыков не любил: они нанесли его покойному батюшке в 1863 году те три ранения, что раньше положенного срока свели Лыкова-старшего в могилу. Да еще эти манеры...

Но тут Алексей увидел, как полячишко забрал у кассира пять червонцев, бросил свое «дзенькуе» и вышел. Это было непонятно, а потому подозрительно. Почему пан меняет пятидесятирублевые банковские билеты в разных банках? Не проще ли было разменять на Осыпной сразу

всю сотню? Или билеты у него фальшивые? Но тогда он разменивал бы их в лавках да ресторанах, а не здесь, где обученный на фальшивки персонал!

Раздумывать было некогда. Лыков подскочил к кассиру, сунул ему под нос запаянное в стекло удостоверение агента сыскной полиции со своей фотографией и тихо произнес:

— Я из сыскного. Банкнот, даденный сейчас поляком, отложить. Известить управляющего, больше никому ни слова. А это, — тут он выложил на конторку извещение о краже вкладного билета, на бланке и со своей подписью, — для учета при обслуживании клиентов. Я зайду позже.

И, не дав ошарашенному кассиру сказать ни слова, быстро вышел на улицу.

Поляк обнаружился впереди него, уже саженях в двадцати. Он шел по Рождественской, в сторону Софроньевской площади, легкой походкой молодого гуляки и ловеласа; подмигивал встречным дамам и барышням, на ходу осматривал вывески магазинов, весело помахивал тросточкой. Лыков увеличил дистанцию до пятидесяти саженей, из опасения быть обнаруженным. Выслеживаемый им человек был, видимо, не прост: то и дело пялился в зеркальные витрины или вертел головой во все стороны, словно заезжий турист, что позволяло ему вести задний обзор.

Ниже по Рождественской, недалеко от Козмодемьянской церкви, находился еще один банк — Нижегородский Купеческий. Если поляк зайдет и в него, с той же целью размена денег, то это будет означать только одно — что происходит осмотр всех банков в городе с целью подготовки их ограбления. «Варшавские» — элита преступного мира, ловкие взломщики сейфов, славились своим искусством не только в России. Два месяца назад, в марте, были ограблены два банка: один в Праге, другой в Аахене, и следы в обоих случаях явно указывали на «варшавских». Нешто и досюда добрались?

Алексей перешел на другую сторону улицы, укрылся в москательном магазине Обрядчиковых и сквозь его витрину увидел, что поляк зашел в Нижегородский Купеческий банк. Вышел оттуда через четыре минуты, поднял тросточку, к нему подлетел извозчик с белым номером^[1], забрал пассажира и, получив указание, двинул обратно к Скобе. Алексей из своего укрытия запомнил номер «ваньки» и, дав ему отъехать, прошел в кассовый зал. Показав, как положено, документ, изъял под расписку сданный поляком банкнот (на этот раз четвертную), строго предупредил кассира, чтобы он известил об этом только директора. Не забыл и оставить уведомление об украденном билете.

В управлении Лыков выгнал на улицу всех свободных агентов — для

поиска извозчика, и уже через час узнал: подозрительный поляк проживает в «Большой Московской гостинице», лучшей в городе, что на Благовещенской площади. А одновременно с ним там же поселились еще три солидных пана с большими чемоданами. Итак, «варшавские» приехали на гастроли?

Павел Афанасьевич Благово любил своего помощника Лыкова и старшего агента Титуса и возлагал на них обоих большие надежды. А если он кого любил, то жизнь такого человека становилась особенно трудна: Благово требовал от него соответствовать высоким ожиданиям...

Эстлянец Ян Титус начальника радовал. Умный, наблюдательный, всегда тонко оценивает ситуацию. Опасность чувствует за версту и ловко ее избегает, но, если нужно, становится храбр и хладнокровен. И удивительный актер: может загrimироваться и сыграть кого угодно – от великого князя до татарки-торговки.

А вот Лыков нужных высот никак не достигал. Помощник начальника сыскной полиции – это будущий начальник, первый преемник. Год назад Благово так ему это и объяснил, когда брал в помощники. Целый год Алексей бьется, толк вроде бы есть, но все не то, не то. Авантуррист! Ему бы с револьвером по подворотням бегать да жуликов чугунными кулаками в штабель укладывать. А думать за него все еще должен Благово.

О прошлом где Федор Ратманов по кличке Буффало, фантастический стрелок, неделю лишнюю задержался в Нижнем, учил Лыкова стрелять. Таким, как он, Алексей, конечно, не стал, но из тузя пятерку с пятнадцати шагов теперь делает, чем очень гордится.

Потом он начал брать уроки солдатского рукопашного боя у отставного преподавателя фехтования знаменитого Тенгинского пехотного полка. Эти полковые учителя фехтования любого Дэ Артаньяна в три терции проткнут, потому как у них школа такая, на поле боя учились, не в манеже. Вот и этот старый хрыч – четверть века отвоевал, семнадцать ранений имеет, и ни одного из них тяжелого. Когда узнал, что Лыков за полтора года войны два тяжелых получил – смеялся очень... Стал натаскивать сыщика за три рубля в месяц, по субботам и воскресеньям, так, что тот приходил на службу в понедельник весь в ссадинах и синяках. Даже неудобно бывало его брать на совещания к губернатору, ибо походил на пьяного буяна, выпущенного из холодной.

А Лыкову этого всего мало показалось. И так здоровый как черт, а тут еще заказал на Курбатовском заводе десятипудовый гимнастический снаряд, которому русского названия нет, а немцы зовут его «штанге». Занимается с ним ежедневно, плечи набил такие, что в вагон конно-

железной дороги давеча едва пролез.

Все это, конечно, для полицейской службы и неплохо, но уж очень ребячеством отдает. Агентуры своей до сих пор еще не завел, с людьми сходится трудно, они ему, по молодости лыковских лет, не доверяют. В феврале, правда, отличился наш голиаф: брали двух очень опасных московских бандитов в Почтовой гостинице на Ошаре, те бросились в бега через черный ход, а там Лыков стоял. Потом свои показания залетные в письменной форме давали, ввиду сломанных в четырех местах челюстей; хорошо, оба грамотные оказались...

С недавних пор, однако, уроки Благово до Алексея все же стали доходить. На прошлой неделе самостоятельно разыскал убийцу провизора Бомбеля. За сутки. Благово вычислил душегуба уже к обеду, но молчал, наблюдал за своим помощником. Ничего, справился. И вот теперь эта история с поляками, в которой Лыков проявил уже профессиональную наблюдательность.

Титус сходил вечером в «Большую Московскую», выиграл на биллиарде пятнадцать рублей и «срисовал» всех четырех панов. После этого перетряс картотеку и двух из них мигом опознал. Оказались знаменитые ребята, сами братья Зембовичи по кличке «Двойка пик»! Казначейство в Вильно, банки в Петергофе, Лодзи, Гельсингфорсе, Киеве и, возможно, касса взаимопомощи в Керчи. Теперь приехали к нам в Нижний, залезть в «карман России».

«Варшавских» взяли под очень осторожное наблюдение. В гостинице за ними следила сама obsłуга (хозяин – давний агент Благово), на улице вел только Титус, остальным своим людям статский советник не доверял. Уже через день выяснилось, что братья Зембовичи навестили секретно на квартире бухгалтера Нижегородского Купеческого банка, тоже поляка. Объект готовящегося нападения, таким образом, был определен.

Благово доложил все полицеистеру Каргеру. Решили брать «варшавских» прямо на деле, в банке. Арестовывать их в гостинице не хотели по двум причинам. Во-первых, схватить с поличным эффектнее и срок паны получают больше. Во-вторых, что важнее («Двойка пик» и без того уже шла в розыске по трем статьям), у «варшавских» своя уголовная этика, очень своеобразная. Они никогда никого не убивают и даже не ранят при ограблениях, только аккуратно связывают. Не было еще случая, чтобы поляки кого-то из своих жертв кончили на грабеже. Зато уж при аресте они сопротивляются отчаянно, всегда бесстрашно отстреливаются (а с оружием ходят все), и полицейские часто несут потери. Наши русские убивцы делают все наоборот: при нападениях частенько режут всех до единого,

зато при аресте быстро сдаются без боя, чтобы быстрее уйти на каторгу и бежать с нее потом.

По всем этим причинам полицейские арестовывать панов очень не любили, и Каргер решил в лучшей гостинице города, всегда населенной, перестрелок не устраивать.

К полицмейстеру тайно вызвали управляющего Купеческим банком и известили о готовящемся налете. Почтенный банкир пришел в ужас. Он же, немного успокоившись, и пояснил, почему именно его учреждение стало интересно грабителям. Оказалось, банк выдал недавно необычайно большой онкольный кредит в пятьсот тысяч рублей правлению Варшавско-Лодзинской железной дороги. Выдал по рекомендации своего бухгалтера, поляка по национальности (того самого!), который оказался зятем председателя правления дороги. В качестве обеспечения кредита взяли от заемщика вкладные билеты и акции на предъявителя Санкт-Петербургского Частного Коммерческого Банка, Общества для заклада движимых имуществ в Санкт-Петербурге и Московского городского кредитного общества. Бумаги являлись надежными, но мелкого номинала, сданы были под залог несколькими большими пачками, да еще с купонными листами на 5–10 лет, поэтому опись по номерам и сериям пока еще не сделали.

Замысел «варшавских» стал ясен. Послезавтра – семик, затем Троица и Духов день; банк, как и весь город, три дня не работает. Значит, ограбят в Родительскую субботу, а хватятся не раньше вторника; за это время паны успеют разъехаться по России и к среде скинут бумаги с дисконтом и обратят их в деньги. Почти полмиллиона навару – неплохо, неплохо...

– Как охраняется ваш банк в двунадесятые праздники?^[2] – спросил Каргер у управляющего.

– О, у нас отличная охрана! По ночам внутри всегда дежурит вооруженный караульный. В двунадесятые он же дежурит и днем, суточную смену; его меняет второй охранник. Оба они люди надежные, из ваших кадров, отставные городовые. Кроме того, из помещения охранника проведена электрическая линия со звонком в Рождественскую полицейскую часть, чего нет даже в Государственном банке.

– Как же «варшавские» намереваются попасть в банк в субботу? Карапуз ведь не откроет дверь незнакомому лицу! – вмешался Лыков.

– Незнакомому не откроет. Но если это будет банковский бухгалтер, который скажет, что забыл на столе часы и не хочет обходиться без них три дня, то... – Благово вопросительно посмотрел на управляющего.

– То тогда откроет, – со вздохом подтвердил его догадку банкир.

– Понятно! – шлепнул пятерней по столу полицмейстер. – Значит, так.

Грабить вас станут в Родительскую субботу, явно при помощи вашего же бухгалтера. Внутри банка мы поместим своих людей во главе с господином Лыковым. С охранником вашим все решим, если он бывший полицейский, то мы быстро найдем общий язык... Вы сейчас идите, появитесь здесь в пятницу вечером, столь же секретно, тогда и оговорим последние детали.

— Последний вопрос, — остановил банкира Лыков. — Скажите, а как охраняются в праздники другие банки Нижнего Новгорода? Это доступные сведения?

— В нашем кругу они общеизвестны, а в публике — не знаю. Охрана, кроме нас, есть только в Государственном банке. Александровский дворянский — это вообще не банк, там все давно разворовано своим же правлением, красть уже нечего. В Волжско-Камском тоже денег нет, у них год убыточный. В отделении Русского торгово-промышленного банка деньги есть, но охрана им ни к чему — они сидят в доме Чернобаева на Ильинке, прямо над его квартирой, там всегда людно, тьма народа проживает. Первое общество взаимного кредита и Городской общественный банк просто запираются на все три дня. «Кредит» сидит в Блиновском пассаже, а Городской — в доходном доме; там тоже всегда полно квартиронтов, есть сторожа и дворники. Кроме того, у них очень хорошие сейфовые комнаты; в Городском толщина двери пять вершков! А мы и Государственный банк имеем собственные отдельные здания, вот и приходится их специально охранять. Да и не было пока у нас в Нижнем никаких взломов. Прости, Господи, чем мы тебя прогневали...

И, расстроенный, управляющий ушел.

— Теперь понятно, для чего пан обошел все наши банки, — констатировал Лыков.

— Неужели?.. — поперхнулся полицмейстер.

— Точно так, Николай Густавович, — хмуро подтвердил Благово. — Судя по всему, они решили не мелочиться и ограбить сразу два кредитных дома. В ночь с пятницы на субботу «варшавские» взламывают один из двух неохраняемых банков (какой именно, нам предстоит выяснить). Поэтому у них такие тяжелые чемоданы — в них инструменты для взлома. Никакие «пять вершков» им не помеха, эти воры всегда отлично вооружены технически. В Аахене толщина стенки сейфа была девять вершков, а они просто выжгли замок соляной кислотой.

Далее. В Родительскую субботу днем, при посредстве бухгалтера, паны врываются в Купеческий банк (вечером охранник не откроет дверь даже бухгалтеру) и забирают сданные в залог процентные бумаги. И сидят в нем до воскресенья. Дожидаются второго охранника-сменщика,

связывают и его – только так удастся сохранить ограбление в тайне до вторника. И уезжают вразь двумя парами в разных поездах еще в воскресенье, со всеми барышами. Да, хитрые ребята эти Зембовичи.

– Я им покажу, как грабить мои банки! – рявкнул Каргер. – Тут вам не Аахен, мать вашу, а Нижний Новгород!

Немного успокоившись, он резюмировал совещание:

– Павел Афанасьевич! Алексей Николаевич! Поручаю вам немедленно заняться выяснением первого об ъек та напа дени я «варшавск их». Братъ их придется уже там, мы не можем рисковать и позволять им взламывать пустой банк. Жаль, конечно, что поляк-бухгалтер, явный соучастник этой шайки, останется не доказанным в злоумысле, но должно хотя бы уволить его с волчьим билетом. И потом, в пустом помещении легче арестовывать. Не хочется подставлять под пули отставного городового, честно выслужившего уже пенсию.

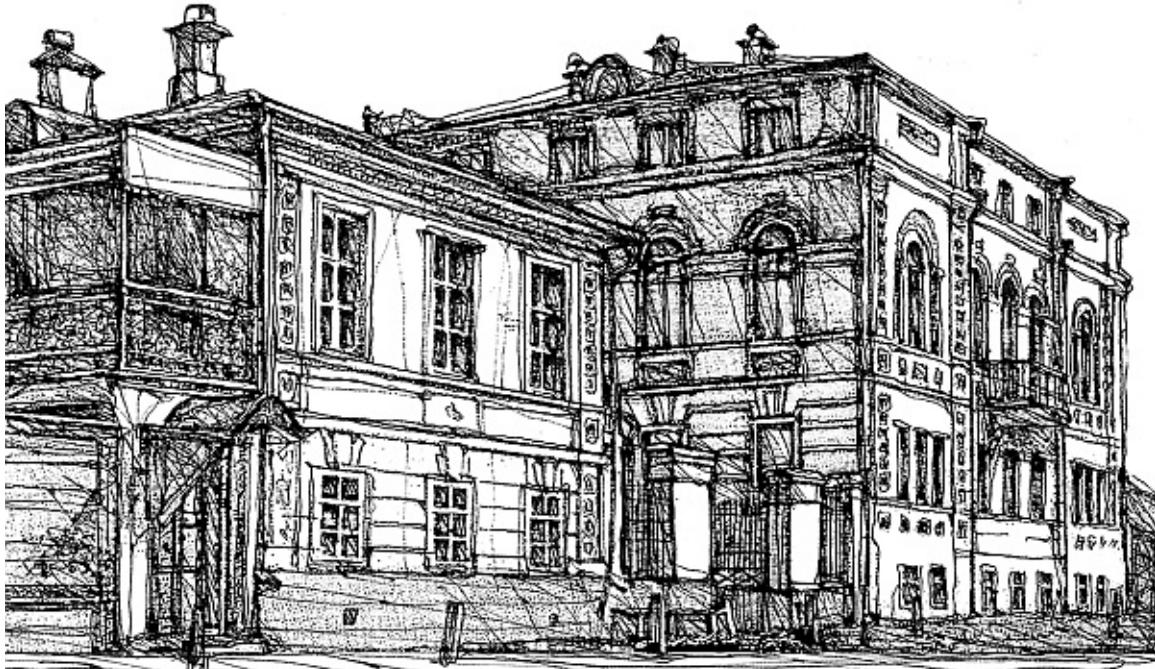
Теперь по поводу покушения на вас, Павел Афанасьевич. Телеграмма от Буффало доказывает, что это не случайность. Придется вам пока походить с охраной. Я приставляю к вам Тимофеева, так чтобы он и ночевал в вашей квартире. Днем и ночью, по любому делу, даже, извините, к dame – только с ним!

Старший городовой Тимофеев обладал огромной физической силой и всегда использовался при опасных задержаниях. Во всем Нижнем он уступал бицепсами только Лыкову.

– А ты, Алексей Николаевич, тоже поостерегись, – продолжал Каргер (титулярному советнику он по-отечески говорил «ты»). – Ты третий, кто был на том острове. Удвой осторожность, не надейся на силушку. Все, господа! В четверг к восьми утра жду вас с планом операции по поимке «варшавских». До свидания!

Глава 2

Смерть Тунгуса

Усадьба Добролюбовых над Почайнским оврагом и Лыковой дамбой (флигель и доходный дом).

Алексей вышел от полицмейстера расстроенным – у него были свои планы на утро четверга. По вторникам и четвергам (Благово не назначал в эти дни утренних совещаний) Лыков осваивал верховую езду.

Началось это в апреле, когда ограбили казначея Кубанского казачьего войска. Лихой извозчик примчал его с Московского вокзала вместо гостиницы в один из зловещих гордеевских притонов. Там войскому старшине дали поленом по голове, и очнулся он уже на берегу Мещерского озера, без казенных восьмидесяти тысяч рублей. Ладно, хоть не убили...

Три дня казак в жутком расстройстве торчал в приемной полицмейстера, проклиная Нижний Новгород и свою доверчивость. На четвертый день Благово через агентуру выяснил, что ограбил кубанца

гордеевский «князь» Семен Ушастьй и что после такого успеха он не просыхая гуляет у себя на родине, в Лысково. Войсковой старшина получил в итоге назад почти все деньги (Ушастьй успел пропить только три тысячи), купил на них для войска полосового железа и уехал счастливый, не зная, как благодарить начальника Нижегородской сыскной полиции. А через неделю наказный атаман Кубанского войска граф Гейден прислал в подарок Благово в отдельном вагоне замечательного чагривого^[3] текинского жеребца. Бывший морской офицер, Павел Афанасьевич и в кошмарном сне не мог представить себя в седле. Подумав немного, что делать с «нечаянной радостью», он подарил красавца-скаакуна своему помощнику.

Вот поэтому Алексей и делал теперь дважды в неделю конные прогулки. В августе прошлого, 1879 года он получил, с согласия начальства, от Рогожской обчины премию в пять тысяч рублей за спасение их казны от банды Оси Душегуба. На эти деньги Лыков купил небольшой дом на самом краю города, на углу улиц Спасской и Замковой Напольной, в шесть комнат, с огородом, конюшенным и дровяным сарайми. Мать и сестра ликовали, хотя место было глухим. Прямо через дорогу расстилались выпасные луга городских обывателей, вдали виднелись кресты храма стаинного села Высокова и крыши других пригородных деревень – Лапшихи, Кузнечихи и Грабиловки. На Лапшихинской горе один чудак, гарнизонного батальона капитан Можайский, в белом кителе кидался вниз головой с косогора в обнимку с каким-то якобы летательным устройством, которое летать вовсе не хотело.

Алексей на своем жеребце ездил до Высокова, дивился на чудачества капитана и через Солдатскую слободу возвращался домой. И вот на третьей или четвертой прогулке навстречу ему неожиданно попались два всадника: юноша, по виду гимназист старшего класса, и барышня лет восемнадцати в элегантной амазонке. Заметное сходство лиц наездников выдавало в них брата и сестру. Барышня поразила Алексея своей немного восточной красотой: черноволоса, смугла, капризно-кокетлива, но без жеманства, в благодушно-извинительной манере. Манера эта выяснилась очень быстро, потому как проехать молча мимо изумительного текинца (единственного в Нижнем Новгороде!) брат с сестрицей не смогли. Завязался разговор, из него выросло знакомство.

Брат и сестра – звали их Дмитрий и Ольга – оказались детьми известного в городе строительного подрядчика Климова. Дом их на Большой Печерской, выстроенный самим академиком Львом Далем, сыном составителя знаменитого словаря, поражал своей замечательной глухой

орнаментальной резьбой и был в городе приметен. Алексей назывался чиновником губернаторской канцелярии в чине титулярного советника; у них в сыскном запрещалось распространяться посторонним о своей настоящей службе.

Ольга Климова произвела тогда на Алексея впечатление, но сама больше смотрела на скакуна, нежели на его хозяина. Или только притворялась? Кто их, барышень, разберет.

Личный опыт общения с женщинами (в том числе и самого интимного свойства) был у Лыкова не велик. На ярмарке все попадались гулящие, от них его воротило. Честные вдовы на Алексея, по его молодости, еще не заглядывались, барышни тоже вниманием не баловали по заурядности лыковской внешности. Самое сильное любовное приключение он получил на войне. Когда турок-арабистанец при штурме Столовой горы проткнул Алексея штыком, угодил он сначала в госпиталь в Тифлис, а потом в команду выздоравливающих в Геленджик. Будучи небольшой крепостью во время Крымской войны, город превратился теперь в крупный приморский центр, уступавший только Новороссийску. Тон в Геленджике по-прежнему задавали военные: стоял в казармах славный 4-й Черноморский батальон, куролесили кубанские и терские казаки, была база флота, имелись огромные провиантские склады и приличный госпиталь. Как следствие этого, сложилось и общество, специфическое, военно-кавказское. То есть, состоящее из офицеров и военных чиновников, их жен и еще торговцев, преимущественно греков. Вчерашний гимназист, потом кандидат на низшую классную должность, вольноопределяющийся Лыков этому обществу только козырял, становясь во фронт в своей солдатской шинели.

Первым лицом в Геленджике был, разумеется, батальонный командир, старый кавказец, в молодые годы юнкером пивавший пунш еще с поручиками Лермонтовым и Миллютиным. У седовласого полковника росла, как водится, дочь-красавица. Звали ее Александра, была она абсолютно независима, никакие условия в грош не ставила и делала что хотела. На общественное мнение ей воистину было наплевать. Александра ездила на охоту верхом в мужском седле, в драгунских брюках, курила, читала мемуары Казановы на французском и позволяла себя любить симпатичным корнетам и поручикам, меняя их по прихоти еженедельно. Отец в ней души не чаял, все причуды прощал, а половину и не знал, точнее, не хотел знать. Мать Саши скончалась еще в молодые годы, и наставить юное создание было некому; батальонные жены давно уже в бессилии махнули на нее рукой.

И вот эта бойкая, уверенная в себе, красивая девятнадцатилетняя

барышня заметила Лыкова и подарила ему две недели своего внимания. Сначала были прогулки вдоль прибоя, потом поцелуи, потом сеновал на пригородной даче, жаркие губы и пылкая страсть... Затем приехал молодой стройный ротмистр с Георгиевским оружием, да еще и князь, а Лыкова услали ловить чеченских инсургентов. На этом любовь и закончилась.

И вот теперь, на три года повзрослевший, возмужавший, служащий начальником в серьезном месте титулярный советник Лыков познакомился с другой интересной барышней. Ольга попервоначалу не обратила на него внимания. Внешность самая обыкновенная, рост в седле не понять, но ясно, что не богатырский, да и «чинишко на нем дрянь». Плечи, разве что, необычно плотные и крутые, будто ваты понапихано. Но потом романтический девичий ум что-то заметил, а что-то домыслил. Откуда у титулярного советника такой роскошный конь? Улыбается – подарили. Ничего себе подарочек... Не от женщины ли? Говорят, что мелкая сошка в губернском правлении, а у самого золотые часы от министра. Да министр этих титулярных знать не знает, в упор не видит. На все вопросы о службе отшучивается, говорит, бумажки скучные крапает; может быть, он шпион? Или бастард великого князя? А когда у братцевой кобылы отлетела подкова, таинственный знакомец играючи скрутил ее в спираль. Папенькин кучер Егор, самый сильный в Верхнепосадском Троицком приходе, пыхтел-пыхтел, да так и не раскрутил, бросил, поминая лешего. Лежит с тех пор подкова на девичьем туалетном столике, и по вечерам Ольга вертит ее в своих тонких пальчиках.

И Лыков, и Ольга теперь с нетерпением дожидались вторников и четвергов, чтобы снова проехаться вместе верхами. А тут, понимаешь, «варшавские».

Алексей вернулся от Каргера в сыскное и принялся чертить на листе бумаги таинственные знаки. Какой банк выберут паны? Это выявит только слежка. Но панов четверо, а Титус один; другие агенты, увы, не столь талантливы и могут завалить дело. А если следить не за поляками, а за банками? Организовать пункты наблюдения в квартирах напротив...

Размышления Лыкова прервал с грохотом ворвавшийся Титус:

– Алексей Николаич, беда! Наблюдаемые съехали из гостиницы в неизвестном направлении!

– Как в неизвестном? А номер извозчика записали? Куда гостиничная прислуга глядела?

– Извозчик был грузовой, без номера и без особых примет, видимо, не зарегистрированный. Выписались они все четверо неожиданно и одновременно, в шесть часов утра, погрузили в экипаж вещи и уехали в

сторону Зелинского съезда. Прислуга ничего не могла сделать; не бежать же ей следом...

– Быстрее в гостиницу; я предупрежу Павла Афанасьевича.

Через минуту они вчетвером неслись через весь кремль в «Большую Московскую»: впереди Титус с Лыковым, за ними, задыхаясь с непривычки, красивый седовласый статский советник, замыкал колонну огромный Тимофеев. Благово вытирая на бегу лицо платком и хрипел в спину молодым:

– Шляпы! Сыщики хреновы! Что я Каргеру скажу?!

Алексей оборачивался и успокаивал его:

– Да не переживайте вы так, Павел Афанасьевич, мы их найдем! Выставим около банков наблюдение и к субботе точно найдем!

– Это ты его превосходительству будешь объяснять!

Однако, подбежав к гостинице, где их уже ждал сконфуженный хозяин купец Язев, Благово принял спокойный и уверенный вид. На попытки хозяина оправдаться сказал ласково:

– Да ладно, вы же не сыщики. Это мы...хгм! (он бросил на подчиненных испепеляющий взгляд) сыщики. Веди в номер.

В роскошном трехкомнатном номере, который снимала «Двойка пик», статский советник молча покрутил пальцем над головой («осмотрите здесь все»), а сам первым делом вывалил прямо на ковер содержимое мусорной корзины и принялся в нем рыться. Язев был опытным человеком и, когда поляки неожиданно съехали, запретил прислуге убираться в их номерах. Поэтому Благово рассчитывал что-нибудь, да обнаружить.

Не успел Алексей обыскать умывальную комнату, как из гостиной послышалось удовлетворенное хмыканье его начальника. Лыков поспешил к шефу, туда же из спальни прибежал и Титус. Благово сидел на диване с развернутым номером «Нижегородского биржевого листка», который, безжалостно скомканный, валялся на самом дне корзины. У дверей почтительно застыл Язев. Павел Афанасьевич молча кивнул ему и тот так же молча вышел в коридор.

Ян Титус и Лыков уселись по обеим сторонам начальника, Тимофеев стоял рядом.

– Глядите сюда, дармоеды, – Благово ткнул пальцем в колонку объявлений «Жилье внаем». – Видите?

– Точно, Павел Афанасьевич! – ахнул Титус, присмотревшись. – Как только вы разглядели! Едва заметно ведь...

Чувствуя себя провинившимся, он немного подольстил шефу. Но действительно, булавочный прокол возле одного из объявлений легко было

и просмотреть.

Алексей прочитал вслух:

«Сдается до Рождества с. г. четырехкомнатная квартира с водопроводом, ванной и теплым ватерклозетом, на втором этаже Общественного доходного дома (дар Ф. П. Переплетчика) по улице Рождественской. Площадь квартиры 56 кв. саж.; в двух комнатах окна на двор, весьма покойно. Обращаться к управляющему г-ну Нойману».

— Доходный дом Эф Пэ Переплетчика на Рождественской! В этом здании в отдельном крыле, в Мучном переулке, помещается Николаевский городской общественный банк, — воскликнул Титус.

— Яша, — подобревшим голосом сказал Благово, — оденься подходяще и сгоняй к господину Нойману, приценись к квартирке. Ежели ее уже сдали людышкам с польским акцентом, значит, первое задание господина полицмейстера мы выполнили.

Ян мгновенно испарился. Благово строго поглядел на Тимофеева:

— Назар! Нечего тут околачиваться. Иди-ка ты, братец, ко мне на квартиру, помоги Матрене котел поменять. Я появлюсь к обеду, а пока меня, драгоценного, Алексей Николаевич покараулит.

— Слушаюсь, ваше высокородие.^[4] Только Алексей Николаичу вас и доверю.

Лыков шутя ткнул старшего городового в каменное плечо, и тот ушел. Благово с Лыковым продолжили обыск номера Зембовичей, потом осмотрели номера, занимаемые двумя другими поляками. В одном из них, под чугунной ванной Алексей обнаружил ветошь со свежим запахом оружейного масла. Благово понюхал, многозначительно посмотрел на своего помощника. Тот понял его взгляд: всякий раз, когда надо было идти на риск, арестовывать «решительных людей», Павел Афанасьевич переживал за Алексея, хотя и понимал, что именно тот должен вставать под ножи, и что ему это даже нравится. Потому что Лыков — сам «решительный человек», только с правильным знаком, и никого он, пока молодой да здоровый, не боится...

Закончив с обыском, они вернулись в кабинет Благово одновременно с Титусом. Тот доложил, что все правильно: господин Нойман отказал ему в квартире, потому как уже отдал ее гостям из Варшавы и деньги получил за два месяца вперед; очень любезные паны. Квартира же находится в пристроенном флигеле, имеющем общую стену с Николаевским городским общественным банком.

До обеда они втроем просидели в кабинете, обдумывая детали операции по захвату у поляков. В три пополудни, составив вчерне план,

Павел Афанасьевич с Алексеем пешком пошли на казенную квартиру начальника сыскной полиции обедать. Благово жил над Похвалихинским оврагом, в доходном доме наследников Зинаиды Добролюбовой, матери столь рано умершего знаменитого критика, на втором этаже. Хозяева божились, что раньше эту квартиру снимал сам генерал Улыбышев, друг Пушкина и меломан.

Отперев, по привычке, дверь своим ключом, Благово прошел сразу в гостиную, крича весело:

– Тимофеев! Сменил котел? Выходи, где спрятался?

И вдруг осекся. Алексей вышел из-за его плеча и увидел старшего городового лежащим на полу лицом вниз, вытянувшись во весь свой огромный рост. Быстро присел над ним, потрогал под левым ухом, с трудом перевернул и бегло прощупал руки, шею и грудь. Так же быстро поднялся и тревожно осмотрелся.

– Что с ним? – тихо спросил Благово.

– Это невероятно, но у него сломана рука и вывернута шея.

– У Тимофеева вывернута шея? – с ударением на фамилию ошарашенно повторил статский советник, но тут дверь из спальни отлетела от мощного удара и в гостиную забежали двое.

Первый был плотный бородатый мужчина среднего роста, с лихорадочно блестящими, весело-безумными глазами. Второй же поражал своим неправдоподобно мощным телосложением, от него в большой комнате сразу стало темно и тесно. На вершок всего выше Лыкова, он был в полтора шире его в плечах; огромные кулаки с короткими пальцами, необъятная – воистину, как у быка – шея, словно надутые воздухом, в буграх мышц, руки. И – полусонное, застывшее бритое лицо с хитрым настороженным взглядом.

– За отца ответ! – выкрикнул знакомую уже фразу бородатый и бросился на Благово. Гигант же, сразу поняв, что Лыков опасней, двинулся на него. Ленивый удар без замаха – и Алексей, отброшенный страшным толчком, отлетел к стене. Однако он успел упереться, наклонив вперед корпус, и выставить локоть, поэтому устоял на ногах. На сонном лице бритого мелькнула удивленная гримаса. Он хмыкнул одобрительно и уже сильно ударил правой, целясь Лыкову в голову. Однако Алексей упредил его столь же сильным встречным боковым ударом кулака в кулак, по науче тенгинского инструктора. Гигант глухо взвизгнул, затряс отшибленной кистью и тут же получил прямой в переносицу, отшатнувший его огромную тушу на целый аршин назад.

Воспользовавшись секундным замешательством, Алексей прыгнул к

сцепившимся бородатому и Благово и пинком свалил бородатого с ног. Тут же обернулся, и вовремя – бритый наскочил и неожиданно ловко взял его шею в захват.

Хрустнули шейные позвонки, в глазах у Лыкова потемнело. Огромная тяжесть необоримо тянула его к полу. Он изловчился и, напрягая все силы, так же сцепил свои пальцы на шее противника. Тяжело дыша, они застыли в страшном напряжении, стараясь согнуть и повалить друг друга. Алексей быстро почувствовал силу, с какой никогда раньше не сталкивался, какую ему было не одолеть... Огромный, как гора, уверенно-злой, противник медленно скручивал ему шею.

«Ударить ногой в пах? Нет, на одной ноге не устою. Неужели погибаю?».

Но вдруг он понял, что если сейчас поддастся, то они убьют Благово.

«Что ж ты, дрянь, зря железо тягал? Только перед барышнями можешь хвалиться? – обругал он себя. – Вот хрен вам, ребята!».

Алексей разозлился, как не злился с того страшного момента, когда год назад бандиты убивали его в подвале зловещего трактира Кузнецова. Убивали, да не убили, вспомнил он, и руки его сразу налились какой-то новой силой. Упервшись, Лыков надавил на шею бритого как только мог, напрягая все жилы, всю волю, всю мощь. Он поднял, наконец, голову и посмотрел на врага в упор, с такой ненавистью и одновременно с таким превосходством, что кожей почувствовал случившийся перелом. Лицо гиганта начало быстро бледнеть, сцепленные на лыковском затылке руки мелко затряслись. Алексей скосил на миг глаза и увидел, как Благово большими пальцами рук ткнул своему противнику в глазные яблоки; бородатый с воем отскочил и, закрыв одной рукой лицо, вторую сунул в карман.

«Черт, у него там нож», – понял Лыков, но ничем помочь начальнику он пока не мог. Напрягая руки изо всех последних сил, он начал пригибать своего противника все ниже и ниже к полу, стремясь быстрее добить его и бежать выручать Павла Афанасьевича. Бритый уже поддавался, медленно, дрожа всем огромным корпусом, оседая вниз; закусив губу, он едва сдерживал стон.

– Удавлю, гад! – шепотом, спокойно и четко пообещал ему Алексей. Из носа и ушей бритого алыми ручейками хлынула кровь, шея хрустнула, и он со стоном упал на колени. Алексей, представив, что его кулак – двухпудовая гиря (тоже наука солдатского рукопашного боя), замахнулся и ударил противника в висок...

Пол задрожал от падения многопудовой туши, а Лыков уже набегал на

второго противника. Тот махал наугад ножом, а Благово, хладнокровно уворачиваясь, отступал за кресло. Алексей стремительно выпрыгнул и той же «гирей» ударил бородатого сверху вниз по темени. В комнате наконец-то стало тихо.

* * *

Полицейский врач Иван Александрович Милотворжский разогнулся, снял пенсне и сказал ошарашенно:

– Да-а... Никогда не встречал такого крепкого сложения, а уж, кажется, всякого насмотрелся! Колосс, положительно колосс! Как только вы с ним справились, Алексей Николаевич, неужто такого громилу можно уложить голыми руками?

В прозекторской полицейского управления лежали четыре трупа: кухарки Благово (изверги не пожалели старушку), Назара Тимофеева и двух убитых Лыковым неизвестных. Огромный Тимофеев рядом с квадратным, бугристым от мышц, неправдоподобно крупным в кости громилой казался подростком.

В прозекторскую вбежал Каргер, снял фуражку, медленно подошел к телу старшего городового и застыл перед ним. Лыков знал, что полицмейстер любил своих простоватых «детушек» и больно переживал, если кто-то из них страдал на службе. А тут хороший, достойный человек, отец четырех детей, отдал жизнь.

Постояв так с минуту, Каргер шмыгнул носом, повернулся, смахнул с глаз стариковскую слезу. Затем уже строгим генеральским взглядом окинул остальных покойников, задержался на «колоссе».

– Ты хоть знаешь, от какой дряни державу избавил, Алексей Николаевич? Нет? Это же сам Тунгус!

Лыков даже присвистнул. Вошедший следом за полицмейстером Благово, белый от переживаний (жалел и Тимофеева, и верно служившую ему много лет Матрену), тихим голосом подтвердил:

– Он самый, никаких сомнений. Видите, свежая рана на ляжке? Питерцы продырявили, когда брали.

Тунгус был вторым в списке самых опасных бандитов Российской империи. Был бы и первым, да не имел нужных для этого амбиций. Хитер, но не умен; страшен, но без масштаба. Как многие из этой жуткой среды, убивал легко, часто, охотно, даже там, где можно было и пощадить. Кличку свою получил, когда бежал со своей первой категорией из Акатуя. Прорывался

он тогда на запад через Подкаменную Тунгуску, режа по пути всех, кто ему попадался, и перебил таким образом более тридцати человек. После этого всегда говорил не «убить», а «затунгусить», потому и был соответственно прозван. Считался наиболее физически сильным человеком в преступном ареопаге страны, из-за чего стал героем многочисленных уголовных легенд. Неоднократно избегал ареста, прорываясь сквозь плотные кордоны, разбрасывая при этом, как котят, самых крепких полицейских. Лишь в декабре, когда уже совсем достал Ивана Дмитриевича Путилина, тот бросил на его поимку знаменитый «летучий отряд силового задержания». Отряд тот состоял из весьма бывальных людей, способных заарестовать даже черта... И когда Тунгус привычно сбил с ног первого, второй, не мешкая, прострелил ему ляжку, а третий врезал по голове кастетом. Очнулся Тунгус уже в ручных и ножных закаленных кандалах. Их он и порвал, когда его в тюремной карете везли на суд, после чего снова пошел гулять по России. Пока не нарвался на Лыкова.

– А кто второй, установили? – спросил Алексей.

– Пока нет. Возможно, он вообще не наш клиент, не уголовный. Какой-нибудь хлыстовский деятель низшего звена.

– Вот, Алексей Николаевич, почитай, – Каргер передал ему папку, в которой лежала телеграмма директора Департамента полиции исполнительной^[5]. – Дасть Бог, эдакое больше не повторится. Повязали голубчиков, теперь мстить-то некому будет.

Директор департамента сообщал о разгроме полицией главной хлыстовской штаб-квартиры в подмосковном городе Богородске. Похоже, терпение Рогожской общины закончилось, и всемогущие вожди раскольников-поповцев задействовали свои связи в верхах. Сильный полицейский отряд из Санкт-Петербурга ночью окружил укрепленную усадьбу хлыстов на краю города и утром пошел на штурм. Характерно, что вперед полицейские пустили «представителя заказчика» – рогожца Федора Ратманова – Буффало. Тот застрелил двух караульных, пытавшихся оказать сопротивление, после чего остальная охрана сразу же бросила оружие.

В обширной усадьбе были конфискованы огромный хлыстовский столетний архив, большой оружейный склад, на триста тысяч фальшивых банковских билетов и приспособления для их подделки. В секретной тюрьме обнаружился пропавший два месяца назад в Москве директор крупного банка, причем его держали на цепи, вделанной в стену. А на огороде опытные сыщики сумели разрыть тайное захоронение с четырьмя трупами, все – со следами насильственной смерти. Арестовали, кроме охранников и прислуги, еще несколько высокопоставленных хлыстов

(«апостолов»), давно числившихся в розыске, а также восемь молодых женщин – гарем верховного «христа». Сам «христос», купец Редкозубов, был обнаружен после упорного пятичасового обыска в замаскированном подземном убежище, куда он успел спрятаться, заслышав выстрелы. Начато уже уголовное дело, причем по совокупности преступлений всем главным подозреваемым светит Сахалин до скончания века.

– Словом, secta надолго обезглавлена, – удовлетворенно констатировал Благово. – Эти двое (он кивнул на трупы) – их последний привет нам. Хочется надеяться, что ничего подобного действительно больше уже не случится...

– Ну, господа, попереживали и хватит, – строго сказал полицмейстер. – У нас полно дел, надобно «варшавских» ловить с поличным. У вас готов план операции?

Глава 3

«Тут вам не Аахен!»

Михайло-Архангельский и Спасо-Преображенский соборы в кремле.

В ночь с пятницы на Родительскую субботу Лыков с тремя опытными агентами сыскной полиции сидел в засаде в помещении Николаевского городского общественного банка. На другой стороне Рождественской улицы, в корпусе общественных лавок прятались Каргер, Благово и десять вооруженных городовых. Еще четверо агентов во главе с Титусом скрывались во флигеле, в квартире, соседней с той, что снимали поляки. Лыков со своими людьми проникли в банк тайно, поодиночке, через общий зал и кабинет директора, под видом посетителей.

В одиннадцать часов ночи Лыков услышал негромкое звучание дрелей за стеной – взломщики буравили стену сразу в нескольких местах. Через час стена была подготовлена, и паны стали осторожно выбивать из нее

кирпичи. Лыков перешел в соседнюю комнату и наблюдал теперь за происходящим в крохотное зеркальце.

Он увидел, что в небольшой образовавшийся проем снаружи просунули свернутое рулоном ватное одеяло и бросили на пол. Одеяло развернулось точно под дырой в стене, и кирпичи стали падать на него почти беззвучно. Еще через минуту просунулась рука с зашторенным фонарем и осветила комнату. Лыков сразу убрал зеркальце.

У поляков все получалось быстро, ловко и бесшумно. Вскоре первый из них проник в банк, и сыскным агентам пришлось ретироваться в заранее подготовленное убежище. Они набились в кабинет помощника управляющего и легли там на пол, запервшись изнутри. Кабинет был особенный: сквозь его матовое стекло было видно все, что делалось в коридоре, из коридора же стекло ничего не пропускало.

В комнате, проломленной «варшавскими», усилились шумы, и вскоре Лыков увидел сразу три луча света, осторожно пробирающихся по стенам. Значит, три пана проникли уже в банк, а четвертого оставили в квартире для приема добычи. Можно было начинать захват: взлом произошел.

Луч скользнул по стеклу кабинета, в котором укрылись Лыков и его люди, и дверь снаружи аккуратно, но сильно тряхнули. Убедились, что заперто, и двинулись дальше. Когда грабители скрылись за поворотом, Лыков осторожно повернул ключ в замке. Все четверо сыскных были обуты в шерстяные вязаные чулки. Бесшумно ступая, они двинулись следом за поляками, которые добрались уже до хранилища и вовсю там хозяйничали. Расставив фонари по углам так, чтобы они освещали железную дверь кладовой, «варшавские» раскладывали по столам фляги, масленки, сверла, отмычки и еще какие-то неведомые диковинные приспособления.

Алексей стоял за выступом стены, приготовляясь к нападению. На нем под жилетом был надет английский стальной панцирь – прошлогодний подарок Буффало, в руке он сжимал каучуковую гантель. Трое других агентов уступом стояли сзади по коридору.

Сжавшись как пружина, Лыков молча и неожиданно выпрыгнул на середину комнаты и врезал гантелью в лоб самому коренастому из панов. Тот ойкнул и улетел в угол, а Лыков, уже сильным ударом ноги, выбил второго налетчика в коридор, в объятья агентов. Развернулся, и тут грохнул выстрел, и пуля, ударившись Алексею в грудь, с визгом срикошетила от панциря в потолок. Третий налетчик стоял спиной к стальной двери с наведенным на Лыкова револьвером. В глаза Алексею полыхнуло пламенем, вторая пуля сильно ударила его в правое плечо. Он чуть шатнулся, рявкнул «Не входить!» и, как бык на корриде, ринулся на поляка.

Тот выстрелил в третий раз, уже в упор, но вид летящего на него сыщика был, видимо, так страшен, что пан промахнулся с полшага – пуля обожгла Лыкову ухо. Больше ничего сделать не успел: Алексей добрался до него. Мелькнули под потолком ноги, поляк крутанулся на воздухе и по высокой дуге кубарем улетел в коридор, сильно ударившись об пол. Мгновенно на нем верхами уселись сыскные агенты, щелкнули наручники, все было кончено.

Алексей, не обращая внимания на льющуюся из плеча кровь, шагнул в угол, поднял за брючный ремень первого налетчика, все еще лежащего без сознания, и, как с кофром, вышел с ним в коридор. Всех троих панов усадили вдоль стены и обыскали, причем револьверы обнаружились у каждого. Меньше всех досталось второму поляку, выпиннутому как шавка в коридор. Третий, стрелявший в Лыкова, притулился к косяку, вытирая скованными руками кровь с разбитого холеного лица; он хрипел и выплевывал на пол выбитые зубы.

Из проломленной комнаты проник в коридор еще один луч, и послышались голоса. Лыковские помощники схватились было за револьверы, но опустили их, узнав сочный баритон Титуса.

– Не стреляйте, свои! Алексей Николаевич, все ли в порядке? Как вы там?

Титус вышел в коридор, толкая перед собой стволом револьвера скованного четвертого поляка; остальные агенты его группы шли следом.

Торжество было полное, если не считать того, что из плеча Лыкова бойко хлестала кровь. Агент Торсуев, бывший ранее фельдшером, бросился его перевязывать. Титус осмотрел сидящих вдоль стены панов, спросил у агента Фороскова:

– Этот?

Форосков молча кивнул. Титус подошел к стрелявшему и без лишних разговоров пнул его в лицо. Поляк со стоном покатился по полу; остальные агенты встали в круг и принялись ожесточенно молотить его ногами. Остальные налетчики пытались было защитить своего товарища, но их быстро и жестко окоротили.

– Прекратить! – не выдержал Лыков. – Отойдите все от него!

Сыщики неохотно, пнув еще разу напоследок, отошли в с торону от лежащего без движения «варшавского». Титус пробурчал через плечо:

– Жаль, если не сдохнет...

Лица у остальных трех налетчиков приобрели уже выражение особого уголовного фатализма: наше дело грабить, а ваше – ловить; поймали, так бейте, чего уж там... Лыков и сам без зазрения совести избил бы до

полусмерти любого, ранившего, к примеру, Титуса, но наблюдать со стороны наказание связанного не мог.

Снова раздался топот, на этот раз снизу; это бежали Каргер и Благово со своим отрядом. Большая комната вскоре стала тесной: приехали следователь и чиновник для особых поручений от губернатора Безака, в дверях ахал управляющий банком, слепил всех своим магнием полицейский фотограф, толкались вокруг стола со сверлами и отмычками полицейские чиновники. Сыскные агенты, гордые своим успехом, воинственно расхаживали по коридору с ненужными уже револьверами. Лыков, у которого от этой суэты и кровопотери уже кружилась голова, кратко доложил начальству важнейшие детали, и его на пролетке отправили на квартиру доктора Милотворжского для перевязки. Братьев Зембовичей с сообщниками сразу увезли на первый допрос. Срочно поднятый с постели мастеровой принял заделывать стену, закладывая ее стальной полосой.

В воскресенье, звеня тремя солдатскими «георгиями» и крепко дыша водкой, домой к Алексею пришел Михалыч – отставной тенгинский унтер-офицер и лыковский учитель по рукопашному бою. Он заставил Алексея нарисовать диспозицию схватки в Николаевском банке, указать расстояния, углы обстрела, освещение. Минуту разглядывал схему, потом сказал:

– Плохо провел бой! Надо было, ударив первого, броском захватить второго, цапнуть его за глотку и, прикрываясь как щитом, переть на третьего. Хрен бы он тогда в тебя пальнул! А так – едва тебе, дураку, башку не отстрелили... Эх, Лешка, учу я тебя, учу, а толку с гулькин шиш!

Пришлось ученику наливать учителю стакан «очищенной».

Во вторник, после всех праздников, Лыков возвращался с доклада губернатору в полицейское управление. Городская полиция располагалась в отдельном двухэтажном здании под каланчой позади огромного строения военной гимназии – бывших казарм учебного карабинерского полка, сформированного Николаем Первым из кантонистов.

Правая рука Алексея все еще висела на перевязи, хотя уже почти зажила. Он был в редко надеваемом сыскными агентами будничном чиновном мундире с черными бархатными общлагами и петлицами министерства внутренних дел; на мундире красовались орден Святого Владимира и солдатский Георгиевский крест. Вид у Лыкова был геройский и немного загадочный, он это осознавал и был собою доволен; жалко, не видела его эдаким орлом Ольга Павловна...

Вдруг сзади раздался знакомый мелодичный голос:

– Алексей Никола-а-евич!

Лыков резко развернулся и увидел только что им воображаемую Ольгу

Климову, грациозно сходящую к нему со ступеней Спасо-Преображенского собора. Она быстро закинула вуаль на верх модной шляпки, с любопытством оглядела регалии сыщика, ахнула, увидев его руку на перевязи:

– Что с вами, Алексей Николаевич? Текинец ваш взбрькнул? Вы поэтому давеча не выезжали? Мы с Димой так расстроились...

Ольга осторожно провела своими пальчиками по форменному обшлагу лыковского мундира:

– Очень больно пришлось?

– Жаль, некому было подуть, – весело ответил Алексей, подавая девушке здоровую руку. – Куда прикажете вас препроводить, Ольга Павловна? Начальство меня еще четверть часа не хватится.

– А давайте к Мининскому памятнику пройдем, оттуда вид хороший.

– Можно и к памятнику, – охотно согласился Алексей. Настроение у него было отменное – губернатор Безак, сменивший недавно графа Кутайсова, только что зачитал сразу две благодарственные телеграммы, адресованные министром лично Лыкову: одну за Тунгуса, вторую за братьев Зембовичей. Присутствующие при этом Каргер и Благово прямо светились от удовольствия и гордости за своего ученика, да и сам губернатор был непривычно ласков. Титулярный советник шел поэтому бодро и весело, упругой походкой молодого и здорового охотника, которому сам черт не брат.

Ольга скосила взгляд, кивнула на «Георгия»:

– Это у вас ведь солдатский?

– Так точно, Ольга Павловна, вольноперам офицерских не дают. Но такие тоже не каждому достались.

– А у нашего кучера Егора Аннинская медаль есть!

– Да у меня тоже есть, Ольга Павловна, – беззаботно ответил Лыков, выводя барышню на смотровую площадку. – Ах, как здесь хорошо...

Они стояли напротив Успенского собора и смотрели вниз. Белые полуразрушенные стены кремля спускались к великой реке, золотились купола Симеона Столпника и Живоносной церкви, на плацу Красных казарм маршировали солдатики. Нижний базар, самое старое место в старом городе, был, как всегда, оживлен, пристань дымила трубами многочисленных пароходов. А за громадной, вечной, переливающейся сине-серыми тонами и блестками Волгой уходили куда-то за горизонт подернутые дымкой заречные дали.

Ольга не дала Алексею полюбоваться этим чудесным видом, задав очередной вопрос:

– Ну, а крест-то Святого Владимира вы как исхитрились получить? Он, помнится мне, дается за выслугу двадцати пяти лет в офицерских или классных чинах да еще, в исключительных случаях, за совсем уж выдающиеся деяния. Его только на старичках и увидишь!

– Ольга Павловна, – укоризненно проговорил Алексей, – ну зачем столько лишних знаний в такой милой головке?

Климова топнула изящной ножкой в прюнелевом ботике:

– Извольте отвечать на вопрос, а не дерзить! Вы уже двадцать пять лет, как чиновник? Просто молодо выглядите? Или какое выдающееся деяние невзначай совершили?

Положение Лыкова становилось затруднительным. Сознаваться в подвигах, совершенных по должности сыскного агента, он не имел права. Однако «статский» Владимир в двадцать два года от роду в империи получали единицы, это действительно была выдающаяся награда, и ее нельзя было объяснить рядовым усердием по службе. Кроме того, чего греха таить, Алексею нравился тот ореол таинственности, который окружал его в глазах юной барышни. Хотелось сохранить его подольше: очень уж он был выигрышным. Поэтому приходилось врать и отмалчиваться.

– Ну... какие там деяния. Начальство мне благоволит, балует. Служу себе тихо, не хуже, правда, других, вот и все наши подвиги.

– А что у вас на самом деле с рукой? Вас ранили? Вы дрались на дуэли?

Алексей принял беспокойно озираться по сторонам, потом невежливо схватился за часы:

– Погубите вы, Ольга Павловна, мою карьеру! Начальник отделения уже давно, поди, меня разыскивает! Прошу покорно извинить, срочно вынужден вас покинуть, еще раз простите, ради Бога!

И Лыков, сняв фуражку с кокардой, почтительно поклонился своей собеседнице и быстрым шагом удалился. Дабы его не выследили, он пошел не к себе в полицейское управление, а свернул в губернское присутствие, однако и это его не спасло. Как только Алексей, кивнув городовому на входе, поднялся во второе отделение канцелярии^[6], следом вошла с улицы милая барышня в изящной шляпке с прозрачной вуалью. Она поманила пальчиком городового, почтительно к ней тотчас же подбежавшего, и протянула ему серебряный полтинник:

– Скажите, голубчик, кто этот молодой человек с двумя крестами, только что сюда вошедший?

Пожилой служака лукаво-одобрительно крутанул седой ус:

– Это с Владимиром и Георгием? Хороший у вас глаз, барышня,

истинного молодца усмотрели. То Алексей Николаевич Лыков, помощник начальника Нижегородской сыскной полиции. Орел! На турецкой войне был, а сейчас самых страшных убийц ловит, и еще как ловит – самому государю императору об нем докладывали! Силищи необыкновенной и еще большей храбости. Оченно мы в полиции все его уважаем, хотя ему всего двадцать два года.

– А что у него с рукой? – зардевшись, спросила барышня и сунула в корявую ладонь городового второй полтинник.

– Да вы разве не читали? Во всех местных газетах пропечатано! Предотвращена попытка ограбления Николаевского городского банка. Взломщики оказали вооруженное сопротивление, но начальник засады титулярный советник Лэ (то есть, Лыков, вот этот, Алексей Николаевич) в одиночку их всех обезвредил, запретив остальным чинам полиции рисковать жизнью. Быв при этом ранен в правую руку...

– Ранен в правую руку... – как сомнамбула, повторила Ольга последние слова городового и вдруг, словно по команде, из глаз ее полились обильные девичьи слезы.

– Что вы, барышня, все окончилось благополучно, жулики в тюрьме сидят, а Алексей Николаевич бегает уже вовсю, сами видели, – по-отечески принялся утешать ее полицейский, вынимая из кармана не очень чистый носовой платок.

– Бегает... – всхлипывала приглушенно Ольга. – От меня он бегает! Ничего не рассказывает, врет, что служба у него скучная, что бумажки пишет целыми днями. А его чуть не уби-и-или! – и она снова залилась слезами.

– А и правильно делает, что врет, – авторитетно заявил старик. – Нельзя им, сыскным, ничего про себя рассказывать, служба у них секретная. Подписку дают! Вот они и врут, бедолаги, даже отцу-матери, про бумажки-то...

– Да? – обрадовалась Ольга. – Значит, им так положено? Подписку дают... Это тогда ничего, не обидно вовсе. Это все объясняет!

И, повеселев так же быстро, как и заплакала, она толкнула дверь на улицу. На пороге задержалась, оглянулась, снова покраснела и сказала:

– Дядечка, вы уж ему, пожалуйста, ничегошеньки не рассказывайте.

– Как можно, барышня! Все понимаю, у самого дочке семнадцатый годок пошел...

Ольга убежала, а старый городовой еще долго ходил по вестибюлю, звенел в кармане полтинниками, улыбался в седые усы.

Проболтав с четверть часа со служащими губернаторской канцелярии,

Лыков вернулся, наконец, к себе в полицейское управление, но делами заняться не удалось: оказалось, что его давно уже разыскивает Благово. Он направился в кабинет к начальству и застал там, помимо начальника сыскной полиции, также и самого полицмейстера. Два высоких чина распивали чай из казенных стаканов в серебряных подстаканниках (дар купчихи Рябининой за разыскание ее сбежавшей со штык-юнкером сестры).

Лыков почтительно застыл в дверях.

– Вот и Алексей Николаевич пожаловал! – обрадовался Благово. – Напомни-ка, дружок, его превосходительству, кто уж ты есть у нас по должности?

– Ваш помощник, Павел Афанасьевич!

– А если поточнее?

– Если по формуляру, то исправляющий должность вашего помощника.

– Правильно. А почему исправляющий?

– Потому, что у меня нет высшего образования.

– Ай-ай-ай, такой хороший оперативник и без высшего образования...

– пробурчал не без издевки Каргер. – Почему не учится?

– Некогда ему учиться, Николай Густавович, – столь же иронично ответил Благово. – Кто же будет жуликов ловить? С барышнями на лошадях кататься? Подковы им на память гнуть?

«Откуда он знает?» – смущился Алексей.

– Ладно, бери у секретаря стакан и подсаживайся, разговор есть, – скомандовал Каргер, и Лыков побежал в приемную.

Полицмейстер Каргер был весьма доволен tandemом Благово-Лыков. В прошлом году временный ярмарочный генерал-губернатор граф Игнатьев выгнал, наконец, со службы кутайсовского зятка, бездельника и картежника Лукашевича, и назначил начальником сыскной полиции Павла Афанасьевича (прямо в день своего приезда!). Отличившийся тогда же при ликвидации жуткой банды Оси Душегуба молодой помощник квартирального надзирателя Лыков был замечен Благово и приглашен им в свои помощники. Сразу через два чина. После этого, при активном содействии графа, полицейский порядок на ярмарке был значительно укреплен: закрыты наиболее зловещие уголовные притоны, разгромлено несколько банд, много лет терроризировавших ярмарку – персы-душители, беглые острова Кавказ, гордеевские «попрыгунчики». По итогам ярмарки, впервые, наверное, за шесть десятилетий ее существования в Нижнем Новгороде, не случилось ни одного нераскрытоого убийства!

За такое отличие граф Игнатьев удостоился в сентябре 1879 года Монаршей благодарности, после чего на остальных чинов полицейской администрации обрушился дождь наград. Каргер получил предел своих мечтаний – Аннинскую ленту, столь редкую в провинции. В департаменте ему сообщили по секрету, что первоначально подготовили представление его на орден Святого Станислава 1 степени, по случаю десятилетия пребывания в должности нижегородского полицмейстера. Однако граф Игнатьев стремительно атаковал министра в самой императорской приемной, и представление переделали прямо там же, «на коленке», на более высокую по статусу Анну. Благово сделался статским советником и «высокородием», брандмейстер Морошкин получил Владимира 3 степени. Только Лыков, более других рисковавший жизнью, был отмечен всего лишь золотыми часами. В столице сказали: еще чего! В двадцать два года стал титулярным советником и Владимирским кавалером! Ему теперь десять лет ничего не положено. Один раз уступили беспрецедентному давлению графа, больше не поддадимся... Единственное, чего смог добиться Игнатьев, это нанесения на часы монограммы министра.

Возглавив городской сыск, Благово железной рукой навел в «кармане России» порядок. Разного рода жулье попртихло, некоторые сочли за лучшее уехать – в Рыбинск, Казань, даже Одессу. Четыре случившиеся за зиму крупные кражи все были раскрыты, из шести убийств расследовано пять. Последовали также ловкие аресты знаменитых московских бандитов, разоблачение фальшивых закладных на земли в Царстве Польском, вскрытие поддельного завещания загадочно умершего купца Бурмистрова («дело молитовских отравителей»). На Пасху Благово с Лыковым провели блестящую операцию по задержанию известного мошенника Аарона Менделя, автора аферы века – акционерного общества по созданию летательных аппаратов тяжелее воздуха (!), вытянувшего столько денег из дураков военного министерства. А теперь еще – ликвидация Тунгуса и арест братьев Зембовичей, безуспешно разыскиваемых полициями шести европейских государств.

Департамент полиции исполнительной заметил произошедшие в Нижнем Новгороде улучшения. Каргер получил первого января Монаршее удовлетворение и пятитысячную ренту сроком на шесть лет. И вот теперь Лыкова решили забрать в Петербург, под тем предлогом, что ему здесь некуда расти! Действительно, со средним образованием его потолок – коллежский асессор, а там министр живо сварганит ему диплом юридического факультета экстерном.

Благово, когда расстроенный полицмейстер показал ему запрос на

Лыкова, задумался и погрустнел. Отсутствие высшего образования действительно подрубало Алексею карьеру: случись что с Павлом Афанасьевичем, появится новый начальник сыска, и Лыкову тогда прямая дорога в часть надзирателем на всю оставшуюся жизнь. Может до пристава добрасти... Пробивать же ему экстернат из провинции, без поддержки министерства, практически невозможно. Хитроумный Благово придумал-таки один вариант, однако решил первоначально испытать своего помощника.

Итак, Лыков прибежал с пустым стаканом, Павел Афанасьевич налил ему чаю – хорошего, ханькоусского, и затем огорошил:

– Департамент полиции исполнительной заметил твои подвиги, Алексей Николаевич, и вызывает тебя срочно в столицу.

– Зачем это?

– У них есть две вакансии. В «летучем отряде силового задержания» очередная потеря – на облаве в Вяземском доме тяжело ранен агент, пришлось отнять ему руку. Члены этого отряда – а их всего шестеро – производят самые трудные и опасные задержания, конвоируют наиболее отчаянных преступников, сопровождают ценности. Они получают полуторное, в сравнении с другими, жалованье и на три года ранее выслуживают пенсию. Очередь желающих попасть в отряд огромная, на освободившееся место сейчас есть пятьдесят кандидатов, и все с опытом. Тебя же вызывают персонально, телеграмму подписал сам директор департамента тайный советник Косаговский.

– Павел Афанасьевич, вы сказали – там две вакансии. Позвольте полюбопытствовать насчет второй.

Благово с Каргером переглянулись.

– Вторая вакансия – помощником пристава Спасской части столицы, той самой, где начинал свою службу сам Иван Дмитриевич Путилин. Подполковничья должность, а главное – министерство гарантирует получение высшего образования экстерном, что дает возможность дальнейшего служебного роста.

– Высшее образование – штука хорошая, – мечтательно сказал Алексей. – Генералом можно стать, как Николай Густавович... Эх-ма! Передайте в департамент, что титулярный советник Лыков с благодарностью отказывается от обоих предложений. Он хочет стать настоящим профессионалистом, сыщиком высшей квалификации, что возможно, по его мнению, лишь после нескольких лет работы под руководством господ Каргера и Благово. А жуликов вязать он, Лыков, и так уже умеет, ему интереснее думать научиться...

Полицмейстер довольно крякнул, а Благово молча стукнул себя кулаком по коленке и пошел к сейфу за коньяком. Вынул из потайного шкафа пузатую бутылку, разлил в три серебряные стопки, выпил свою, посмаковал и сказал задумчиво:

– Есть одна идея. Третьего дня иду я мимо Блиновского пассажа, слышу – сзади окликают по имени-отчеству. Оглядываюсь, а это давнишний знакомый, лет десять как уехавший из Нижнего в Симбирск, некто Ульянов. Полясел, бородой оброс; я его еле узнал. Он был тут раньше учителем математики и космографии в губернской гимназии. Человек из моей сыской молодости. В первых числах сентября 1869 года дело было, я всего две недели как служил надзирателем в Рождественской части, только-только начал въезжать. И вот спускаюсь с крыльца Холщевого ряда Гостиного двора и вдруг слышу крики о помощи. Забегаю сразу за угол и вижу, как огромный такой золоторотец вырывает сумочку из рук прилично одетой дамы лет тридцати; дама же вцепилась обеими руками в вещь, и ни в какую, только криком кричит. Оборванец дернулся безуспешно еще раз, затем в сердцах выхватывает из сапога нож и замахивается! Рядом, как всегда в таких случаях, ни одного городового, хотя там два поста. Еще немного, и он бы ее зарезал, потому как дама от ужаса вцепилась в ридикюль мертвой хваткой. Но тут я прямо с разбега сбил злодея с ног и давай в свисток наяривать; прибежали наши, повязали, а я получил тогда первое одобрение своего пристава.

Дама оказалась супругой этого самого господина Ульянова. Она была в положении, на третьем месяце; получилось, что я спас не только ее, но и будущего ребенка. Счастливый муж разыскал меня вечером в части и не знал, как благодарить... А через две недели все их семейство переехало в Симбирск, и я о них забыл. И вот спустя десять с лишком лет – эта встреча. Зашли мы с Ульяновым в «Пассаж», посидели; я никогда не отказываюсь от знакомств, служба такая, любые люди могут быть полезны... Он теперь уже действительный статский, директор народных училищ у себя в Симбирске. Рассказал о семье: все в порядке, дети растут; мальчик, которого я тогда спас в утробе (Володей назвали), подает большие надежды. И снова напомнил о том, что считает себя моим пожизненным должником. Спросил, не может ли чем быть полезен. Тут я и вспомнил про нашего неуча-кавалериста. Задал вопрос, имеет ли господин Ульянов знакомых в Казани, способных помочь получить диплом экстерном. Имею, отвечает: попечителя учебного округа и ректора Казанского университета! Обещал посодействовать. Не знаю, сдержит ли слово; все же я спас когда-то его Володю, подающего теперь большие надежды... Ну, – Благово налил

всем еще по стопке, – за высшее образование!

Глава 4

В столицах

Московский железнодорожный вокзал.

Лыков получил от управления билет второго класса, но не сквозной до Санкт-Петербурга, а лишь до Москвы с остановкой в ней на полдня. Билет до столицы москвичи выправят ему сами, пока он у них гостит; их сыскное хотело познакомиться с Алексеем. Он начинал становиться известным в узких полицейских кругах, тем более что Нижний Новгород, благодаря своей ярмарке, объединял и бандитов, и, как следствие, сыщиков всей России.

Езда до Первопрестольной занимала долгих шестнадцать часов, притом что Московско-Нижегородская железная дорога в прошлом году стала двухпутной. Второй класс перевозил публику хотя и чистую, но среднего достатка. По всей дороге – двадцать девять станций и ни одного буфета. Пассажиры ели холодную курицу и паштет из дорожных корзин, читали газеты и много спорили, преимущественно о покорителе Карса генерале Лорис-Меликове, назначенному государем в феврале начальником Верховной распорядительной комиссии. Часто слышались слова «диктатор» и «этот задаст». Мерно раскачивался вагон, кондуктор с медалью за Хивинский поход разносил желающим чай и пиво, Лыков

блаженно спал.

В половине седьмого утра состав медленно подполз к дебаркадеру. Алексей с элегантным кофром в руках спрыгнул вниз и сразу заметил статного мужчину лет тридцати, с отработанным острым взглядом и шрамом над бровью.

– Господин Лыков? – осведомился тот. – Позвольте представиться: Илья Донатович Еговин, помощник начальника Московской сыскной полиции. Добро пожаловать, коллега: экипаж ждет.

Еговин попытался принять вещи, но Лыков отстоял их, они уселись в пролетку и тронулись. Алексей с любопытством глазел вокруг: ничего себе, прямо как у них на ярмарке в самый разгар! Сотни экипажей, тысячи зевак, генералы (попалось три за пять минут!), кокотки (целый батальон), милые барышни под конвоем экономок, студенты, китайцы, один даже негр, конные жандармы и нищие всех мастей... Еговин, очень приветливый и внимательный к гостю, давал необходимые пояснения.

Доехали в полчаса до серого угрюмого здания управления полиции на Тверской, там Илья Донатович поместил лыковский багаж прямо в своем кабинете и повел Алексея знакомиться со старшими сыскными агентами. Шестеро степенных, усатых, среднего возраста и преимущественно крепкого сложения мужчин также были доброжелательны к Лыкову. Москвичи помнили Осю Душегуба, знали Буффало, много хорошего сказали про Титуса (до Нижнего он служил в их ведомстве). Но особенно их интересовали подробности ликвидации Тунгуса – этот монстр немало оставил трупов по Москве. В марте его высledили на Хитровке, в трактире «Каторга», и попытались взять. Тунгус разбил головы двум агентам, шваркнув их, как котят, о каменную стену, а Еговина оглушил ударом кулака. Агенты остались калеками, Илья Донатович отделался сотрясением мозга. А тут приехал человек и говорит, что в одиночку свернул такому голяфу шею...

Лыков не сразу понял, что его рассказу не верят, а когда расшифровал смущенные улыбки, то разозлился. Ситуацию разрядил надворный советник Янкелевич, смотритель неофициального музеума Московской полиции. По его команде трое агентов с трудом притащили те самые закаленные пятипудовые кандалы, ручные и ножные, которые Тунгус порвал при своем побеге из тюремной кареты. Обер-полицмейстер Козлов, как оказалось, обещал через газету премию тому, кто сможет повторить подобное. По объявлению пришло более сорока человек: цирковые атлеты, сильнейшие охотнорядские кулачные бойцы, саженного роста пожарный Кутузов, знаменитый вахмистр лейб-гвардии Московского полка

Енычарский, забарывающий медведей, и даже сам купеческий сын Охросимов, останавливающий на скаку четверку лошадей. Ни у кого ничего не получилось... Охросимов с досады выбил ударом кулака кирпич из стены в кабинете обер-полицмейстера, но цепи остались не разорванными, и тогда-то их и поместили в музей.

– Ну-с, попробуйте теперь вы, – не без иронии предложил Лыкову Янкелевич.

Тот легко оторвал кандалы от пола и внимательно осмотрел их. Москвичи обступили гостя, глядели доброжелательно, но с большим сомнением – уж такие гиганты до него пробовали...

Лыков заложил звено за звено, создал рычаг и сильно надавил. Цепь и не подумала поддаваться. Кто-то из агентов хихикнул, Алексей посмотрел на него и неодобрительно покачал головой. Снова стало тихо. Лыков помассировал раненую руку, сжал и разжал несколько раз кисти и, собравшись, надавил уже изо всех сил. После нескольких секунд огромного напряжения овал звена с хрустом лопнул, и зрители загудели; Алексей остановил их жестом, вынул разорванное звено из цепи и расправил его. Затем быстрыми движениями, без видимых усилий, словно оловянную проволоку, свернул толстый, трехвершковый в длину, пруток закаленного металла и завязал его узлом, после чего протянул надворному советнику:

– Это вам для музеума.

В комнате стало тихо. Еговин и Янкелевич, с одинаково нелепо разинутыми ртами, разглядывали аккуратный стальной узел. Агенты расступились, смотрели на Лыкова с благоговейным ужасом.

– Да... – сказал после паузы Илья Донатович, – хорошо, что Тунгус заехал именно в Нижний Новгород...

– Пойду сообщу его превосходительству, – спохватился Янкелевич и мгновенно исчез, зажав лыковский сувенир в кулаке. И старшие агенты, и даже Еговин сразу притихли. Через минуту в комнату забежал румяный моложавый генерал с огромными усами, с золотым свитским аксельбантом и орденом Белого Орла на кителе, и радостно приветствовал Алексея:

– От Николая Еуставыча приехал? Вот молодец, а наши остолопы только пыхтели, ничего не порвали. Экую ты железяку-то закрутил... да как ловко... Янкелевич! Лети в канцелярию, пусть сей же час выписывают гостю обещанную мной премию и сообщают об этом в «Ведомостях московской городской полиции».

– Не могу я премию принять, ваше превосходительство, мне за это Николай Еуставович голову оторвет, – попытался было отказаться Лыков, но Козлов начал вдруг прямо на глазах покрываться красными пятнами.

Все – и агенты, и чиновники – вытянулись по стойке смирно и чуть ли не зажмурились.

– Я – свиты Его Императорского Величества генерал-майор и московский обер-полицмейстер, – свистяющим шепотом сообщил Козлов Лыкову. – И я публично, через газету, пообещал двести рублей премии тому кто сможет порвать цепи этого негодяя Тунгуса. Как ты думаешь, что начнется в державе, если даже полицмейстеры перестанут держать данное ими слово?

От такого масштабного обобщения у Лыкова перехватило дух. Он беспрекословно принял премию, порвал и завязал в узел, на потеху генералу, еще одно звено от цепи, и был, наконец, отпущен гулять по Москве в сопровождении Еговина. До отхода поезда в столицу оставалось еще восемь часов. Два помощника начальников сыскных полиций отправились куролесить. Они облазили весь Кремль, залезли на колокольню Ивана Великого, прошлись по Тверской. (Там, между делом, Илья Донатович ловко поймал карманника прямо на «ширме» и сдал ближайшему городовому). На углу Новой площади и Варварских ворот Лыков увидел вывеску лавки «Книжная и иконами торговля С. Т. Большакова». Он не удержался и зашел в нее. Год назад на Нижегородской ярмарке именно в лавке Сергея Тихоновича он начал свое первое расследование – дело о завещании Аввакума. Большаков, уважаемый всеми рогожец, сразу узнал сыщика и передал через него привет Благово; обещал в июле приехать торговать.

Потом новые приятели ударили по трактирам, в которых во всех Еговина хорошо знали и усаживали на лучшие места. Позавтракали они в «Славянском базаре», а пообедали, разумеется, у Тестова, на углу Театральной площади. Знаменитый половой Кузьма Павлович с ордой помощников заставили весь стол и очередные блюда подносили бегом. Сыщики разделали неизбежного поросенка с хреном, дальше пошли раковый суп с расстегаями из налимых печенок, ботвинья с осетриной, солянка из почек, ачуевская паюсная икра, легендарный байдаковский пирог с начинкой в двенадцать ярусов, кучугурский донской балык, котлеты из белоснежной молочной телятины и лососина Грилье со спаржей... Запили все это великолепие изрядным количеством смирновской, и Еговин захмелел. Алексей, спокойно выпивавший осьмуху^[7] водки, вывел его на воздух, и они пошли гулять по Москве. Уже на вокзале Еговин долго тряс Лыкову руку звал погостить подольше, обещал «многократно удивить московскими девками». Узнав, что летом все они приезжают на заработки на ярмарку и потому хорошо Лыкову знакомы

по службе, расстроился. Сказал, что это непатриотично, что это «отток лучших сил», и ушел, грустный и задумчивый, после второго звонка. Вокзальные жулики, завидев его статную фигуру бросались врассыпную, но Илье Донатовичу было уже не до них.

На Московском вокзале столицы Лыкова, разумеется, никто не встречал. Петербург есть Петербург, он марку держит, чихать он хотел на всех, тем более на титулярных советников.

Доехав на извозчике за целых два рубля до здания департамента полиции в Эртельевом переулке, Лыков оставил вещи в каморке жандарма и там же переоделся в парадную форму со всеми наградами. Нацепил на левый бок чиновную шпагу и пошел в приемную доложить о себе дежурному по канцелярии. Тот поднял глаза от бумаг, увидел очень молодого человека с очень широкими плечами, с двумя весьма уважаемыми крестами (один, хоть и солдатский, но Георгий) и двумя медалями на выпуклой груди. Отметил, что вызов подписан самим директором, учтиво усадил гостя в кресло и бесшумно исчез за дубовой дверью.

Лыков осмотрелся. Справа и слева от него вдоль длинной стены расположились в ожидании приема полтора десятка человек: трое в лентах, многие, как Алексей, с парадными шпагами; были просители и купеческого вида, а один так явно антрепренер. Все сидели чинно и молча; по приемной столь же бессловесно сновали в разные стороны «вицмундиры» с тем вежливо-высокомерным выражением лица, которое отличает мелкую, но столичную служивую шушеру. Не слышалось даже громкого голоса; все переговаривались приглушенно, как будто рядом лежал покойник.

«Да... – подумал Лыков, – у Каргера в приемной побойчее будет. Экая тут у них скукотища!».

Вернулся дежурный чиновник и передал приказание директора департамента, тайного советника Косаговского: сейчас идти в «летучий отряд силового задержания», а после знакомства с его кадром вернуться сюда вместе с начальником отряда коллежским советником Мукосеевым.

Курьер в черной бархатной ливрее (цвет, присвоенный министерству внутренних дел) проводил Алексея в подвал. В низкой, узкой и длинной, комнате сидели вокруг простого соснового стола пятеро мужчин. Четверо близких – все как на подбор, атлетического сложения, усатые, очень спокойные, с короткими стрижками, тяжелыми кулаками и примерно одного возраста – между двадцатью пятью и тридцатью пятью годами. Пятый, сидящий во главе стола, был старше; на вид ему казалось чуть более сорока, а в плечах он был заметно шире любого из молодых, да и вообще как-то солиднее. Нечто неуловимо общее сближало всех пятерых, и

Лыков быстро понял, что именно. Подле таких мужчин весьма покойно женщинам, детям и неврастеническим натурам – каждый из пятерки излучал уверенную добрую силу: такой ничего не боится, такой всегда защитит...

Алексей представился и сразу поймал на себе ироничные взгляды молодых «силовиков». Действительно, со своей декоративной шпажонкой, золотым шитьем на обшлагах и орденами он выглядел как петух среди этих просто одетых людей. Лыков начал потихоньку заводиться...

Мукосеев – тот, что сидел во главе стола – доброжелательно кивнул гостю:

– Здравствуйте, Алексей Николаевич, мы вас ждем. Возможно, вы именно тот, кто нам нужен. Вы понимаете, нам необходимо вас испытать, прошу не обижаться. Отстегните, пожалуйста, ножик и встаньте на мат, вон там. Первая проверка самая простая: мои люди вас арестовывают, а вы пробуете отбиться. Учтите, они весьма подготовленные оперативники.

– Я учту, – вежливо ответил Алексей, отстегивая шпагу. Корректный тон начальника отряда несколько примирил его.

Собранный и серьезный, Лыков вышел на середину комнаты. Двое агентов зашли ему за спину, двое остались сидеть. Мукосеев насторожился, внимательно наблюдал за нижегородцем, потом кивнул. Агенты сзади мгновенно набросились на Алексея и стали выворачивать ему руки.

Сначала они на целых пару вершков заломили испытуемому запястья, но затем произошла заминка. Двое атлетически сложенных людей, сопя и шваркая ногами по полу, возились вокруг Лыкова, а тот спокойно стоял на мате, смотрел в угол и чуть ли не улыбался.

Мукосеев снова кивнул, два других агента метнулись к Лыкову, и картина, непонятным для них образом, повторилась: теперь уже четыре человека, натужно пыхтя, пытались заломить ему руки за спину, а Лыков по-прежнему стоял и безмятежно глазел по сторонам. Затем чуть наклонился, но не оттого, что устал бороться. Алексей неожиданно схватил ближайших двух «силовиков» за штаны и рывком поднял двух крепких тяжеловесных мужчин над головой. Те беспомощно замахали руками, но через секунду один принялся на весу колотить Лыкова по почкам. Тот рассердился, согнул руки, выставив вперед локти, и резко крутанулсь на одной ноге, разжав в конце оборота пальцы. Все четверо агентов с криками разлетелись кто куда, бороздя головами жесткие маты. Мгновенно они вскочили, готовые вновь броситься на Лыкова, но тот уже невозмутимо сидел за столом напротив Мукосеева.

– Очень хорошо, – коротко резюмировал тот. – Поехали дальше.

Он вынул из ящика стола два револьвера, один отдал Лыкову, а с другим пошел в дальний конец комнаты, где на стене висели стрелковые мишени. Лыков так же молча последовал за коллежским советником; злые, потные и пристыженные агенты нехотя перед ним расступились.

Мукосеев заступил на огневой рубеж, постоял секунду и с расстояния в восемь саженей навскидку разрядил весь барабан. Результат получился: пять пуль в десятку, одна в восьмерку.

— Теперь вы.

Алексей стал на барьер, спросил:

— Как пристрелян револьвер?

— Уводит влево вверх на одну шестую вершка.

Лыков присмотрелся, собрался и так же навскидку мгновенно расстрелял все свои заряды. Первую пулю увелотаки, и тоже в восьмерку, остальные пять легли точно в десятку.

— Еще раз очень хорошо, Алексей Николаевич, — сказал Мукосеев, убирая оружие обратно в стол. — Осталась последняя проверка — вам надо пройти меня.

Лыков поежился, разглядывая могучую, кряжистую фигуру начальника летучего отряда. Человек провел сотни задержаний, повидал всяких богатырей... Опыт боевых схваток у него сейчас, пожалуй, самый большой в России; не Алексею с ним тягаться. Как его пройти?

Однако деваться было некуда, отступать же Лыков не привык.

Четверо остальных агентов отряда встали по углам; Алексею показалось, что они смотрят на него не без злорадства.

Противники вышли на середину комнаты, приглядывались друг к другу. Неожиданно Лыков бросился вперед. Мукосеев мгновенно выбросил ногу, целясь ему в живот, но Алексей развернулся плечом навстречу удару и, добравшись до соперника, правой несильно ударил его в бок. Мукосеев успел прикрыться локтем, но все равно кубарем покатился по полу. Тут же вскочил и кинулся на Лыкова. Тот ударил прямым в челюсть, не попал, получил сильный боковой в скулу, ответил, снова не попал и пропустил сразу три мгновенно нанесенных удара. Из разбитой губы полилась на золотое шитье мундира кровь, глаз начал заплывать. Мукосеев был «без дураков», сильно и точно, быстро перемещаясь вокруг отчаянно защищающегося Лыкова. Стремительная карусель кружилась без остановки: коллежский советник нападал, наносил серию ударов и отступал, чтобы снова атаковать из другой точки и снова отскочить. Лыков никак не мог попасть в него, а сам пропускал до половины ударов, безнадежно упустив инициативу. Бот прошел правый боковой, Алексей

едва устоял на ногах и получил одновременно удар ногой в колено и кулаком по почкам... «Что же я сюда приехал, чтобы мне тут морду набили?» – сердито спросил он сам у себя и попер в атаку. Быстрый выпад, точное попадание; Мукосеев пошатнулся и отскочил, но Алексей погнал его дальше. Ударил левой, противник отклонился вниз, но Лыков предугадал это движение и секундой раньше послал туда правый кулак. Жалеть начальника отряда, задавшего ему такую трепку, он уже не стал и силу не сдерживал. Раздался вязкий негромкий шлепок, в воздухе мелькнули ноги, и Мукосеев, отлетев на две сажени, распластался на полу.

Агенты и Лыков бросились к нему. Коллежский советник лежал без сознания, из носа лилась кровь.

– Черт здоровый, чего наделал! – чуть не плача, закричал на Алексея один из агентов, но его тут же одернули свои:

– Заткнись, Мишка, все было по-честному, Петр Осипович его тоже не жалел.

Через три минуты начальник летучего отряда пришел в себя. Подняться самостоятельно у него не получилось; Алексей помог ему, но Петра Осиповича изрядно мотало. Тогда Лыков поднял огромное тело под мышки, как ребенка, и принес к столу, усадив Мукосеева на табурет.

Еще несколько минут тот приходил в себя, потом слабость прошла. Коллежский советник протянул Лыкову бугристую ладонь:

– Здорово у вас вышло, Алексей Николаевич; с семьдесят третьего года я так не получал, уже и разучился падать-то... Ну, умываемся и идем к начальству.

Вскоре, зачистив кровь и причесавшись, они без доклада зашли в кабинет Косаговского. Вид у обоих был своеобразный, вся приемная любовалась: Лыков с разбитой губой и подбитым глазом, но с орденами на окровавленном мундире и при шпаге, у Мукосеева нос как помидор.

Косаговский оказался стареющим осанистым мужчиной с седыми усами и редеющими, седыми же волосами, с Владимиром 2 степени на вицмундире. Он сочувственно посмотрел на начальника летучего отряда:

– Эк он тебя, Петр Осипович! С Тунгусом перепутал?

От окна послышался смешок. Алексей полуобернулся и увидел еще одного, не менее осанистого человека лет пятидесяти, с огромными бакенбардами и с умными карими глазами на бледном лице. Он вытянулся в «полный фрунт»:

– Ваше превосходительство Иван Дмитриевич! Имею лестное поручение от своего начальника, статского советника Благово, передать вам уверения в его безусловном уважении!

Путилин (а это был он), поняв, что узнан, польщенно улыбнулся и сказал мягким голосом, с заметным малороссским акцентом:

– Спасибо, холубчик, передайте и вы мои наилучшие пожелания Павлу Афанасьевичу. Учитель у вас хороший.

Мукосеев поздоровался с обоими сановниками за руку и уселся на стул слева от косаговского стола; Лыков остался стоять посреди кабинета.

– Что скажешь, Петр Осипович? – осведомился директор департамента.

– Выдающихся способностей, Павел Павлович. Мои ребята его не взяли.

– Все вчетвером?

– Ну, в сшибке, да с использованием специальных средств, конечно, завалили бы, но без них не получилось. Меня он тоже прошел.

– Но не сразу, – сказал Косаговский, разглядывая лыковские синяки.

– Не сразу, но прошел. В боевом отношении господин Лыков уже сейчас меня превосходит...

Косаговский удивленно вскинул седую голову, но начальник отряда нетерпеливо махнул рукой:

– ...Вполне превосходит, а в оперативном – догонит через год. Словом, мои аттестации самые высокие. Для задач, о которых вы ему сейчас расскажете, он подходит как никто другой. Надо брать обеими руками.

– Так, понятно... Алексей Николаевич, желаете ли вы продолжить вашу службу непосредственно при министерстве, в составе летучего отряда силового задержания? Полуторное жалованье, казенная квартира в столице, есть и еще льготы. Обязанности ответственные и рискованные, как раз по вашему характеру.

– Вынужден отказаться, ваше превосходительство. Мое желание – остаться в Нижнем Новгороде и служить под началом Павла Афанасьевича Благово.

Тroe чиновников переглянулись. Косаговский холодно осведомился:

– Вы знаете, сколько достойных полицейских чинов мечтает получить то предложение, от которого вы отказываетесь? Поясните ваше решение.

– Я хочу стать настоящим сыскным специалистом, к чему имею сильное стремление и в чем вижу, если угодно, свое предназначение. Лучшего учителя в месте моей настоящей службы, чем Павел Афанасьевич, мне не найти; уезжать из города, где родился и вырос, я не предполагаю. А в отряде мне некуда расти и невозможно развивать именно сыскные навыки... Прошу ваше превосходительство с пониманием отнеслись к моим словам.

Косаговский покосился на Путилина, тот кивнул головой. Директор нажал кнопку звонка на столе, тут же вошел секретарь.

– Меня нет ни для кого, – со значением указал тайный советник.

Секретарь поклонился и вышел так же молча, как и вошел.

Косаговский кивнул на стул:

– Садитесь, Алексей Николаевич, у нас будет длинный разговор.

Лыков почтительно сел. Путилин от окна и Мукосеев от стола придвинулись к нему, будто окружали с флангов. Директор департамента поднял глаза на Алексея, и тот увидел перед собой пожилого, усталого и очень угнетенного чем-то человека.

– Государь в опасности.

Лыков выпрямил спину, кулаки его самопроизвольно сжались, он слушал с напряженным вниманием.

– Двадцать шестого августа прошлого года Исполнительный комитет террористической партии «Народная воля» вынес Его Величеству смертный приговор. С тех пор на него идет настоящая охота. Прочие, ранее бывшие покушения – Каракозова, Соловьева – были делом одиночек, теперь за это взялась целая организация. И организация могущественная, которая постоянно переигрывает службы, отвечающие за безопасность государя. Пока его спасает Божье пророчество, но это не может длиться вечно. Беда уже стоит на пороге!

Косаговский опустил голову, борясь с волнением, помолчал, потом продолжил уже спокойно:

– Осенью семьдесят девятого Исполнительный комитет послал сразу три группы на подрыв царского поезда при его возвращении из Крыма. Первая группа совершила подкоп под Александровском Лозово-Севастопольской железной дороги, заложила туда мину, и только неправильное соединение неопытным террористом электродов помогло избежать трагедии.

Вторая группа провела своего агента путевым обходчиком на Юго-Западную дорогу и также сделала подкоп на одиннадцатой версте от Одессы. Поезд с государем проследовал по другой дороге...

Третья группа подготовила взрыв под самой Москвой, и он-то и удался 19 ноября. Но опять вмешалось пророчество: террористы почему-то пропустили первый состав, в котором находился император, и подорвали второй, везший придворную прислугу.

Не сумев убить помазанника на пути в столицу, эти выродки русского народа решили взорвать его в собственном доме. И снова это им почти удалось! Террорист проник в самый Зимний дворец, устроившись туда на

работу краснодеревщиком, натаскал спокойно, мимо всей охраны, почти три пуда динамиту и 5 февраля этого года произвел взрыв. Чудовищность замысла поражает: планировалось взорвать царскую столовую в тот момент, когда в ней по случаю приезда князя Баттенбергского, брата императрицы, должно было собраться все августейшее семейство. Включая маленьких детей цесаревича... Злодей без колебаний готов был погубить весь царствующий дом, в том числе и невинных детей!

Взрыв случился несколько ранее, чем император вошел в столовую, и к тому же был недостаточно силен, но под помещением столовой погибли 8 и были покалечены 45 чинов караула Финляндского полка. Бомбист спокойно отправил на тот свет много случайных людей, и после этого находятся безумцы, одобряющие его «героизм» и заявляющие, что история его возвысит!

Как всегда, жандармы и Третье отделение снова упустили злоумышленника; это стало у них уже правилом.

Косаговский перевел дух, посмотрел на Путилина с Мукосеевым и продолжил:

– Мы, здесь сидящие, убеждены, что дворцовая охрана, личный Его Величества конвой и Третье отделение с подчиненным ему корпусом жандармов не справляются со своими обязанностями. Они погубят государя, рано или поздно. И какая мука – сидеть и наблюдать за этим, не в силах что-либо изменить! Мы, полиция исполнительная, ежедневно несущая тяжелую неблагодарную службу по охране порядка и борьбе с уголовным элементом, сделали бы это лучше. Нагни люди, такие, как вы, рискуя жизнью, защищают здоровье и имущество подданных всех сословий, пресекают грабежи, арестовывают самых неуловимых и опасных злодеев. Но... нас не привлекают к охране государя.

– Почему?

Директор департамента еще более понизил голос:

– Потому, что наш министр... он... он...

Косаговский запнулся. Ему помог Путилин:

– Мздоимец он, вот кто.

– Мздоимец? – поразился Лыков. – Министр внутренних дел берет взятки?

В кабинете повисла тягостная тишина. Алексей был ошарашен услышанным. Каргер, не имеющий других доходов и живущий только на жалованье, как ребенок, радовался полученной от государя ренте. А уж егото богатое ярмарочное купечество как только не пыталось развратить! Полицмейстер честен, но его министр – нет...

Красный как рак, тайный советник продолжил:

– Лев Саввич Маков своей деятельностью дискредитирует министерство, важнейшее в системе государственного управления. Слухи о его прегрешениях дошли до государя; репутация всего нашего ведомства подмочена. Поэтому сейчас, когда мы могли бы защитить императора, нагла помочь им отвергается. Конечно, во всем мире имеет место противоборство полиции и секретных служб. Есть оно и у нас. Эта дворцовая полиция на пару с Третьим отделением – хреновые охранники, со всей их напускной таинственностью, безотчетно расходуемыми огромными суммами, апломбом и тщетно скрываемым дилетантизмом. Мы – лучшая служба империи. Летучий отряд Мукосеева постоянно выпрашивается у меня различными ведомствами для особо опасных дел: начальником корпуса жандармов – для ареста бомбистов, экспедицией государственных бумаг – для сопровождения денежных поездов, наместником на Кавказе – в целях поимки наиболее ловких абреков. Иностранцы тайно от своего общественного мнения частенько прибегают к нашей помощи... Но к охране собственного государя выдающиеся силы отряда не допускаются!

– Прошу прощения, ваше превосходительство, – воспользовался очередной паузой Лыков. – Я не знал только что изложенных вами обстоятельств. Ради защиты жизни Его Величества я, безусловно, отброшу все свои личные интересы и планы, и вы можете располагать мною так, как того потребуют интересы дела. Но чем я могу быть полезен сейчас, когда нас не зовут?

– Пока не зовут. Скоро все изменится. Граф Лорис-Меликов готовит, совместно с сидящими здесь людьми, реформу полицейского дела в России. Сведения эти сугубо секретные, но вы, как человек, нами избранный, должны их знать. Уже нынешним летом будет создан новый департамент государственной полиции, подчиненный министру внутренних дел.

– Макову?

– Министру. Маков будет переведен начальником другого ведомства, которое вскоре упразднят. Льва Саввича тихо сплавят в Государственный совет, а по прошествии некоторого времени он ответит за свои преступления...^[8] Министром внутренних дел станет граф Михаил Тариелович, который после короткого промежутка объединит два полицейских департамента в один. Все полицейские силы, все охранные функции будут централизованы в одних руках. Более того, корпус жандармов также подчинят новому департаменту.

– А как же Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии? Оно смирится с отобрatiем у них жандармов?

– Третье отделение будет упразднено... (Лыков не удержался и воскликнул: «Наконец-то!»), и мы очень тщательно будем отбирать бывших его сотрудников в наш новый департамент. Может, возьмем кого, а может, и нет... Поэтому, Алексей Николаевич, возвращайтесь, так и быть, в Нижний Новгород, но будьте готовы к новому вызову в столицу. И это будет уже тот самый вызов, от которого верный слуга государя не отказывается.

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – вскочил и вытянулся по-армейски Лыков.

– Проинформируйте о нашем разговоре и готовящихся изменениях Николая Густавовича и Павла Афанасьевича. Больше никому ни слова! До встречи в этом кабинете.

Глава 5

Случай с доктором Милотворжским

Вид на кремлевскую стену с Нижнего базара.

В первый же день по возвращении домой Алексей отнес свои золотые часы с монограммой министра Макова в отделение Императорского человеколюбивого общества и попросил обратить их на нужды благотворительности.

Каргер и Благово не менее его были подавлены теми новостями, которые Лыков привез из Петербурга. Готовящаяся реорганизация полицейской службы под началом императорского любимца была ими безусловно одобрена; необходимость объединения в одном центре всех охранных и розыскных сил не требовала доказательств. Их пугало и угнетало другое: успеют ли? Слова осведомленного Косаговского том, что объявлена «охота на царя», глубоко поразили и старого служаку Каргера, и столового дворянину, помещику и сыщика Благово.

Павел Афанасьевич однажды в далеком 1868 году участвовал, по службе, в охране наследника при посещении им Нижнего Новгорода. Дилетантизм людей, ответственных за жизнь цесаревича, тогда поразил его. Дворники, хоругвеносцы и отставные гвардейские солдаты шпалерами стояли вдоль улиц, изображая простой народ, готовый отдать жизнь за царского сына. Сурово и торжественно обороняли они проезд от неведомого врага, но достаточно было человеку с барским лицом подойти к «охранителям», как те расступались. Охотно разбалтывали, когда и куда поедет наследник, где в подворотнях спрятаны полицейские отряды, указывали переодетых сыщиков... А питерские чины дворцовой охраны, с огромными револьверами на виду, важно ходили вокруг цесаревича со свитой и властно расталкивали зевак. Этот жиденький «последний заслон» больше всех поразил Благово. Секторы контроля не перекрывали друг друга, самодовольные столичные ферты уходили с поста любезничать с барышнями, а списка допущенных не было даже у начальника охраны, и к сопровождающим наследника лицам примазывались все кому не лень. Похоже, с тех пор мало что изменилось, и когда на цареубийство пошла целая организация... Никакой Лыков, пусть даже и с чугунными кулаками, не защитит венценосца, если порочна сама система обеспечения его безопасности.

Но пора было возвращаться к делам службы. Дав Алексею отдохнуть полдня, Благово вызвал его к себе и ехидно сказал:

– Да, Алексей Николаевич, нельзя тебя более в столицы посыпать. До сих пор телеграммы шлют... Рвал цепи на забаву публике, хорошие деньжищи на этом срубил. Напоил бедного Еговина так, что тот ночью уже вломился в публичный дом и требовал телесного досмотра подозрительных лиц. В департаменте тоже отличился: порядочному человеку нос расквасил, ребят его помял... Обе столицы до сих пор пребывают в оторопи от нижегородского голиафа! Так что... иди-ка ты делом займись.

Нижний Новгород в полицейском отношении разделен на четыре части. Первая Кремлевская, что возле Лютеранской церкви, знаменита единственno своим красавцем приставом Курилло-Сементовским, баловнем купеческих вдов и любимцем Каргера, готовящего из него своего преемника. Вторая Кремлевская часть – напротив Мариинского института благородных девиц – самая престижная. Она охраняет кремль и прилегающие к Благовещенской площади «дворянские» улицы, на которые давно уже тихой сапой пролезли промышленники – Рукавишниковы, Бурмистровы, Зайцевы. Макарьевская часть, которая захватывает ярмарку и Александровскую слободу (чаще называемую Кунавином) – самая богатая:

подсчитано, что здешний пристав за три года службы откладывает до ста тысяч дохода. Вот и Львов, нынешний макарьевский начальник, что-то себе уже строит на тихой окраине, в Немецкой улице, о двух этажах...

Последняя, четвертая часть – Рождественская – квартирует на Живоносновской улице в доме Мичурина. Тоже, между прочим, ничего себе часть: Гостиный двор, рынки Нижнего посада, огромные владения Блиновых, Бугровых, Абамелек-Лазаревых. Плюс множество «номеров» для проживания в них летом гостей ярмарки, а их всех надо прописывать... Славится часть также давним казусом: среди ее квартальных служат Поручиков, Капитанов, Майоров и Полковников; следственному надзирателю, правда, фамилия Шириц.

Вот к этому Ширицу Павел Афанасьевич и послал своего помощника с щекотливым поручением:

– В Рождественской части накопилась целая куча каких-то нелепых дел. Я тут выписал некоторые названия: «О снятии неизвестными с крестьянина Гиндзбурга собольей шапки» (тут сразу два вопроса: крестьянин-еврей, да еще в соболях), «О сожительстве отставного портупей-юнкера Фрязыкина с гусынею», «О вынесении на Печерскую отмель расшивы австро-венгерского подданного Ржимека с непотребными девками на борту и об утоплении оных не до смерти». Это уж чересчур... Сходи туда, разберись с этим Ширицем – все ли у него в порядке с головой?

И Алексей пошел.

Следственный надзиратель оказался бывшим квартальным, старым, больным и суэтливым. Звали его Хаим Дувидович, и происходил он из «волынских полицмаков», или, как их еще называли, «николок», которых в далеком 1846 году прислали в Нижний Новгород из Волыни. Император Николай ввел тогда для евреев воинскую повинность, и более семидесяти тысяч из них пошли под знамена. Нижегородские же «николки» в количестве трехсот человек попа ли из волынских местечек на Волгу за неуплату податей, и все были записаны на службу в губернскую полицейскую команду. Большая часть рекрутов была молода (17–20 лет), но уже жената. «Николки» приехали с женами и детьми и образовали в Нижнем Новгороде шумную еврейскую колонию, быстро расцветшую на волжской земле далеко за чертой оседлости. Волынцы ловко взяли в свои руки полицейское дело, заняли все фельдфебельские и унтер-офицерские должности и долго охраняли порядок в Нижнем, пока не повысили... Шириц оказался последним из волынских могикан, еще не оставившим службу. Дети его выросли и разъехались, а без дела старику было скучно. Добрый немец Каргер оставил его, давно уже бессрочноотпускаемого, при

полиции «пока ноги носят».

Поняв, что начальство им недовольно, Шириц чуть не помер у себя в крохотном кабинетике от расстройства. Лыкову пришлось отпаивать его чаем с мятой и слушать долгий рассказ о тяжелой, но бесспорочной службе и прежних полицейских нравах. Про себя Лыков решил дать старику досидеть до отдыха, а пока в помощники ему, для работы, определить Фороскова – второго, после Титуса, по способностям в городском сыске.

Время подходило к обеду, когда Лыков, наконец, освободился от всех дел «об утоплении непотребных девок» и смог заняться семейными проблемами. Скоро день преподобной Анны; у матушки подступал день ангела, и он отправился в Большой Москательный ряд Гостиного двора, где есть хорошая лавка с серебряными вещами. Свернув с Верхней Живоносной в Рыбный переулок, Алексей увидел в конце его, у Спасской часовни, доктора Милотворжского, с кем-то беседующего, и хотел уже дружески помахать ему издали рукой. Но удержался: очень уж необычное у доктора было выражение лица. Эдакая смесь ужаса и бессильной ярости...

Алексей неспешным шагом свернул за угол, мигом обежал мучной лабаз и оказался у докторова собеседника прямо за спиной. Крепкая и гибкая фигура, уверенные движения; так и машет перед лицом Милотворжского смуглой и не очень вымытой рукой. В кулаке зажата какая-то тряпка... И есть в незнакомце нечто недоброе, угрожающее. Лыков, достаточно уже опытный сыщик, быстро понял, что человек этот из другого мира, из уголовного. Что ему нужно от полицейского доктора, и почему тот не зовет на помощь, хотя явно в ней нуждается?

* * *

Иван Александрович Милотворжский родился в семье сельского дьячка на юге губернии, в Сергачском уезде. Пошел было по стопам отца, отучился год в Нижегородской семинарии, но не смог совладать со страстью души своей: перевелся в Казанский университет, где и закончил с отличием медицинский факультет.

По завершении учебы Милотворжский сразу же стал врачом Макарьевской части. Сам не ожидал: была вакансия, он решил попробовать на время, и втянулся... Странный мир полицейской медицины – вскрытия, экспертизы, непридуманные людские драмы и невиданные глубины человеческого падения – увлек его. Иван Александрович вырос до врача

городского полицейского управления, ездил на следствия, обходил остроги. Многие каторжные и сидельцы арестантских рот, от Варшавы до Корсакова на Сахалине, знали доктора Милотворжского. И вдруг...

Доктор зашел на Нижний торг за пинетками. Гордость его, годовалый сын Бориска, начал уже вставать, держась за стул, и предпринимать короткие походы. Вчера он изгрыз последнюю пару носочков, жена наругала его ласково, пожурила няньку Доротею и послала Ивана Александровича купить пинеток побольше да повкуснее.

Милотворжский шел мимо Спасской часовни, когда крепкая немытая рука ухватила его за плечо.

— Что такое! — вскинулся было он, но тут же осекся. Взгляд у человека был очень уж нехорош: наглый, дерзкий, от него так и веяло опасностью. Полицейский врач узнал этот взгляд, он видел подобные раньше. Так смотрят «иваны» — вожаки преступного мира, главари и властелины тюрьмы и каторги. Каждый «иван» обязательно имеет несколько убийств, несколько побегов; ему знакомы все притоны империи, все ее пересылки и централы. Аристократы среди уголовных, «иваны» и руководят всем этим сообществом, порабощают и развращают случайно угодивших в тюрьму, придумывают «правила» — уголовную мораль, сознательно борются с государством и его «правилами». Словом, они — главное зло, которое воспроизводит само себя; они есть сама суть и сам движитель преступного мира.

— Слыши, доктор, тебе эта вещь знакомая? — заговорил неизвестный, обнаруживая при этом золотую фиксу во рту, и показал Ивану Александровичу маленькую детскую шапочку. Такую же, какую он утром видел на своем Бориске, когда толстая Доротея выводила его на прогулку.

— Вижу, что узнал, — оскалбился варнак. — Не сумлевайся, та самая. А Бориска твой у нас.

Когда до Милотворжского дошел страшный смысл сказанного, он тут же вцепился фиксатому в глотку. Однако тот легко оторвал руки и показал доктору нож, наполовину высунув его из левого кармана.

— Не балуй, дядя! Мне тебя порезать — как полутоф махнуть; а ежели хочешь сына получить живым, так слушай и делай, что велю! Понял?

— Что с ним? Чего ты хочешь? — выдохнул Милотворжский, незаметно, как ему казалось, отыскивая взглядом городового.

Фиксатый усмехнулся:

— Чего зенками-то шаришь? Чуть крикни — я сразу утеку, только ты опосля этого сына своего никогда уж не увидишь. Не будь я «иван», коли совру!

Доктор как-то сразу понял, что так оно и случится, если он сейчас слупит. Да еще ножом пырнет... А Бориска?!

– Чего ты от меня хочешь? – повторил он свой вопрос.

– Так-то лучше, – нагло рассмеялся варнак, внимательно следя за меняющейся мимикой доктора. – Дело к тебе есть. Исполнишь, что велю – получишь сына назад, волос с него не упадет. Не исполнишь – я его убивать не стану. Я его нищим продам, такие мальцы на Хитровке по три рубля идут. На маленьких подают лучше... Ежели от заразы какой не помрет, вором вырастет, по тюрьмам отправится. В вашу тоже может попасть. И ты всю жизнь – слышь, доктор! – всю жизнь будешь мучаться, не твоего ли Борыку мимо тебя конвой ведет. Ну? Хошь такой участи для сына-то?

Иван Александрович совсем сник. «Иваны» тем еще славятся, что исполняют все, что обещают, особенно охотно – угрозы. На этом их власть над мелкой шпанкой и держится. Скажет «иван», что зарежет – можешь собороваться. А ребенка от родителей отнять им нет ничего, Бога для них не существует.

– Хорошо, я все понял, не зашумлю. Что у тебя за дело? Морфия достать?

Варнак оглянулся, понизил голос:

– Человека одного ты должен в лазарет перевести. Болеет человек. В арестантских ротах на Новой площади сидит; ты ведь там завтра обход делаешь?

– Завтра с десяти утра. Что за человек?

– Сашка-Цирюльник.

У Милотворжского дрогнуло лицо – не то от ужаса, не то от презрительности.

– Этого никак не могу! Этот особо опасный, его втроем освидетельствовать положено. Кандалы с него даже с мертвого не снимут и в лазарете вооруженный конвой поставят!

– Это уж не твоя забота! А освидетельствуете вдвоем, это по правилам допускается. Третий-то доктор, слышь, ногу сегодня сломал... Подпишешь завтра бумажку и через день уже сына обнимать будешь, а не то...

Ивану Александровичу вдруг нестерпимо захотелось удавить этого наглого варнака прямо здесь, у ворот часовни. Он непроизвольно сделал шаг вперед, но фиксатый лишь повел плечом, и лезвие ножа тут же уперлось доктору в живот.

– Брось, четырехглазый! Я две ходки с Сахалина сделал, такое вытерпел... Знаешь, сколь нужно эдаких, как ты, чтобы меня задушить?

Доктор стоял, белый от ярости, напирая телом на нож, и не отступал.

Но вспомнил ясные Борискины глаза, вздохнул и сел на приступку.

— Вот так-то лучше, — осклабился «иван». — Сей же час иди к себе домой. Скажи жене — Доротейка ее сегодня не вернется. И чтоб тихо было! Завтра подпишешь Сашке-Цирюльнику подозрение на чахотку, потребуешь перевести в лазарет. Он уж вторую неделю кашляет, там не удивляться. Второй доктор тоже подтвердит... И через день после перевода сын — твой! Ну?

Милотворжский сидел несколько мгновений отрешенный, а когда поднял голову, около него уже никого не было.

Лыков не слышал разговора, но видел и исказенное яростью лицо доктора, и нож в руке его собеседника, явного, по виду, варнака. Потом Иван Александрович сел, где стоял, а уголовный мгновенно замешался в толпу проходивших мимо мастеровых, переменил осанку, походку и сделался неузнаваем. Незаметно и умело огляделся — Алексей едва успел укрыться — и через минуту шмыгнул в первый этаж Москательного ряда.

Положение Алексея становилось трудным. Подойти к доктору и расспросить его? Но тогда варнак точно уйдет. Схватить на выходе? Но из ряда четыре выхода, одному не уследить. А главное, почему полицейский доктор так долго разговаривал с уголовным, не позвал полицию, хотя тот угрожал ему ножом? Явно Милотворжского чем-то запугали, а ведь он на службе насмотрелся всякого, в опасные переделки попадал и труса никогда не праздновал. А сейчас он не просто напуган — он раздавлен. И за помощью не бежит! Шантаж? Или угрожали близким? Если так, то надо выследить варнака до его «малины», а там уже решать по обстановке.

Однако легко сказать — выследить! Лыков не Титус, опыт слежки у него не велик, а варнак, по всем ухваткам, был матерый. Кинешься сейчас в Москательный, а он стоит у окна, наблюдает. Алексей удержался от соблазна выйти из укрытия, и не ошибся: через тридцать секунд из двери осторожно высунулась голова, затем знакомая фигура быстро перебежала из Большого Москательного ряда в Малый. Оттуда через минуту вышел совсем будто бы другой человек: в новом картузе, с уверенной спокойной походкой честного обывателя. Артист!

Лыков отпустил объект слежения на сто шагов и поплелся следом. Они через Ивановскую башню вошли в кремль, поднялись наверх, к соборам. Тут и там стояли городовые, отдавали Лыкову честь, если он не успевал сделать предостерегающего знака. Ему очень хотелось послать кого-нибудь из них в управление за Титусом, но он не решался. Побежит дядя, гремя саблей, под каланчу — это ли не подозрительно? Быстро у него не получится, а парень впереди идет опытный, почуял неладное — ищи ветра в

поле.

Алексей укрылся за компанией каких-то красильщиков с барышнями и вел варнака до самой Дмитровской башни. Но тот, хладнокровно пройдя мимо всех городовых, вышел через ворота на вечно пустую Благовещенскую площадь и двинулся по ней в сторону Волги. Похоже, что везение Лыкова кончалось: на площади он будет весь на виду, а если объект еще догадается пройти на Волжскую набережную... Она тянется вдоль Откоса на версту, и каждый прохожий так же на версту на ней заметен. Что делать? Еще сто шагов, и...

Вдруг двое мастеровых, нелепо размахивая руками и ругаясь, вывернули из-за угла башни навстречу Лыкову. Тот, что повыше, покачнулся и задел Лыкова плечом. Алексей отвернулся, смолчал, чтобы не затевать не вовремя скандала. Однако пьяный обиделся и остановился.

— Эй, ты! Слыши? Те че, места тута мало, толкаешься, ирод!

Второй мастеровой за спиной Лыкова как-то особенно по-идиотски хихикнул. Этого Алексей уже не выдержал, развернулся в ярости к задирам и — увидел перед собой Титуса с Форосковым, ловко загrimированных. Те стояли и улыбались, довольные своей шуткой.

Лыков торопливо развернулся Яана лицом к площади:

— Видишь того, в сером картузе? Возле семинарии. Проследите его, я пойду следом. Учтите, он очень осторожный.

Титус с Форосковым мгновенно посерезнели и двинулись следом за варнаком, держа почтительную дистанцию. Повеселевший Лыков шел за ними шагах в ста. Так вчетвером они действительно вышли на Волжскую набережную, на которой слежка почти невозможна. Хитрый уголовный знал, что делал... Однако опытный Титус не растерялся: он спустился по Георгиевскому съезду к самой Волге, а Фороскова послал на параллельную набережной улицу Жуковскую. Алексей понял их маневр: теперь объект не скроется ни влево, ни вправо, а Лыков, запирая набережную, сможет вести его на безопасно далеком расстоянии.

Варнак не торопясь дошел до самого конца Откоса и спустился в расположенную в полугоре Фабричную слободу, пользующуюся в городе дурной репутацией. Лыков из своего далека упустил его, но Титус успел подобраться снизу и приметить дом, в который зашел подозреваемый. Увидел он и долговязого парня, сидящего на завалинке дома с парой пива и не спускавшего глаз с улицы. Похоже на караул перед бандитской «малиной»...

Все трое сыщиков сошлись наверху, у Казанской заставы. Лыков рассказал своим подчиненным об увиденной им беседе доктора

Милотворжского с неизвестным, с применением ножа, и высказал свои соображения. Яан Титус согласился, что брать неумытого собеседника доктора на улице было бы ошибкой, а вот на «малине» – самое оно. Форосков, как младший, молчал.

– Ну, тогда пошли брать, – буднично сказал Лыков.

– Пошли, – так же просто ответил Титус. – С оружием у вас, Алексей Николаевич, как всегда?

Лыков молча посмотрел на свои кулаки.

– Понятно. Идите следом за мной в пятидесяти саженях и ругайтесь. Я займусь караульщиком.

Яан снял с головы суконный картуз, вывернул его наизнанку, и тот вдруг стал почтальонской фуражкой с кокардой. Из кармана Титус вынул сложенный вдвое бланк телеграммы с гербом, сделал туповатое и озабоченное лицо, и превратился в заморенного почтальона, разыскивающего адресата.

Спустившись на середину улицы, он подозвал к себе пацаненка со свайкой и в соплях:

– Эй, малец! Где здесь квартирует солдатка Ефросинья Егорова? Телеграмма ей, от самого полкового командира...

Малец молча поглядел на «почтальона», засунул в рот грязный палец и ушел на двор. Служивый человек выругался, огляделся, увидел неподалеку парня с пивом и двинулся к нему.

– Ты видал? Ну народ, ну народ... Бегаешь тут целиный день по солнцепеку, покуда умные-то люди пиво пьют... Телеграмма, вишь, от самого полковника. Пришибли, небось, ее солдатика, иначе – для чего полковнику себя утруждать. Ну? Правильно я говорю? Второй час я энту стерву ищу, и отовсюду она съехала. Есть же такие стервы-бабы, правильно я говорю?

Болтая без умолку, Титус вплотную подошел к парню, который молча подозрительно наблюдал за ним. Правая рука парня лежала на коленях, прикрытая картузом.

Новые люди отвлекли внимание караульщика: двое мастеровых спускались с горы и зло спорили о чекушке. Парень присмотрелся к ним, что-то сообразил, быстро встал и кинулся было во двор. Но уйти не успел: Титус ударил его сзади ребром ладони по шее, подхватил обмякшее тело и ловко засунул в подворотню. Из правой руки парня вместе с фуражкой вывалился на траву нож.

Лыков и Форосков прекратили ругаться и мигом сбежали вниз. Все трое сыщиков, осторожно ступая, вошли в полутемные сени,

прислушались. Из-за двери доносились голоса, шлепали о стол карты.

– Два сбоку.

– Атанде!

– Стариk Блинov бардадым a бьет.

– Ax, ты, чuvырло братскoe, опять шелихвостку подменил!^[9]

Лыков поднял кулак, Титус с Форосковым тут же вынули револьверы и бесшумно взвели курки. Алексей выкинул один за другим три пальца, выбил плечом дверь, и сыщики ворвались внутрь.

В небольшой комнатке находились четыре человека: трое разбойного вида сидели за столом с картами, четвертый – фиксатый варнак – стоял у буфета и пил водку прямо из косушки. Он и среагировал быстрее всех – мгновенно бросил бутылку в лицо набегающему Лыкову. Однако тот легко отбил ее на лету и схватил фиксатого за горло. Варнак дернулся плечом, но Алексей помнил, где у него нож, и перехватил руку еще на выходе из кармана. Сжал пальцы – нож вывалился и воткнулся в пол – поднял, несмотря на отчаянное сопротивление, левую руку противника на уровень лица и ударил фиксатого в висок его же кулаком, крепко захватив его в свой кулак. Тот сразу повалился под ноги Алексею, как сноп.

В этот момент за спиной его грохнули одновременно два выстрела, и через стол лицом в печку полетел один из картежников, выпуская из занесенной уже руки нож. Остальные двое присели с поднятыми руками и закричали в ужасе:

– Не бей, начальник, мы сдаемся!

Сразу в комнате стало тихо, и в этой тишине послышался из-за занавески какой-то вроде бы как детский всхлип. Лыков одним прыжком махнул туда, отдернул занавеску и увидел то, чего никак не ожидал увидеть. В маленьком закутке, привязанная к стулу, сидела и с ужасом смотрела на него полная женщина, по виду нянька или кормилица, а по полу бодро ползала чистенький карапуз не старше года от роду.

Няньку тут же освободили, и ее рассказ объяснил Лыкову поведение доктора у Спасской часовни. Едва прия в себя, Доротея сразу принялась успокаивать Бориску, а сыщики начали свою привычную работу. Ту работу, когда дело уже сделано и опасность уже миновала, осталось только оформить сто бумаг... Трех бандитов связали и обыскали, добавили к ним четвертого из подворотни, и бледный Форосков (впервые убил человека) побежал к Казанской заставе. Послал обретавшегося там городового во Вторую Кремлевскую часть и так же бегом вернулся к начальству.

Лыков тем временем осмотрел убитого, пытавшегося ударить его в спину – мертвее не бывает. Одна пуля разнесла ему затылок

(хладнокровный Титус успел даже прицелиться!), вторая, пущенная Форосковым, пробила левую лопатку.

«Иван» успел уже очнуться и одним взглядом заставил своих сообщников замолчать. Необходимо было срочно отделить его, и Алексей за шиворот потащил варнака на улицу. На пороге «иван» обернулся и прохрипел: «Ежели кто...», но договорить не успел – Лыков дал ему такого пенделя, что тот пролетел насеквоздь все сени и покатился с крыльца. Посмотрел было злобно на сыщика, но сразу понял, что этого не напугаешь, и благоразумно замолчал.

Через несколько минут тихая уличка Фабричной слободы наполнилась топотом копыт и звязаньем шпор. Прилетели сразу четыре полицейских экипажа во главе с самим приставом. Первым делом отправили домой, в сопровождении городового, Доротею с Бориской. Связанных бандитов выстроили во дворе в шеренгу; надо было везти их в городское полицейское управление на опознание. Титус незаметно указал Лыкову на крупного белобрысого парня, наиболее напуганного из всей компании. Алексей понял: пора было «ставить комедью», или, как это называлось у пластунов, «ломать языка».

Лыков прошелся вдоль шеренги и без лишних слов влепил «ивану»увесистую затреину. Тот взвизгнул и обматерился.

– Что такое? – процедил сквозь зубы Алексей. – Ты чего тут о себе вообразил, а? Решил, что ты фигура? Забудь об этом. Для меня ты – червяк; захочу – раздавлю и не замечу.

От второй затреини «иван» упал на колени, а от третьей покатился по двору кувырком. Остальные арестованные, ни живы ни мертвые, молча смотрели, как расправляются с их страшным главарем. Тот с трудом поднялся, сплюнул кровь и сказал с угрозой:

– Ништо, это нам все знакомо. А на тебя, начальник, я нарочно ножичек припасу. Будь спокоен, еще сочтемся. С Кары, с Сахалина, с того света приду, а сочтемся...

Лыков рассмеялся – вроде бы беззаботно, но всех, а особенно белобрысого, передернуло.

– Если бы ты знал, сколько козлов, и больших, и маленьких, мне уже эти слова говорили. Можно каторжные святцы заводить. Ося Душегуб говорил (Алексей начал загибать пальцы), Ванька Мясоед... Павлуша Акатуевский... Митя Два Ствола... Кто уж еще-то? А, Тунгус тоже обещал прийти, да вот все не идет. Где вся эта шваль? Ась? Что-то я их давно не видел. Куда-то все подевались. А уж такие были страшные, почти как ты сейчас.

Варнак побледнел. Любая из названных кличек вгоняла знающих людей в дрожь, а тут ходит молодой парень и об эдаких авторитетных людей ноги вытирает. Видать, право такое имеет. Неужели Лыков?

Алексей подошел, взял «ивана» за ухо и пригнул к земле. Поставил на колени, ткнул пальцем в стоящую на улице пролетку:

– Ну-ка... на карачках туда. Чтобы знал, кто есть ты, и кто есть власть. Или...

И варнак, матерясь, но у же про себя, на коленях пополз к пролетке.

А Лыков вывел из шеренги, так же за ухо, белобрысого верзилу, усадил его в другую пролетку между собой и Титусом, и они уехали, опережая всех, в управление.

– Как зовут? – спросил Лыков, когда экипаж выехал на Жуковскую.

– Иван Михайлов, – с запинкой ответил белобрысый.

Лыков удивленно воззрился на него, затем лицо сыщика передернулось:

– Ежели ты мне еще хотя бы раз...

– Пров Сукинин, ваше высокоблагородие! Извиняйте, это я от дурости да со страху! Крестьянин деревни Коурково Вязниковского уезда. Все-все расскажу, вы только меня с нашими не сажайте!

– Ладно. Ты, я вижу, парень понятливый, не то что эти остолопы. У меня глаз наметанный, умного человека сразу вижу, поэтому тебя одного из всех и взял. Не боись, не бросим! Посидишь пока в камере Рождественской части со «спиритонами-поворотами»^[10]. Остальных в острог запрем и всенепременно на каторгу укатаем, а ты отсидишь, сколько суд приговорит, здесь, в исправительных арестантских отделениях. А то и вообще без суда можем выпустить, если следствие покажет, что ты ничего такого страшного не натворил. Ты с нами дружись, в обиде не останешься!

– Я всей душой, ваше высокоблагородие! Это вы правильно изволили заметить, я их всех умнее, они люди уж конченые, варнаки да душегубы. А я ничего, я так, тырил по маленькой, меня общество и выгнало, вот и пришлось с этими... Я так-то очень честный и с благородной полицией работать согласный.

– Ну, вот и договорились. Скажи-ка мне для начала, Пров Сукинин, как «ивана» вашего зовут?

– Чубот, ваше высокоблагородие!

– Какой Чубот – московский или из Вышнего Волочка?

– Наверное не могу знать, ваше высокоблагородие, но полагать надоть, что московский. Из Москвы мы все вместе с ним приехали. Фуфель только,

которого вот их высокоблагородие застрелили, из здешних. Урок^[11] у нас...

– Какой урок?

– Сашку-Цирюльника из арестантских рот выручить. Для того и ребятенка докторова скрали, чтобы тот Сашку в лазарет перевел. А там уж все приготовлено. Вот аспиды, ребятенков невинных у родителей воровать, уж как я был против, уж как их просил...

– Сашка-Цирюльник, говоришь? Жалко, я ему при аресте башку не оторвал... Ну, да еще не поздно. А от кого урок получили?

Сукин замялся, оглянулся на Титуса (тот ободряюще кивнул ему: чего мол, там, давай!), понизил голос до шепота:

– Чубот говорил – от самого Блохи.

Лыков даже присвистнул:

– Ну, вы ребята крутые, раз от Блохи уроки получаете!

До Сукина, наконец, дошло, что он наделал, и парень вдруг принялся дрожать крупной дрожью:

– Ваше высокоблагородие, не губите молодую душу! Не дайте погибнуть во младе лет только выходящему на путь исправления! Я вам все, как на духу... меня же, если признают...

Лыков положил ему на плечо ладонь, сказал ободряюще:

– Ну что ты, Пров. Какая мне от тебя польза, от мертвого? Придется нового стукача искать. Ты мне живой нужнее... покудова обманывать не начал. Я знаю таких ребят, которые до семидесяти лет дожили, еще при Николае Павловиче стучали, и ничего! Дома нажили, внуков наплодили, полиция им помогла дело свое открыть. И все чин-чинарем, от всех почет и уважение. Они нам добром, и мы им добром! Но учти: если станешь темнить – достаточно мне два слова кому надо сказать, и ты покойник. Того, что ты нам сейчас здесь наболтал, достаточно, чтобы на ножи тебя поставить. Сам понимаешь – Цирюльник шутить не станет, наголо обреет. Так что, тебе теперь обратного ходу нет...

Глава 6

Сашка-Цирюльник и Блоха

Кунавинская слобода.

Лыков и Титус сидели в кабинете начальника сыскной полиции и озабоченно переглядывались. Сам Благово ходил вокруг стола, раздраженно теребя пуговицу сюртука.

Сашка-Цирюльник уже доставил однажды Павлу Афанасьевичу большие неприятности, когда его, проходящего по розыску, нашли в Нижнем Новгороде посторонние люди, а Благово отыскать не сумел. Этот бывший московский мещанин впервые угодил в полицейскую хронику, когда ему только-только исполнилось двадцать лет. Угодил по самой страшной статье «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» – 1449-й. В день своего ангела, отметив его за столом с родителями, Сашка ушел будто бы спать, а ночью размозжил отцу с матерью головы топором. Инсценировал ограбление, забрал все родителевы ценности и на них и погорел. Сестра покойной матери узнала в ломбарде свой подарок ей –

недорогой кулон с аметистом. Скупщик уверенно показал на Сашку, когда случайно увидел его в кабинете следователя...

1449-я статья предусматривает наибольший срок наказания в империи. У нас ведь нет бессрочной каторги по суду. Получающий бессрочную переписывается по прибытии на каторгу на двадцатилетний срок; он может затем «дорастить» до вечной каторги, если совершит новое убийство или начнет устраивать побеги. И только по статье об умышленном убийстве родителя – каторга без срока и без каких-либо смягчающих вину обстоятельств. Не распространяются на эту статью и манифесты, уменьшающие отбытие прочих вин.

Состоял суд. Молодой родителебуйца поразил даже видавших виды прокурорских: наглый, развязный, на скамье подсудимых сидит развались, глумится над эмоциями свидетелей и присяжных. Какой-то дьявол во плоти. Ни малейших следов раскаяния; один безграничный цинизм, причем искренний, безо всякой рисовки... Присяжные приговорили его, к чему положено, с облегчением, лишь бы поскорее сплавить эдакого зверя навсегда в рудники.

Но сплавить не получилось. Сашка опять заставил всех заговорить о себе, и даже тертые московские «иваны» не могли не отдать ему должное. Сашка сбежал с этапа.

Как известно, каторжных гонят в Сибирь пешим ходом, причем дорога занимает до полугода и не засчитывается в срок отбытия наказания. Они идут в ножных кандалах, скованные за руки по четверо, под охраной конвойной команды во главе с офицером. В партии имеется две-три подводы для поклажи, продовольствия и перевозки больных и детей; офицер едет верхом. Вот на этого офицера и напал наш бессрочный каторжный, как только их четверку расковали перед ночевкой. Ткнул точно в сердце «жуликом» – карманным арестантским ножом, вскочил в седло подамски, ногами на одну сторону (иначе в кандалах не получилось бы), и ускакал в темноту. Как Сашка не сломал себе шею и не вылетел в лесу из седла, знает только он. Как расковался потом – тоже загадка. Но в Москве он появился уже героям.

Однако этого было мало уголовному миру, чтобы выделить молодому убийце местечко на своем Олимпе. Мало ли Москва видела дьявола отродья... Требовалось совершить преступление из ряда вон выходящее, доселе еще не виданное. И Сашка его совершил. Он залез с одним только сообщником в дом богатого вдового купца Солодовникова и перебил всю его прислугу, после чего содрал у хозяина кожу с головы вместе с волосами. У живого. И начал поливать обнажившуюся плоть одеколоном.

Солодовников не выдержал пытки и рассказал, где запрятана потайная касса с деньгами и процентными бумагами, после чего был зарезан.

Только по совершении этого подвига, когда вся Москва ужаснулась и обмерла, правящие столицей «иваны» признали Сашку своим достойным собратом. Он получил кличку Цирюльник (понятно, за что), а взятые из купеческой кассы двести тысяч вложил в предприятия уголовных тузов, став их деловым партнером. Говорили, что ему принадлежат паи в ночлежных домах Бунина и Ромейко на Хитровке, и полностью – новый доходный дом на Пречистенке.

Однако здесь у модного злодея приключилась ошибка. То, что по достоинству оценили «иваны», не принял генерал-губернатор Москвы князь Владимир Андреевич Долгоруков. Звериная жестокость преступления возмутила его, и князь повелел поймать изувера во что бы то ни стало. Бывший конногвардеец и хозяин Москвы в течение уже двадцати пяти лет, он не понимал слова «невозможно». Полиция не сумела отвертеться, и Цирюльника начали ловить всерьез. Ему пришлось бежать из Первопрестольной. Целый год его следы обнаруживались и снова терялись по всей Центральной России, и уже под Рождество 1879 года злодей был схвачен – в Нижнем Новгороде. К великой досаде Благово, нашел беглеца не он, а талантливый московский сыщик Эффенбах^[12], весь год шедший по его следу. Сашка обнаружился в слободе Катызы, на самом краю Кунавина, проживающим в дрянном постоялом дворе «Ветрогон» в 18-й линии.

Арестовывать Цирюльника приехали Эффенбах, Лыков и тогда еще живой Тимофеев. Сашка вышел из нумера в нужник и был мгновенно схвачен сзади за руки двумя силачами. Дернулся было, понял, что не вырваться, и обмяк. На шум из того же номера выскоцил здоровенный лохматый детина с топором в руках. Эффенбах, не говоря ни слова, и даже как будто не очень торопясь, спокойно приставил ствол револьвера ко лбу лохматого и снял курок с полузвезда. Тот сразу кинул топор, бросился пластом на пол и сложил руки на затылке... Прихватили с собой для опознания и его.

Однако когда Сашка-Цирюльник был выведен на улицу, он неожиданно, не делая даже попытки вырваться, начал кричать во всю слободу:

– Православные, не выдавайте! Кредитор мой тиранов нанял, увозят меня на муку смертную! Отбейте меня, православные, я всем заплачу, немеряно водки поставлю, всем миром упьетесь! Не выдавайте!

По условиям конспирации сыщики были в статском платье. Пьяный

народ полууголовной слободы охотно сбежался на такие завлекательные крики и принял сторону того, кто угощает. Плотная толпа окружила сани, лошадей схватили под уздцы и не отпускали. Вскоре за спинами подвыпивших зевак и любителей халавы замаячили совсем другие фигуры – начали подтягиваться бандиты из соседних притонов, блеснули клинки ножей. Ситуация стала угрожающей.

И тут снова не растерялся Эффенбах. Он схватил Сашку за волосы, приподнял его из саней и сказал, обращаясь к толпе:

– Поглядите, православные, что это за честный должник! Не узнаете? Это же Сашка-Цирюльник! Тот, что мать-отца топором зарубил, а потом с купца Соловникова в Москве, с живого, кожу вместе с волосами содрал и лысину деколоном поливал. Вспомнили? Никто не хочет постричься? А то, ежели мы сейчас Сашку отсюда не увезем, он вас тут всех и постриget, и побреет в лучшем виде!

В один миг толпа разбежалась от саней, как от чумы. Громилы, прятавшиеся за спинами и готовые уже напасть, оказались все на виду, один на один с полицейскими. Надо было принимать уже открытый бой, с риском получить пулю в лоб из-за какого-то московского «ивана». Кунавинские бандиты сдрейфили, Сашка оказался в тюрьме.

Там он просидел до июня нынешнего года, прикованный цепью к стене; подозревалось его участие в убийстве директора пароходного товарищества «Лебедь». Никто из свидетелей не решился подтвердить этого... Сашку надо было отдавать в Москву. Перевозить такого арестанта брался только отряд Мукосеева, все операции которого были расписаны на два месяца вперед. Через неделю доставка Цирюльника в Бутырки должна была совершиться, и вот – эта неслыханная по дерзости попытка его освобождения. И ведь едва не удалась!

Во всей этой истории было еще одно обстоятельство. Все молчали о нем, как будто боялись разбудить вулкан. Наконец, Лыков не выдержал:

– Павел Афанасьевич, кто такой этот Блоха? Столько всякого болтают...

– А ты думаешь, я из-за Сашки, что ли, нервничаю? Да он просто щенок, он моих нервов не стоит. А вот Блоха...

Статский советник сел, наконец, за свой стол, облокотился, нахмурился еще сильнее.

– Блоха – это самая загадочная фигура русского уголовного мира. Кличку свою он получил за многочисленные удачные побеги из тюрем, во времена своей далекой молодости. Уже не один год этому человеку приписывают руководство всеми крупнейшими преступлениями в

империи. За исключением, разумеется, Царства Польского и Кавказа, где русскому бандиту хода нету... О Блохе сложено столько фантастических историй, что я долгое время считал его персонажем вымышенным. Валят фартовые с себя на некоего сверхпреступника, которого на самом деле в глаза никто не видел – это ли не удобно! Но в семьдесят седьмом году у нас на ярмарке убили и ограбили двух питерских ювелиров, и осведомители называли имя Блохи. Я заинтересовался им всерьез и разослав запрос во все каторжные централы и тюрьмы. Результат превзошел мои ожидания: одновременно в местах отбывания наказания находились три уголовных по кличке Блоха: один – в каторжной тюрьме Лунжанкинского промысла на Каре, второй – в Зерентуйской тюрьме, третий в Новобелгородском каторжном централе.

– Ну вот, видите, Павел Афанасьевич, – обрадовался Лыков, – значит, это и в самом деле миф, вроде Змея Горыныча!

– Да? А почему же тогда у них были одинаковые имена? Все трое сидели под именем Василия Мокрова, мещанина города Орехово-Зуево, 1831 года рождения.

У Алексея с Яном вытянулись лица.

– Не поняли? – участливо спросил Благово. – А все очень просто. У них это называется «переменить судьбу», что означает – поменяться жизнью с тем, у кого маленький срок. За бродяжничество у нас полагается всего полтора года каторжных работ. Мокров-Блоха попадается на убийстве (во всех трех случаях были убийства!), получает за умышленное от 12 до 20 лет и идет на каторгу. Там «иваны» подбирают ему подходящего по приметам бродягу, напаивают и пьяного обыгрывают в карты на большую сумму. Просыпается бедолага, а он уже себе не принадлежит. Долг такой, что за сто лет не отработаешь. Начинают его ежедневно лупить и говорят, что скоро убьют, или же у него есть один способ жизнь спасти, да еще деньжат подзаработать. Выбора у бродяги нет, он соглашается переменить участь и становится убийцей, отбывающим двадцатилетний срок. Все! Блоха под чу ж им именем выходит вскоре на поселение, откуда легко сбегает в столицы, а человек за его грехи заживо похоронен... И заметьте: во всех трех тюрьмах об этом знают в совокупности сотни человек, в том числе и надзиратели и даже смотрители. И все молчат! Причем молчат годами! Офицеры караула ничего не замечают. В департаменте полиции никто не догадывается сличить три разных дела на одну фамилию. Каково, а? Может ли такое быть с обычным «иваном» или даже с «королем»? Нет. Это особый случай, особый масштаб. Это то, что преступники называют «Иван Иванович» или «король Московский, князь Питерский». Так что,

Блоха – у вас – не миф, а очень опасный и могущественный человек.

– По-вашему выходит, что есть некий король российского преступного мира, всем заправляющий, неуловимый и неуязвимый? – запротестовал Лыков. – Уж очень демоническая личность вырисовывается, такие только в книжках для гимназистов бывают!

Благово посмотрел на него с некоторым сожалением.

– Алексей Николаевич, вспомни наши же агентурные сводки. Фактом является наличие «королей» в столицах и почти во всех крупных городах империи: Лодзи, Одессе, Ростове, Харькове, Киеве, Вильно... У нас в Нижнем, кстати сказать, тоже был, некий Паша-с-Бора, пока я его не укатал в семьдесят восьмом. И с тех пор нами правят москвичи, временно выставляемые на ясак... Эти местные «короли» действительно руководят преступным миром на своей территории, улаживают конфликты, подкупают полицию, собирают процент с чужих краж, организуют самые выдающиеся преступления. С этим ты не будешь спорить?

– С этим не буду. «Короли», конечно, есть, но каждый у себя правит. Это своего рода «удельные князья». Но вы рисуете великого князя, государя Всея Руси!

– А ты думал, что его нет? Свято место – и пусто? Наивный... Еще в семьдесят пятом году нас вызвали со всех губерний в министерство на секретное совещание. Сразу из четырех источников прошла оперативная информация о съезде вожаков преступного мира в Москве, на котором произошел раздел сфер влияния. «Короли» разверстали Россию – где чье, определили спорные территории, назначили на них «обчиством» наместников, учредили казну для помощи отбывающим наказание. Съезд был хорошо подготовлен; чувствовалась умелая рука какого-то серьезного человека. Тогда же «короли» выбрали из своих рядов особого председателя, имеющего право созывать чрезвычайные съезды и отвечающего за пользование казной. Этим председателем стал Блоха-Мокров, бывший тогда московским «монархом». А через полгода после этого в Питере убили при аресте ихнего «короля», знаменитого Каблица, который был самым опасным конкурентом Блохи. Застрелили при загадочных обстоятельствах: охрана Каблица была куплена и выдала его полиции, а двое верных задушиены. Сам Каблиц пытался сдаться, выбросил оружие и... был хладнокровно застрелен. Темная история, но узнается рука «серьезного человека». Так что, Алексей Николаевич, великий князь Почти Всея Руси существует. Полномочия его не абсолютны, теоретически он может быть смешен, да и «короли» со своими «иванами» не большие любители подчиняться кому бы то ни было. Но постепенно, одних сдавая полиции,

других покупая, Блоха лезет наверх. Все выше и выше... Он координатор, казначей и уже поэтому – первый среди равных. И именно он дал задание выкрасть от нас Сашку-Цирюльника. Оттого я и нервничаю! Не хочу я связываться с таким противником! Для этого есть министерство, департамент, опытные сыскные полиции столиц. Это их уровень. А нам дай Бог со своими делами управиться. Пусть Мукосеев увозит этого мерзавца поскорее, и нехай потом у питерских лекоков голова об этом болит...

На этом совещание закончилось, и Лыков сбежал наконец в Большой Москательный ряд за подарком матушке. Затем начались допросы арестованных в Фабричной слободе, после примчался счастливый Милотворжский и рассыпался в благодарностях; под конец дня Алексея вызвал полицмейстер и тоже жал руку. В кабинете Каргера Лыков стал свидетелем интересной сцены: доктор встретился с выходящим с допроса «иваном», укравшим его сына. «Иван» уже был без гонора, руками не махал и соколом не смотрел. Увидав ненавистного ему варнака, Милотворжский чуть было не вцепился ему в глотку. Но тут же вспомнил, что тот арестован, беззащитен и не сможет ему ответить, и кулаки интеллигентного Ивана Александровича сами собой разжались... Каргер посмотрел на это с горькой усмешкой и сказал:

– Вот-вот, все вы такие... чересчур порядочные. Хорошо, хоть я у вас не такой; у меня эта каторжная рожа за все ответит, и не только по закону, но и по совести. Детей уже начали воровать! Э-эх...

А когда варнак ушел, Николай Густавович спросил у доктора:

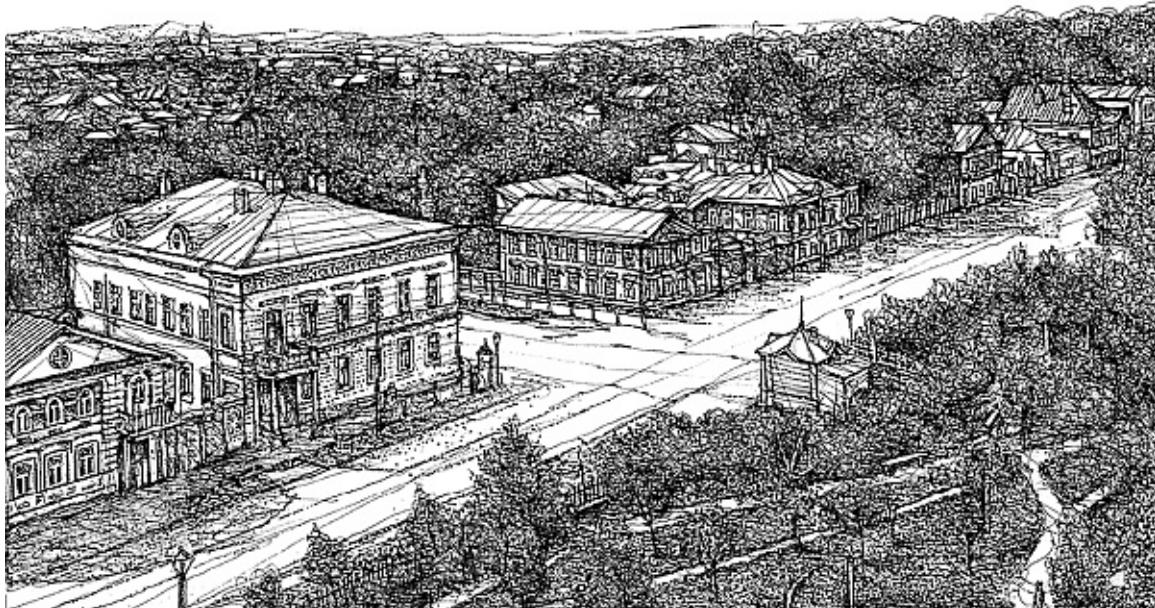
– Скажите мне честно, Иван Александрович – подписали бы вы требуемую от вас бумагу, если бы Лыков не подоспел так вовремя?

Милотворжский молча посмотрел на полицмейстера, и тот неожиданно смутился и замахал руками:

– Простите меня, старого дурака! Это я не подумавши ляпнул. Избави нас Бог оказаться когда-нибудь на вашем месте... Простите!

Глава 7

Ольга Климова

Большая Печерская улица.

В итоге, после всех этих допросов и совещаний, Лыков снова оказался дома уже в восемь часов вечера. Июньское солнце еще и не думало садиться, за дорогой мычали, возвращаясь с выпаса, коровы; ехала какая-то красивая дама в красивом экипаже. Хорошо! Скоро граф Игнатьев приедет, вступит в управление ярмаркой – с ним интересно! А он, Лыков, сегодня ребеночка спас – молодец, Алеха, не промахнулся!

Алексей открыл дверь своим ключом и бесшумно прокраляся почти до своей комнаты. В кармане он прятал серебряную шкатулку с эмалью работы самого Ивана Салтыкова. Спасибо московскому градоначальнику – подбросил деньжат; на получаемые Лыковым восемьсот сорок рублей годового жалованья больно-то не пошикуешь...

Как ни старался опытный сыщик Лыков, матушка его все же услышала и выбежала в коридор. Едва он успел запрятать шкатулку на верх шкапа! Всегда она беспокойна, пока сына дома нет! Хорошо хоть не догадывается про всяких там Тунгусов, Зембови чей и прочую шушеру, что так и норовят ее кровиночку застрелить или зарезать...

– Алеша! А я и не слышала, как ты вошел! Слава Богу, все теперь дома. Ужинать сразу будешь?

– Да, матушка, сейчас только умоюсь да переоденусь.

– Переодеваться-то в домашнее погоди. Гостья у Лизаньки, барышня молодая, неровен час повстречаетесь, а ты в куртке... Уйдет, наверное, скоро, давно уж сидит, тогда и переоденешься.

Действительно, из гостиной доносились молодые голоса: один – Лизаветин, а второй – незнакомый. Хотя нет, очень даже знакомый... откуда она здесь?

– Ах, братец, слышно, пришел! Пойдемте, Ольга Павловна, я вас с ним познакомлю!

В прихожую вышли Лизавета и Ольга Климова.

– Познакомься, Алеша, это...

– Да мы с вашим братцем уж давно знакомы, – певучим голосом, не без ехидства, перебила хозяйку гостья. – Мы катаемся иногда по утрам в одном направлении. У братца вашего, Лизавета Николаевна, замечательный жеребец. Жалко, он давно уж не ездит верхом, после ранения так и не выезжал.

– После какого ранения? – встрепенулась матушка. – Вы, Ольга Павловна, что имеете ввиду?

Алексей рассмеялся и полуобнял ее за плечи:

– А помнишь, матушка, я на Родительскую субботу неловко так поскользнулся и руку себе зашиб? Вот Ольга Павловна, наверное, этот случай в шутку ранением называет.

Лизавета тоже смотрела на брата с подозрением, но по другому поводу:

– Так ты уже знаком с Ольгой Павловной? А мне ничего не рассказывал!

– И не удивительно, Лизавета Николаевна, – опять съехидничала Ольга. – Он ведь у вас сырщик! Они там подписку дают – никому ничего не рассказывать.

«Вот вредная! И про подписку откуда-то узнала!». Лыков почувствовал, что краснеет, но решил без боя не сдаваться:

– Истинную правду говорите, Ольга Павловна, болтать языком нам не положено. Более того, в подписке прямо оговорен запрет знакомиться с красивыми барышнями и особливо на конных прогулках. Так что я уже под угрозой отставления от должности.

Гостья даже порозовела от удовольствия, а матушка и сестрица воззрились на Алексея в удивлении: эк ловко вставил комплимент, прямо

светский человек!

И вся компания перешла в гостиную пить чай. Очень быстро матушка отлучилась на кухню за чашками и кликнула оттуда и Лизавету:

– Поди-ка сюда, помоги мне управляться!

И Алексей с Ольгой остались вдвоем. Маневр был проделан столь стремительно, что молодые люди растерялись и некоторое время неловко молчали. Ольга нашлась первая:

– Придется вам меня теперь до дому провожать, Алексей Николаевич. Засиделась я тут у вашей любезной сестрицы, вечер уже, а кучер все не едет. Опять, поди, глухая тетеря, не рассыпал, что я ему возвращаться велела!

На самом деле плутовка, разумеется, сама отпустила экипаж, чтобы заполучить загадочного сыщика и силача себе в провожатые.

– Охотно, Ольга Павловна, за честь почту! – степенно отвечал ей Лыков. – Как вы у нас оказались?

– Общая знакомая привела, Вера Песоцкая. Мы готовим благотворительный музыкальный вечер во Всесословном собрании, в помощь инвалидам турецкой войны. А у Лизаветы Николаевны замечательный голос. Она уже дала согласие! А вы приедете на вечер?

– Очень постараюсь, если служба отпустит. Вы уж матушке-то поосторожнее... про ранения.

– Да, прошу меня извинить, Алексей Николаевич, я укорочу свой язычок! Матушка у вас замечательная, и сестрица тоже; так мне у них понравилось...

После их нечаянной встречи в кремле, пока Лыков мотался по столицам, Ольга Климова искала возможность познакомиться с ним поближе. Мысль о благотворительном вечере, да еще в помощь жертвам войны, коей Алексей был участником, пришла ей в голову только второго дни. Но уже сегодня, выстроив цепочку из четырех барышень, последовательно знакомых друг с другом, она проникла к Лизавете. Сидела у нее уже более, чем позволяли приличия, и кучера отпустила... Все это несколько смущало барышню, но она была упорная.

Пришли, наконец, матушка с подносом и Лизавета с вареньем, компания весело попила чаю и стала расходиться. Лыков пошел провожать Ольгу домой – под одобрительные взгляды сестры и несколько недоумевающие – матушки.

Кратчайший путь к дому Климовых лежал через Полевую и Кизеветтеровскую, и Алексей повел барышню именно так. «Захочет или не захочет погулять подольше? – думал он. – Не буду сам напрашиваться,

пусть она попросит!». «Предложит или не предложит выйти хоть на Откос?» – томилась, в свою очередь, Ольга. – «Нет, я и так уже веду себя двусмысленно. Нельзя так баловать мужчин!».

В итоге они, желая оба продлить прогулку, шли, тем не менее, напрямки. Только спустились в Ковалиху, как вдруг из-за забора вывалились трое парней лихого вида и двинулись прямо им навстречу. Ольга почувствовала, как у Лыкова самопроизвольно напрягся огромный бицепс.

Парни стали полукругом, дерзко ухмыляясь, и самый рослый из них прохрипел:

– Слыши... твое благородие! Угости сигареткой честной народ!

Ольга затрепетала – не то от страха, не то от восторга, что сейчас на ее глазах Лыков вынужден будет драться.

Однако Алексей драться не собирался. Он насмешливо посмотрел на верзилу и его «шестерок» и сказал небрежно:

– Это вы тут, что ли, честной народ? Эх, портяночники, голытьба – денег нет табаку купить. На, я сегодня добрый, угощаю!

Он вынул из кармана алтын, покрутил его в пальцах, потом без особого напряжения сложил его пирожком и бросил долговязому.

Все трое громили столпились и начали разглядывать монету, поочередно пытаясь ее разогнуть – не жестяная ли? Алтын не поддавался. Ольга стояла ни жива ни мертвa, и все ожидала, когда начнется из-за нее драка.

Внезапно до верзилы что-то дошло. Он сдернулся с головы картуз и с размаху ударил себя кулаком по лбу.

– Ядрена-Матрена! Это ж Лыков-господин! Во влипли...

Двоих остальных грабителей опешили, затем мгновенно сорвали картузы, и лица у всех троих приняли совершенно одинаковое выражение: осознание неизбывной вины с на деждой на прощение. Лыков не удержался и рассмеялся.

– Ладно, шантрапа, валите отсюдова. Еще раз здесь замечу – шкуру спущу со всех оптом...

Троицу будто ветром сдуло. Молодые люди пошли дальше. Ольга была несколько разочарована тем, что побоище за нее не состоялось, но потом решила, что и без того есть что рассказать Анютке с Машей...

– Вы такой знаменитый, Алексей Николаевич? – спросила она.

– Только в узких кругах, – успокоил ее Лыков. – Портяночники, ширмачи, деловые...

– Эти люди делают портянки? – удивилась Ольга.

– Ну, что вы! Это просто названия преступных профессий. Те, что нам сейчас попались – портяночники, то есть промышляющие мелким разбоем: деньги с часами отобрать, шапку зимой сорвать... Ширмачи – карманники; их надо беречься на вокзале да на ярмарке. Деловые – мои любимые клиенты, с ними интереснее всего.

Они подошли уже тем временем к резному дому Климовых, и Алексей стал прощаться.

– Подождите, я так и не поняла, кто такие деловые. Почему вам с ними интересно?

– Деловые, Ольга Павловна – это самые серьезные люди из уголовных. Их профессия – вооруженные грабежи, зачастую с убийством своих жертв. Не дай вам Бог с ними когда-нибудь повстречаться.

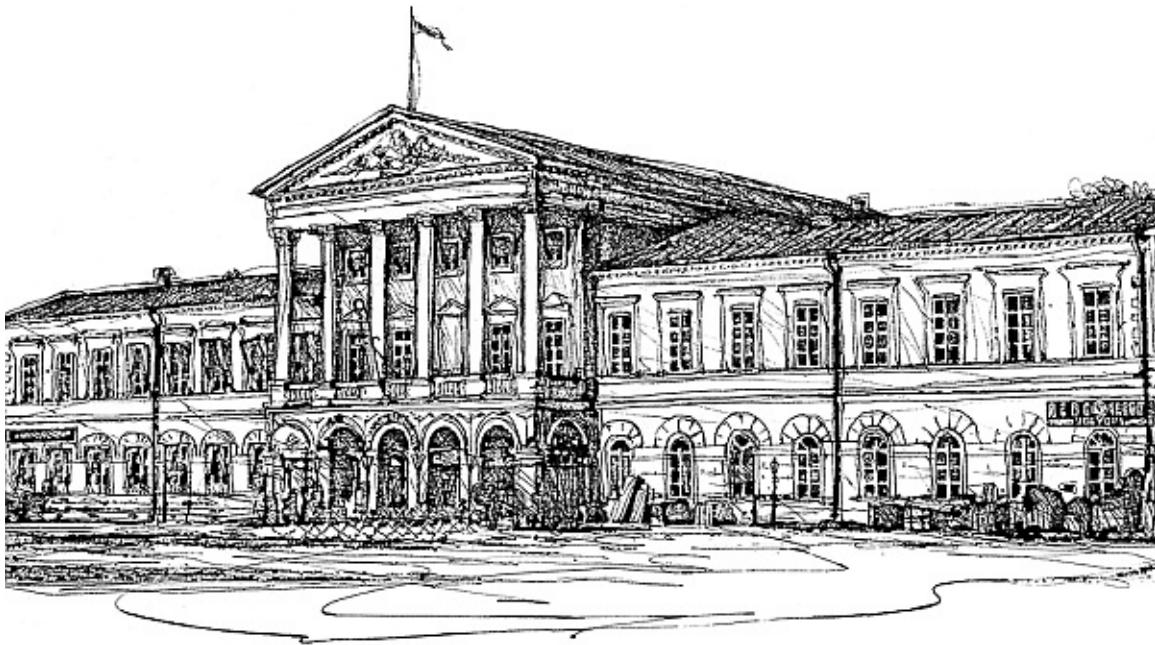
– Если рядом не будет вас... – добавила Ольга.

– Даже если я буду с вами. Там монетку кидать некогда, их такими фокусами не возьмешь; зарежут в секунду. Я уж с ними наобщался...

Тут Лыков осекся, торопливо простился и заспешил домой. А Ольга долго слушала от матери выговоры за отпущенного кучера и позднее возвращение незнамо с кем, слушала, но не слышала. Оставшись, наконец, одна, она схватила свой дневник и записала туда новые, страшные слова: «деловые», «портяночники» и «ширмачи».

Глава 8

Ярмарка

Главный ярмарочный дом.

А потом покатилась обычная будничная жизнь. Прошел июнь, незаметно подступило 15 июля – открылась ярмарка. Приехал и вступил в свои права временного генерал-губернатора граф Николай Павлович Игнатьев. Благово повеселел: ленивый и легкомысленный губернатор Безак отошел на вторые роли, служба сыскной полиции облегчилась.

Но все же, несмотря на поддержку Игнатьева, дела правопорядка на ярмарке все ухудшались. Прошлогодних успехов не было и в помине. Пристав Макарьевской части Львов откровенно брал взятки, прописывая за двадцать пять целковых любую самую каторжную рожу; у одного так вообще клейма сведенные были на лице...^[13] Вместо убитого трактирщика-«ивана» Кузнецова вожди ярмарочных бандитов вышел Иван Сушкин. Полицмейстер попытался было, как в прошлом году, приструнить его, но ничего не вышло. Из Петербурга приехал некий еврей с письмом от самого великого князя Михаила Николаевича, брата императора, генерал-фельдмаршала и кавказского наместника, только что

назначенного председателем Государственного совета. Что было в том письме, Каргер никому не рассказывал, но Сушкина с тех пор не трогали...

Но дело было даже не в великих князьях. Многое, как водится, решалось внизу. Городовые и квартальные зарабатывали взятками, за страдные полтора месяца ярмарки, по две-три тысячи рублей – в десять раз больше всего годового жалования! Странно было бы им после этого ловить своих кормильцев...

Поддержка графа Игнатьева тоже была относительной. Талантливому и честолюбивому, ему тесно было в Нижнем Новгороде. Он вел огромную секретную переписку со своими столичными друзьями, интриговал, сочинял доклады на Высочайшее имя, пытаясь напомнить о себе. Унижаясь, облизывал близких ко двору особ, примыкал к каким-то дворцовым партиям. Алексей, например, по его поручению три дня сопровождал по ярмарке графа Адлерберга, министра императорского двора и личного друга государя. А в это время на Самокатах зарезали купца из Коврова, а в Кунавино положили на рельсы опоенного и ограбленного предводителя дворянства одной из южных губерний... Так и не нашли убийц – некогда было!

В конце концов, Благово не выдержал и сказал:

– Ладно! Мы не институтки, отнесемся к этому спокойно. Как говорят в Гвардейском флотском экипаже: делай, что должен, и пусть будет, что будет. Но всех, кого не можем сейчас взять за жирный хобот – запомним! Возможно, завтра и до них доберемся...

В конце июля на ярмарку приехал Буффало, раздobreвшиy, в дорогом казинетовом сюртуке. Они с Лыковым засели в ресторанации Барбатенкова. Не виделись почти год, накопилось, о чем поговорить.

Буффало с ходу огорошил Алексея главной новостью: он женится и становится фабрикантом!

– Понимаешь, с зимы я туда хожу. Вдова тридцати лет, очень еще интересная женщина. Урожденная Ушкова, по мужу Красильщикова. Обе фамилии средней руки, но при деньгах. От мужа осталась большая фабрика одежного товара в селе Родники. Настасья одна неправлялась; приказчики видят, твари, что хозяина нет, стали воровать. Арсений Иванович Морозов и прикрепил меня к ней. У рогожцев это принято, чтобы община не беднела. Начал я ездить сначала по делу, а потом – приглянулась она мне. Хорошая баба, и несчастная! Мужа не любила, но блюла себя, даже когда овдовела. А счастья-то хочется, а годы-то уходят... И я ей тоже по нраву пришелся; опять же, не мальчик, и у меня годы идут. Самое смешное – у меня фабрикой командовать получается! Интересно оказалось. Воровать

перестали, после того как я там кое-кого поучил. За десять месяцев обороты вдвое выросли. А на той неделе я подписал договор с военным министерством – будем шить обмундирование Туркестанскому военному округу. Полтора миллиона рубликов! Вот так, Алексей. Представлял меня когда-нибудь мужем и фабрикантом?

– Нет, но рад за тебя. А службу свою у рогожцев бросишь? Кто же станет, в случае нужды, всяких гадов отстреливать?

– Есть там один парнишка, не без способностей. Тоже, кстати, бывший пластун. Не будет спрашивать – помогу по старой памяти. А то, хочешь, тебя порекомендую – Арсений Иванович тебя помнит! Рогожа сейчас самая влиятельная: «раздорников» усмирили, с новым начальством хлыстов договорились. Завещание Аввакума здорово помогло; чуть что, сразу – раз! из него цитатку… все тут же принимают стойку «смирно».

Выпили и за женитьбу, и за Аввакума, а потом Буффало подсел поближе и понизил голос:

– Новость есть нехорошая, тебя касается. Помнишь Осю Душегуба?

– Как не помнить!

– А ты знаешь, что у него старший брат есть?

– Знаю. Григорий, по кличке Гришка Отребьев. Так ведь он на каторге!

– Был на каторге. Да сплыл. Слышал, что случилось на Сахалине о прошлом году?

– Ты про восстание? Читал я сводку, но уже давно… Бежала чуть не целая партия, только-только прибывшая на пароходе. Перебили весь конвой и рассеялись по острову; шестьдесят человек до сих пор в розыске.

– Вот-вот. А как ты себе представляешь побег новеньких с Сахалина? Острова они не знают, где находятся посты и караулы – тоже. А бежали уже на следующий день по прибытии, из барака временного размещения, целой толпой. Странно, да? А просто новеньких подбили и направили старенькие. Видать, умные люди кумекали… И ушли под шумок в Японию, пока остальные дураки гарнизон отвлекали… В том числе и Отребьев смылся.

– Плохо, конечно… только я в Японию не собираюсь.

– Гришка из Японии давно уже в Америку перебрался. Там в штате Индиана, в самой середке ихнего государства, есть колония русских беглых каторжников…

– Ну вот, и ты туда же, – расстроился Лыков. – Павел Афанасьевич мне про мифического Блоху заливает, ты – про сахалинских каторжников из штата Индиана!

– Блоха-вовсе не миф. Я видел его однажды… а второй раз что-то не хочется.

– Как он выглядит?

– Если ты его увидишь – не приведи Господь, конечно – то враз узнаешь. Взгляд у него особенный. Непереносимый. А колония «вачеро», как называют наших беглых американцы, действительно существует. Она нанимала меня в качестве стрелка для… одного дела, когда я ковбойствовал в Америке. В то время Сахалинская каторга только начиналась, и в основном люди шли из Нерчинских рудников. Самые-то умные всегда бежали с каторги не на запад, а на восток. Нанимались в китобои, или в Японии садились на корабли и переправлялись в Северо-Американские Штаты. Сейчас сахалинские беглые уже перевешивают сибирских. Всего в колонии более трехсот человек; это целый город, хоть и небольшой, живут в нем только русские. Я переписываюсь с их старостой, «мером» по-ихнему. Он мне и написал, что приезжал к ним Гришка Отребьев, пожил немного, побозобразничал – достойная ведь пара своему братцу – и уехал. Говорили, что он получил вызов от Блохи. А еще он, перед отъездом, похвалялся в трактире: хочу, мол, там, в России, за Оську поквитаться.

– Ну вот, – огорчился Алексей, – эти Лякины прямо как гидра какая-то. Одного убьешь – другой появляется. А третьего-то у них, случайно, нет?

– Был, да свои же в драке зарезали. Гришка последний.

– Ну, тогда еще куда ни шло. Пришибу его – и делу конец.

– Если встретишься с ним лицом к лицу, то, конечно, пришибешь, – согласился Буффало. – А если он из-за угла выстрелит? Думаешь, Гришка с тобой в честном бою мечтает сойтись? Так что, прими вот от меня подарок – может пригодиться.

И он протянул Алексею необычный револьвер – небольшой, с очень коротким и очень толстым стволом и рукояткой в форме клюва попугая.

– Что это такое? – удивился Лыков. Пригляделся и ахнул: – Ни хрена себе калибр!

– Тридцать три десятых вершка, или, по английскому счислению, калибр 57,7^[14]. Самый большой в мире среди стрелкового оружия! Это настоящий британский «веблей» образца 1866 года, усовершенствованная модель. Его еще называют «бульдог» или, по фамилии изобретателя патронов к нему, «боксер».

– Про «бульдог» я слышал. Но никогда не видел… Спасибо! Очень удобно в кармане носить – ствол короткий.

– Он для этого и сделан. Револьвер-невидимка, все бандиты Европы стараются себе его раздобыть. Но там в основном плохие бельгийские подделки, а этот настоящий, от самого папаши Веблея. Мощность – как у пушки! В цель на расстоянии из него стрелять нельзя, да тебе и не надо;

зато, если попал, кишки вышибает вместе с позвоночником. Бери, пригодится. Ну и, вообще – пишите письма, как говорится, ежели понадоблюсь.

– Свой отдаешь? Как-то неудобно получается...

– Не боись! – Буффало похлопал себя по левому боку. Там, как помнил Лыков, он всегда носил в им самим придуманной подмышечной кобуре «ремингтон» 44-го калибра. – Это все для вас, раздолбаев. Я люблю длинноствольные модели, чтобы таких, как вы, с «бульдогами», на расстоянии отстреливать. Ну, бывай! У меня еще встреча с сибиряками насчет поставок одежи в Забайкалье. Я ведь теперь фабрикант.

Ярмарка, как ураган, замотала и закружила Алексея. Он приезжал домой не раньше десяти вечера, а частенько и ночевал в Главном доме. Конные прогулки, чтобы не застоялся жеребец, он теперь предпринимал в четыре часа утра, поэтому с Ольгой уже не встречался. Снова пошел «вал»: участилисьочные грабежи и разбои, каждую неделю происходили убийства. Деловые опять хояйничали на Самокатах, только уже делились с полицией. Лыков в июле и августе попал в две перестрелки, но наука тенгинского учителя помогла – уберегся... Однажды ночью они с Форосковым гнались в полицейском экипаже за пролеткой налетчика Губина с ярмарки до самой Монастырской площади; тот пытался уйти за город. Лошади мчались на бешеной скорости, не меньше тридцати верст в час, и на выезде обе пары стали, обессиленные. Бандиты неожиданно открыли стрельбу одновременно из четырех стволов. Городовой на козлах и Форосков сразу же получили ранения, а Лыков, услышав щелчок от взводимого курка, успел скатиться за коляску. Из укрытия свалил Губина и еще одного делового, а двух оставшихся перевернул вместе с пролеткой, пока они перезаряжались...

Во всей этой круговерти было не до личных дел. На благотворительный вечер, устроенный Ольгой Климовой, он, правда, попал. Послушал песен, выпил в буфете неимоверно дорогого шампанского (в пользуувечных воинов), поболтал с барышнями. Ольга была очень эффектна в барежевом платье цвета «масака»^[15], с прозрачными тарлатановыми рукавами и с живой чайной розой в черных волосах. Какой-то шустрый поручик из Гороховецких летних лагерей стал вдруг оказывать ей знаки внимания, причем делался уже навязчивым. Барышня была еще неопытна и не умела избавиться от армейского натиска. Тогда Алексей ловко перевел разговор общества на тему атлетизма, завязал на спор каминную кочергу аж двумя узлами и красноречиво посмотрел на поручика. Тот все понял и, прикрываясь арьергардами, тактически

грамотно отступил. После этого Лыкову не оставалось ничего другого, как вести Ольгу до знакомого уже ему дома на Большой Печерской.

Перед домом он пытался проститься, но Ольга неожиданно пригласила его зайти. Лыкову было любопытно увидеть, как живет интересующая его барышня, и он согласился. Больше часа они просидели за чаем вместе с братом Дмитрием и Ольгиной маминькой. Отца у них тоже уже не было – умер год назад. Хозяйка Алексею понравилась, тем, наверное, что очень походила на его матушку; Дима же глаз не сводил с настоящего сыщика. Лыков не удержался и рассказал, что было можно, из некоторых своих дел – о б Осе Душегубе, Тунгусе, Зембовичах. Эффект получился неожиданный: утром следующего дня маминька строго-настрого запретила дочери встречаться с Лыковым. Перекрестилась истово на божницу и сказала:

– Прости, Господи, за такие слова... разве ты не видишь, дура, что его не сегодня-завтра убьют?! С эдакой-то службой! А сколько он за нее жалования получает? Курам на смех. Нет уж, дочка. Я тоже была молода и тоже грезила о Ване Гулевиче – красивый был корнет у нас в городе... Родители мне не позволили и правильно сделали: убили Ванечку в Восточную войну. А я вышла за твоего папиньку. Хороший был человек, и деньги зарабатывать умел. Вот и ты думай о такой же партии, а об этом сорвиголове я тебе думать за-пре-ща-ю! Раз и навсегда!

Ольга рыдала, да и как не порыдать барышне в девятнадцать лет! Спорила горячо с маминькой, изливалась горе подругам. Те молча завидовали: вот она, настоящая драма! Он герой, она его любит, а родители, как всегда, против! Прямо как в романе герцогини Лориан «Роковые страсти». А у них – неизбежные толстые купцы в женихах, и скука, скука...

Противостояние матери с дочерью, по счастью, закончилось само собой, потому как Лыков с тех пор больше не появлялся, захлестнутый ярмарочным омутом. В первых числах августа, вечером в гостиной, Дима прочитал вслух заметку, написанную золотым пером нижегородской прессы, самим Романом Громобоевым, под названием «Схватка на Монастырской площади». Репортаж был захватывающим: «Помощник начальника сыскной полиции Л., известный своей фантастической силой... оставшись один из полицейских не раненным, перебил половину банды... перевернул тяжелый экипаж с четырьмя бандитами, как картонную бонбоньерку... нес на плечах двух своих раненых товарищей сто саженей, гоня перед собой обоих уцелевших скованных бандитов...». Ольга у себя в комнате снова облилась слезами, горячо помолилась за избавление Алексея и в третий раз записала в дневнике свои мысли о самоубийстве... Лето

1880 года покатилось дальше.

Утром девятого августа Лыков сидел с Благово в его временном, на период ярмарки, кабинете в Главном доме. Они второй день не могли попасть к Игнатьеву, чтобы подписать важные бумаги. Граф пропадал в компании каких-то загадочных балканцев – не то сербов, не то болгар.

Граф Игнатьев справедливо считался основателем модной теории панславизма – объединения всех славянских народов под патронажем России. Целью было разрушение Османской империи и захват Проливов – главной головной боли русской дипломатии. Поддержав создание независимых православных славянских государств, Россия формирует их в дисциплинированный отряд и проникает, таким образом, во фланг и тыл Австро-Венгрии и Германии. И снова становится, как при Александре и Николае Павловичах, самой влиятельной державой континента...

Благово, будучи знающим и умным человеком (блестящее домашнее плюс два высших образования), имел свой взгляд на место и роль России. Сгорбившись, он сидел в кресле и драконил теорию графа Игнатьева. Алексей давно уже не видел его таким раздраженным.

– Меня убивает наша балканская политика. Там особая зона, там сходятся интересы двух дряхлеющих империй, чьи дни уже сочтены. Турция обременена межрелигиозными противоречиями и невозможностью управлять своими огромными территориями. Четыре века назад, будучи на подъеме, они проглотили кусок не по горлу. Теперь покоренные ею народы раздирают Порте брюхо изнутри... Австро-Венгрию губят межнациональные конфликты. Договорившись кое-как с венграми, всех остальных Габсбурги топчут, что тоже неизбежно окончится взрывом. И вот мы хотим расшатать этих двух гниющих изнутри гигантов и обрушить. И занять под шумок их место. Рискованная идея! Как бы нас самих не засыпало их падающими обломками. У нас ведь есть поляки, финны, горячие кавказцы... да хоть бы и хохлы!

А это заигрывание с «братушками»! Они ведь просто паразиты. Сегодня Россия использует их как разменную фигуру в шахматах, а завтра они будут использовать Россию. Сколько мы лепили «Великую Болгию», а она сейчас строит глазки австриям. Мы силою оружия и кровью тысяч русских людей вырвали независимость Румынии, Черногории и Сербии. Граф Игнатьев радуется их становлению и пьет сейчас коньяк с братьями-славянами. А чему тут радоваться? Помяни мое слово, эти паршивые сербы, которых на карте мира только в лупу видать, еще втянут нас, ради своих домашних целей, в большую заварушку! Они уже сейчас, как моськи на слона, тявкают на Австрию. Смелые какие ребята! Знают, что в случае

драки придет старший брат и станет за них и вместо них воевать... Сербии, как государству, всего два года, а эти сячки нас уже используют. А что же будет через двадцать лет? У маленьких стран всегда большие амбиции. Смотришь, как эти «друзья России» крутят нами как хотят, и грустно становится. А мы и рады крутиться под их музыку, думая, что это и есть панславизм и усиление нашей империи...

Монолог Благово был прерван появлением взволнованного полицмейстера. Он торопливо прошел в кабинет, бросил на стол свежий «Правительственный Вестник» и сказал почему-то шепотом:

– Началось!

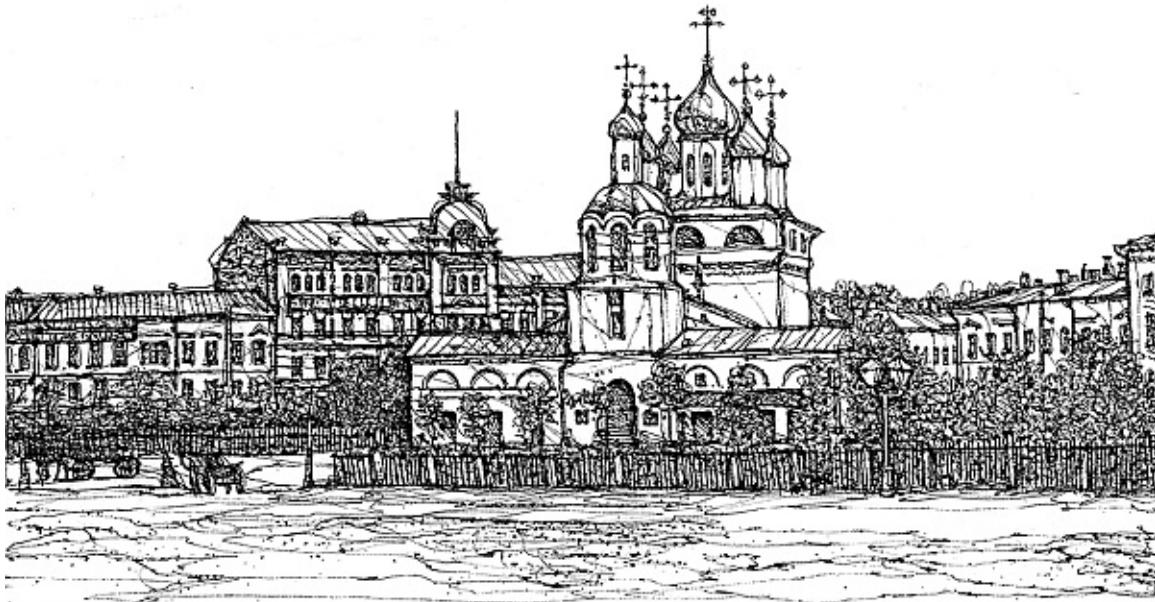
Алексей с Павлом Афанасьевичем схватили газету. На первой странице был расpubликован указ императора о прекращении деятельности Верховной распорядительной комиссии. Граф Лорис-Меликов назначался министром внутренних дел. Маков становился министром почт и телеграфов – нового ведомства, по-видимому, специально для него выделенного из состава МВД. В структуре министерства Лориса создавался новый департамент государственной полиции. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии упразднялось, корпус жандармов подчинялся министру внутренних дел. Словом, все, что предрекал Косаговский, свершилось.

– Теперь они меня вызовут! – испугался Лыков.

– Наоборот, сами сюда едут, – Каргер выложил на стол телеграмму от Косаговского. – К нам с секретным поручением выехали два уполномоченных лица министерства. Приказано создать им все условия для успешного выполнения поручения. Готовится что-то важное...

Глава 9

Особое поручение

Благовещенская площадь. Большая Московская гостиница.

В шестнадцать часов пополудни в кремлевском кабинете Каргера, подальше от ярмарочной суеты, состоялось секретное совещание. Присутствовали: начальник губернского жандармского отделения генерал-майор Шамшев и его помощник подполковник Лесовский; от губернатора – его чиновник для особых поручений надворный советник Михайлов; от полиции – Каргер, Благово и Лыков. И приезжих двое петербуржцев. Старший из них был хорошо известен Николаю Густавовичу и Павлу Афанасьевичу: статский советник Полозов занимал уже много лет должность начальника особого отделения департамента полиции исполнительной. Он и представил второго гостя:

– Господа, прошу познакомиться.

Мужчина выше среднего роста, ненамного старше Лыкова, военному четко щелкнул каблуками, хотя был и в партикулярном платье:

– Отдельного корпуса жандармов ротмистр барон Таубе, Виктор Рейнгольдович.

Лыков покосился на него. «Года на три старше меня, а уже ротмистр!

Быстрое производство у господ жандармов; в армии на выслугу этого чина уходит двенадцать лет...». Однако озлиться на барона как следует Алексей не смог: тот ему положительно нравился. Широкий в плечах и узкий в бедрах, как-то по-особенному гибкий – так двигаются милые лыковскому сердцу пластуны. Взгляд спокойный, умный; держится барон корректно, но с достоинством и очень уверенno. Смуглое загорелое лицо выразительно и красиво. Странный загар...

Полозов сразу взял ход совещания в свои руки. Даже генерал Шамшев слушал его с напряженным вниманием.

– То, что я вам сейчас сообщу, господа, является важным государственным секретом. На конец этого, или начало будущего года намечен приезд в Нижний Новгород государя императора.

Статский советник сделал паузу, чтобы все в полной мере осознали важность услышанного.

– В нынешних обстоятельствах, когда на государя объявлена террористами настоящая охота, безопасность его перемещений есть наша главная задача. Визит будет однодневным и неофициальным.

– Это как? – не удержался Каргер. – Что значит неофициальным?

– Это значит, уважаемый Николай Густавович, что не будет никаких депутатий, приемов и смотров. Государь приезжает на один день, для того чтобы принять иконостасы собора Александра Невского. Как вы знаете, он считает этот собор своим. Во-первых, он назван именем его небесного покровителя, святого Благоверного великого князя Александра Ярославича Невского, а один из приделов храма – именем небесного покровителя его отца. Во-вторых, сам собор построен ярмарочным купечеством по случаю пребывания в вашем городе венценосной четы в августе 1858 года. Место для возведения храма указано лично государем... Первый кирпич в его основание заложил двенадцать лет назад великий князь Владимир Александрович; наблюдать ход строительства приезжал наследник. Словом, это IX семейный собор. Постройка его завершена уже пять лет назад, сейчас заканчивают отделку внутреннего убранства. Осталось самое важное – иконостасы. Как вы знаете, у храма – два придела: Никольский и Макариевский; вместе с главным престолом выходит три иконостаса. Часть икон для них взяты из упраздненного Макариевского монастыря, еще более ста пятидесяти образов дописываются в Москве мастером Соколовым. К Рождеству он обещает закончить работу. Необходимо будет составить все три иконостаса из сборных образов без внутренних противоречий, как нечто целостное. Работа трудная, и государь хочет принять ее еще до освящения. Лично принять...

Теперь о сложностях. Ваша губерния, слава Богу, не заражена такой бациллой нигилизма, как, например, Саратовская или Царицынская. Но и у вас имеются их конспиративные квартиры, боевые и пропагандистские группы. Покушавшийся на государя Соловьев перед покушением скрывался в Нижнем Новгороде. К вам приезжал член Исполнительного комитета Морозов, с целью организовать из местной тюрьмы побег известной Брешко-Брешковской. С июля по август семьдесят восьмого года на Сормовском вагоностроительном заводе работал столяром Степан Халтурин, тот самый, что взорвал Зимний дворец и едва не погубил все августейшее семейство...

Жандармы Шамшев и Лесовский сидели мрачные и пристыженные – ничего из перечисленного они не знали. Полицейские же были невозмутимы – не по их ведомству промахи.

Барон Таубе неожиданно перебил статского советника:

– Этот Халтурин устроился в Зимний дворец краснодеревщиком. И был случай, когда он, ремонтируя стол в кабинете государя, остался с ним один на один. В руках у него был молоток... Страшно представить, что могло случиться, но злоумышленник не решился напасть. Видимо, побоялся, зная хладнокровие государя и его замечательную физическую силу. Вот поджечь фитиль, чтобы погубить женщин и маленьких детей, а самому убежать в безопасное место – на это Халтурину смелости хватило!

Полозов дал барону высказаться и продолжил:

– Господа! Самое главное! Мы имеем достоверные сведения о том, что террористы извещены о готовящемся приезде государя в Нижний Новгород. И уже готовятся на него здесь покушение.

Каргер вскочил и отбежал в угол кабинета, Благово молча стукнул себя по колену, а жандармы едва не попадали со стульев. Шамшев открыл было рот, но передумал и промолчал.

– У вас сидел весной уголовный по кличке Сашка-Цирюльник? – неожиданно спросил Полозов Павла Афанасьевича.

– Сидел, но мы переслали его перед самой ярмаркой в Москву, в Бутырки. А зачем он вам?

– Он сбежал из Бутырок два дня назад. Вот поэтому мы сюда и приехали...

– Извольте объясниться, господа, причем здесь этот каторжный? – вспыхнул взвинченный дурными новостями Каргер. – Мы ведь, помнится, говорили о безопасности государя!

– К сожалению, Николай Густавович, связь между этими двумя предметами самая непосредственная. Согласно тем же агентурным данным,

головка «Народной воли», так называемая распорядительная комиссия, наняла для покушения на государя уголовных.

Все на секунду онемели, затем послышались возмущенные восклицания. Полозов пресек их одним взмахом руки:

– К делу, господа! Цену этим «борцам за свободу» мы все знаем. Не сумев добраться до помазанника Божия своими силами, они готовы сейчас на все. Даже на наем убийц из каторжников. Повешенный в Одессе прошлой осенью Лизогуб успел передать нигилистической партии значительную часть своего огромного состояния. Вот на эти деньги – а сумма обещана немалая – распорядительная комиссия и подрядила известного преступника Мокрова по кличке Блоха. Причем все это делается втайне от собственного Исполнительного комитета, и уж тем более от рядовых партийных членов. Комиссия эта состоит всего из трех человек, наиболее фанатичных противников существующего строя... Так вот. Мокров заказ взял и уже выделил для его исполнения Сашку-Цирюльника.

– Вот почему они так настойчиво готовили ему в июне побег! – воскликнул обычно хладнокровный Благово.

– Совершенно верно, Павел Афанасьевич. Блохе нужен для покушения на государя именно этот злодей. Во-первых, дело сложное, простому, бесталанному, так сказать, бандиту не справиться. А во-вторых, за покушение на венценосца положена смертная казнь через повешение. Либо его убьют на акте... В любом случае, Блоха избавится от амбициозного молодого конкурента, который уже начал наступать ему в Москве на пятки.

– Да, это в стиле дальновидного господина Мокрова, – согласился Благово.

– Чтобы покушение удалось наверняка, в помощь Цирюльнику выделен еще один известный бандит, которого для этой цели выписали аж из Америки. Это печально знаменитый...

– Гришка Отребьев, – подал неожиданно из угла голос Лыков.

– Совершенно верно, Алексей Николаевич. Но откуда вам это стало известно?

– Агентурная информация, – лаконично ответил титуллярный советник.

– Хм... Ладно, я продолжаю. Террористы выделили из своих рядов человека в эту команду убийц. Так сказать, представителя заказчика... Это некто Михаил Федорович Фроленко, член Исполнительного комитета. По договоренности с Блохой, Фроленко имеет тайный приказ ликвидировать обоих уголовных исполнителей теракта после его свершения. Независимо от результатов покушения. Господа либералы опасаются, что их героический ореол изрядно потускнеет, если обществу станет известно, кто

их помощники в борьбе за народную свободу...

– Убить двух столь опытных людей, как Сашка-Цирюльник и Гришка Отребьев? – скептически покачал головой Благово. – Да на это потребуется целый отряд.

– Такой человек, как Фроленко, стоит один целого отряда, – вторично вмешался в беседу барон Таубе. – Выбор террористов весьма удачен. Михаил Федорович – очень серьезный человек, самый опасный из них. Если бы он оказался рядом с государем с молотком в руках... Фроленко отличается удивительным хладнокровием и выдающимся мужеством. Он устроил в Одессе побег из тюрьмы своему товарищу Костюрину. Он же затем вывел из киевского каземата сразу трех арестантов, в их числе знаменитого Стефановича. Того самого, что устроил настоящее восстание в Чигиринском уезде, выдавая себя за тайного эмиссара царя, посланного им через головы лживых сановников к крестьянам... Для организации этого побега Фроленко устроился на службу в тюрьму надзирателем. Далее, он же участвовал в подкопе под Херсонское казначейство, когда были похищены полтора миллиона рублей. Он, наконец, был в числе напавших на жандармский конвой, перевозивший революционера Войнаральского. Раненые лошади тогда понесли, и верховые террористы не сумели догнать карету с узником... А в ноябре прошлого года под Одессой все тот же Фроленко сделал подкоп под железнодорожное полотно, чтобы взорвать возвращающегося из Крыма государя. Причем во время этого взрыва он должен был погибнуть сам. И взорвал бы, если бы маршрут следования царского поезда не был изменен!

– Да, компания что надо, – подытожил Благово. – Два первостатейных бандита и один такой же первостатейный террорист. А нам здесь, в Нижнем, необходимо изловить их на подступах к государю.

– Совершенно верно. В этом и состоит поручение вам от нового министра внутренних дел. В помошь вам придается ротмистр Таубе, наш лучший оперативник. Несмотря на молодость – ему двадцать шесть лет – он уже успел проявить себя и в Средней Азии, и в турецкой Болгарии, выполнил ряд секретных поручений правительства и лично государя. Англичане, например, за его голову...

Таубе предостерегающе кашлянул, и Полозов сразу осекся:

– Ну, это к делу не относится! Словом, ротмистр поживет у вас до зимы, с частыми отлучками в Петербург. Все, что вам понадобится от министерства, от других правительственные органов – передавайте через него; вам будет оказана любая посильная помощь. Помните, что вы отвечаете за жизнь самодержца персонально!

На этом совещание закончилось. Ушли жандармы, удалился задумчиво посланец губернатора Михайлов. Остались столичные гости и полицейские чины.

Каргер приказал подать чаю, Благово и Полозов закурили сигары. Лыков незаметно присматривался к министерскому куратору. Так вот откуда этот загар – Средняя Азия. Англичанам чем-то насолил; уж не в Индию ли пробрался?

– В Гималаях, – внезапно сказал Таубе.

– Что в Гималаях? – не понял полицмейстер.

– Алексей Николаевич ломает голову, где я так загорел, вот я ему и подсказываю.

Лыков смущился, а Благово возился на ротмистра с интересом:

– Читаете мысли на расстоянии?

– Нет, просто наблюдаю, обобщаю и делаю выводы. Вообще-то, один необъяснимый дар у меня все же есть: я иногда предвижу события. Не все, только некоторые.

– За что же вас, ротмистр, с такими талантами и к нам сослали? До зимы еще далеко. Не те события предугадали?

– В самую точку попали, Павел Афанасьевич, – с ответным интересом посмотрел на него барон. – Тоже мысли читаете?

– Нет, просто наблюдаю, обобщаю и делаю выводы. Вас потребовалось временно убрать из столицы. Почему?

– У Виктора Рейнгольдовича вышло столкновение с капитаном Кохом, начальником личной стражи государя, – нехотя пояснил Полозов. – Барон счел, что тот недостаточно четко выполняет свои обязанности.

– Ничего себе «недостаточно четко»! – вскричал Таубе. – Он позволил Соловьеву трижды с близкого расстояния выстрелить в государя. Хорошо, тот увернулся, как я его учил...

Нижегородцы переглянулись. Полозов пояснил:

– Ротмистр провел несколько занятий с Его Величеством, после того как мы поняли, что его жизни угрожает серьезная опасность. Виктор Рейнгольдович – весьма опытный в таких делах человек. Его советы второго апреля прошлого года действительно очень помогли государю – он уклонился от трех пуль.

– ... А когда Кох наконец подбежал и повалил Соловьева, тот, лежа, сумел еще дважды выстрелить! Ранил агента. Кто же так валит? Кто так защищает?

– Так ведь с той поры прошло более года, – удивился Каргер. – Государь, хвала Всевышнему, жив, значит, капитан Кох со своими

обязанностями справляется.

– Неделю назад барон потребовал от Коха, чтобы тот начал менять маршруты перемещений его величества по столице. У государя есть обязательные еженедельные выезды, и барон опасался, что террористы могут выследить эти часто повторяющиеся маршруты. И устроить там подкоп или засаду из бомбистов.

– Очень верное опасение, – согласился Благово. – И за него вас, барон, и ...

– Я высказал это Коху, как мог, вежливо. Но тот вспылил, сказал, что он с семьдесят шестого года руководит охраной государя и в моих советах не нуждается. Мы повздорили; Кох нажаловался Его Величеству. Сказал: или он, или я... Мне скомандовали на время уехать из столицы.

– А маршруты капитан все-таки изменил?

– Увы...

Благово долгим взглядом посмотрел на Таубе, тот так же молча смотрел на статского советника. Они как будто хотели что-то сказать друг другу, но, похоже, поняли все и без слов. Лыков и Каргер наблюдали это с недоумением, Полозов – с нарастающей тревогой. Неожиданно он встал, откланялся и уехал сразу на вокзал; барон остался один.

Вечером Таубе необходимо было представиться генерал-губернатору. Педантичный Каргер напомнил ротмистру, чтобы тот явился в мундире. Полицмейстеру вообще не нравилось, что русский офицер ходит в статском, какими бы секретными делами он тут ни занимался. Старик красноречиво посмотрел на часы, все вскочили.

Благово остался у начальника по делам, а Лыкову поручил разместить барона. Молодые люди поехали выбирать гостиницу. Алексей начал, разумеется, с «Большой Московской», как наиболее фешенебельной в городе. Всего 19 номеров, тихо, солидно, до кремля камнем добротиль можно. Таубе дальше никуда и ехать не захотел, сразу же заселился. Оставив вещи, попросил Алексея спуститься с ним в буфет; у него есть просьба.

– Алексей Николаевич! Не считите за труд приехать вечером сюда вместе с экипажем лично. Я спущусь в статском пальто поверх мундира; мне понадобится ваша помошь в этом маскараде... Не примите, пожалуйста, это за рисовку. Я хоть и выведен временно за штат военной разведки, но надеюсь в нее еще вернуться. Поэтому «светиться» не имею права; вы даже не подозреваете, насколько мы все у них под лупой...

Лыков пообещал и укатил на ярмарку, в привычную круговорть. В половине одиннадцатого ночи, когда уже порядком стемнело, он подъехал к

«Большой Московской гостинице» и послал агента Торсуева известить барона.

Таубе спустился в легком летнем пальто, из-под которого нелепо высовывались сапоги со шпорами. Правой рукой он что-то придерживал, прикрываясь полой; Лыков догадался, что это сабля. Алексей добродушно усмехнулся, Таубе виновато повел плечами: служба, мол.

Через полчаса, в пустой уже приемной графа Игнатьева их встретили Благово и адъютант графа поручик Федоров. Таубе сбросил, наконец, пальто на кресла – и все ахнули. Лыков даже обежал барона, с любопытством рассматривая его иконостас. Владимир, Анна и Станислав – все с мечами и бантом! Триуважаемых медали: за Хиву, Коканд и последнюю войну с турками. Два незнакомых иностранных ордена и один знакомый (румынский Железный крест «За переход через Дунай»). Справа, прикрытый аксельбантом, знак Академии Генерального штаба. А на эфесе сабли – маленький белый крестик и Георгиевский темляк. Ай да барон!

Многоумный Благово подсчитал что-то мысленно и спросил:

– Сколько же вам было во время Хивинского похода? Неужели девятнадцать?

– Точно так, Павел Афанасьевич. Я сбежал из дома и поступил к генералу Кауфману ординарцем. После того как я единственный из отряда в сто сорок человек вернулся из поиска под Чорух-Дейроном, меня и заметили в Азиатском делопроизводстве Военного министерства^[16].

– Остальные не выжили? А вы в девятнадцать лет смогли уцелеть?

– Сведения были очень важные, необходимо было доставить их хоть с того света. Пришлось пройти пешком по пустыне более сорока верст. У меня, говорят, повышенная выживаемость... По личному докладу Константина Петровича фон Кауфмана, государь произвел меня за это дело из вольноопределяющихся в прапорщики.

– Господа, – кротко вмешался Федоров, – извините, но генерал-губернатор ждет. Поздно уже, снова граф не выспится...

– Его сиятельству известно, кто персонально ему представляется? – спросил Таубе у поручика, оправляя перед зеркалом мундир.

– Нет, он знает лишь, что будет уполномоченное лицо от нового министра внутренних дел.

Таубе улыбнулся, словно в предвкушении удовольствия, и вся четверка зашла в кабинет Игнатьева.

Граф секунду еще что-то дописывал за своим необъятным столом, потом отложил перо и поднял голову. Тут же его ухоженные подусники дернулись вверх, и Игнатьев быстро выскочил на середину кабинета.

– Витя!

– Здравствуйте, Николай Павлович!

Граф обхватил своими ручищами стройную фигуру ротмистра, словно медведь, и гулко захохотал:

– Витя! А я думаю: что за уполномоченное лицо?

Лыков впервые видел графа Игнатьева смеющимся, да еще так радостно.

– Господа! – поправился генерал-губернатор. – Виноват, мы с бароном давно не виделись. С последней войны. А до того, в Константинополе, Виктор... Рейнгольдович служил у меня в посольстве помощником начальника охраны. И, признаться, дважды здорово меня выручил!

Игнатьев усадил барона на диван, остальные расселились полукругом возле них.

– Да, с турецкой кампанией не виделись. Ты ведь там при Петре Дмитриевиче состоял? И, как я слышал, его ты тоже здорово выручил?

– Ну... под Рущуком нас пытались взять. Мне пришлось убить пять человек^[17].

– А как ты, разведчик и боевой офицер, очутился вдруг в жандармах?

– Погорячился... в Лхасе. Пришлось временно уйти со сцены за кулисы. Вам это хорошо знакомо^[18]. Обещают, что года через три все забудется, и я смогу вернуться. А пока вот пытаюсь помогать в охране государя, и тоже не очень удачно.

– Слышал про твою стычку с Кохом. Странно ведет себя капитан, но... решения государя не обсуждаются.

Таубе отстранился на секунду, потом вздохнул и принялся расспрашивать Игнатьева о его жене и многочисленных детях.

Глава 10

Февраль

Вид на Спасо-Преображенский собор и губернаторский дом в кремле.

Особо злая февральская поземка валила с ног несчастных прохожих. Те, кого нужда заставляла выйти из дома, передвигались, держась за дома и заборы, проклиная при этом все на свете. Было холодно, темно и неуютно; два фонаря перед манежем делали тьму только гуще и тягостнее.

Лыков в кабинете Благово отхлебывал из кобальтовой чашки ханькоуский чай. Павел Афанасьевич скорчился в старинном резном кресле, замотанный в плед. «Балтийский» радикулит, подхваченный им в холодныхочных вахтах на пароходофрегате «Мономах», вновь навестил статского советника.

Настроение и без радикулита было – хуже некуда. Через неделю приезжает государь. Все три иконостаса собора Александра Невского составлены и приняты владыкой; собор денно и нощно охраняется теперь специальными караулами. Городская полиция усилена командированными из уездных городов нарядами. Приехали десять сыскных агентов из Петербурга и восемь из Москвы, во главе с Эффенбахом. Искали без

отдыха трех покусителей на цареубийство. И до сих пор не нашли...

Позавчера на пустыре перед лесными складами, что напротив единоверческого кладбища, обнаружили остывшее тело сыщика Торсуева. Он пришел днем веселый и загадочный. Спросил Фороскова: вот получу премию и куплю трактир, придешь ко мне рюмку пропустить? Ушел – и его зарезали. Неделю назад утонул в крещенской проруби информатор Благово, содержатель номеров на Миллиошке. Судя по пятнам на запястьях, купаться он вовсе не хотел... А в Москве у Эффенбаха за неделю погибли все три агента, знавшие Блоху в лицо. Кто-то очень хорошо осведомленный расчищал дорогу убийцам к Александро-Невскому собору.

Лыков не спал вторую ночь и спасался только крепким чаем. Ощущение неотвратимости несчастья, бессилия своего перед невидимым и могущественным врагом разъедало его изнутри. Горячего лета, когда он катался верхами с барышней и пил пиво в Биржевом ресторане, казалось, не было никогда.

За лето и осень Алексей очень сдружился с Таубе. У него никогда еще не было такого понимания со сверстниками. Благово – учитель, Буффало – хоть и товарищ, но тоже на десять лет старше его. Виктор же знал, умел и понимал то, что было недоступно Алексею, но оставался при этом славным человеком и надежным другом.

Неожиданно осенью между ними всталая Ольга Климова. Алексей познакомил ее с бароном в театре. Стройный и красивый, с загадочными грустными глазами, Таубе выглядел рядом с атлетически сложенным Лыковым как прованский менестрель рядом с ландскнехтом. И Ольга не выдержала испытания. Алексей впервые увидел убийственную силу обаяния барона, и загрустил. Измена! Измена...

Сначала ему было нестерпимо обидно. Он хотел сказать им: ладно, будьте счастливы, не стану вам мешать. Потом Алексей решил все-таки поговорить с Виктором: понимает ли он, что делает? Два дня не решался начать этот разговор, а на третий ротмистр сам его начал. И спросил, как ему поступить. Он не был ни монахом, ни бабником. У него есть две женщины – одна в Петербурге, одна в Варшаве. Барон любил обеих одновременно, и обе они отвечали ему взаимностью. Когда Таубе заговорил о них, глаза его светились, он описывал своих женщин почти стихами. Никто другой не был ему нужен, он едва заметил Ольгу и менее всего хотелссориться из-за нее с Алексеем.

Лыков еще день помучался, подулся, затем они с бароном крепко выпили и закрыли этот вопрос.

Ольга ничего этого не знала. Светскую равнодушную любезность

барона она приняла за симпатию и решила, что разожжет в нем высокое чувство. Она ведь так хороша и умна. За нее будут соперничать уже двое незаурядных мужчин! А она будет выбирать, а уж когда выберет, зальет избранника счастьем... Аньотка с Машей умирали от зависти и требовали подробностей: как посмотрел барон? Что сказал сыщик? Вечером на кухне Ольга спросила у маминьки:

— Скажи — хорошо звучит: «баронесса Таубе»?

Титул, пусть даже и баронский, кружил голову и играл немалую роль в ее планах.

Кончилось все быстро и неожиданно. Ротмистр заехал однажды утром, вывел барышню на прогулку на Откос и там объяснил ей все: и про Варшаву с Петербургом, и про свой несносный характер. Объяснение было вежливым, но безапелляционным. Барон был холоден как сталь. Ольга сразу поняла, что она — размечтавшаяся девочка-дурочка, и баронессой ей не стать никогда. Надо было удержать хотя бы Лыкова! Она написала ему очень тонкое и душевное письмо. Алексей ответил так, как будто ничего эдакого и не произошло, но просто перестал появляться в ее жизни. Ярмарка уже давно отшумела, вечера стали свободнее, но титулярный советник начисто забыл дом на Большой Печерской. Маша и Аньотка втайне злорадствовали.

В ноябре, когда выпали и растаяли первые два снега, барона вызвали в Петербург. Вернулся он через неделю с рукой на перевязи. Рассказал по секрету Лыкову и Благово, что его привлекали к аресту австро-венгерского резидента в Киеве графа Нештвади, знаменитого стрелка и фехтовальщика. Чтобы взять его вместе с уликами, с украденными секретными документами и кодами, решено было арестовать графа непосредственно при переходе через границу.

— Дали мне в помощь штабс-капитана пограничной стражи Одинцова со взводом стрелков. Типаж отличный, самый что ни на есть русский: этакий капитан Тушин из сочинения графа Толстого «Война и мир». Слегка затурканный, вполне заурядный, но честный и службу свою знает. Я петушусь, говорю, что троих-то я уж как-нибудь и без их помощи повяжу; он со всем соглашается и делает по-своему. Как потом выясняется, не зря...

Ну вот. Когда Нештвади через, как он думал, пустой кордон начал переходить в Галицию, я вышел из засады и предложил ему сдаться по-хорошему. Для вправления мозгов сразу отстрелил конечности двум его агентам, с двадцати саженей. Обрисовал, так сказать, перспективы... И тут вдруг за моей спиной крики, топот, и из-за леса несется на меня с той стороны взвод мадьярских гусар! Представляете? Мы ошиблись насчет

графа; он вез слишком важные документы. Нештвади, как потом выяснилось, купил делопроизводителя в штабе Киевского военного округа, и тот доставил ему мобилизационный план и план развертывания. И ради спасения таких бумаг австрийки решились на вооруженное вторжение на российскую территорию. Двенадцать всадников – и я, с шестизарядной пукалкой. Вот тогда я испугался, что граф меня пройдет...

И тут вдруг, как чертик из коробочки, высакивает из куста Одинцов. Весь укрытый ветками, чистый леший. И кричит:

– Ребята! Целься в конь! Пли!

Из того же куста раздается залп, и из двенадцати гусаров шесть тут же падают на землю. Ругаясь, все шестеро встают и, хромая и охая, улепетывают назад, в свою проклятую Австро-Венгрию. Стрелки били только коней! Я пытаюсь уложить хоть кого-нибудь из них, а Одинцов хватает меня за руку и отводит револьвер! Не надо, говорит, барон, и так уже бегут; они люди подневольные, не берите грех на душу... Я удивился – и не взял.

– А пулю как же словил? – полюбопытствовал Лыков.

– Как-как? По дурости, как их еще ловят! Пока мы с гусарами воевали – про Нештвади забыли. Вдруг я чувствую зуд под левой лопatkой. Ясное дело – взяли на мушку... Прыгнул рыбкой в траву, но вот, все-таки зацепили.

– И что Нештвади?

– А... Он теперь и не стрелок, и не фехтовальщик. Не люблю я, когда мне в спину стреляют; отстрелил ему пальцы...

Только в декабре владыка принял иконостасы, стали ждать государя. Прождали все Рождество, Новый год, минуло Крещенье – тот все не ехал. Объявили новогодние награды. Благово, ожидавший станиславскую ленту, не получил ничего; Лыкову вышел годовой оклад за Зембовичей и Тунгуса. Наконец, из столицы назначили дату визита его величества – 10 февраля. Тут-то и пошли убийства эффенбаховских агентов в Москве. Благово понял – началась непосредственная подготовка к покушению. Надо было найти нижегородскую квартиру Сашки-Цирюльника, но именно это и не получалось...

Лыков заметил, что Благово смотрит на часы уже второй раз. Что-то еще тревожило его начальника. Что же?

Алексей не знал, что сегодня утром в кабинет начальника сыскной полиции ввалился вальяжный мужчина в бобровой шинели, сметая на пути секретаря. Благово с неудовольствием поднял глаза от бумаг и встал навстречу навязчивому посетителю. Неожиданно тот разверз бобровые

объятья и сказал:

– Пашка! Совсем зазнался, барбос, отгородился от друзей секретарями!

– Батюшки святы! – ахнул Благово. – Ваня!

Это был его приятель еще по губернской гимназии, Иван Енгалычев. В отличие от Павла Афанасьевича, он пошел «по кавалерии», и к моменту отставки друга из флота был поручиком. Они не видались с шестьдесят второго года.

– Экого ты, Иван, бобра-то начепил. Я думал, ты уже полковник, в генералы целишь, а ты штафирка?

Енгалычев уселся в кресло, не снимая шубы, и ждал, пока уйдет секретарь Благово. Когда они остались вдвоем, стер с лица дурацкую улыбку и теперь смотрел серьезно и значительно. Сыщик понял, что предстоит важный разговор.

– Ты у нас, Паша, времени зря не терял. Семь лет без дела проболтался, а, глядь, уж статский советник. Два Владимира имеешь, и на станиславскую ленту представление лежит.

– Так лежит все-таки? А ведь не дали к Рождеству!

– Лежит, сам видел. К Пасхе получишь. А в бобрах да с глупой рожей – это я так, для маскировки. Ты угадал: я Генерального штаба полковник и к той же Пасхе стану генералом. Я управляющий канцелярией Военно-Ученого комитета при Военном министерстве.

– Военно-Ученый комитет? Это что за зверь? Воруете на западе военные книжки и пересказываете их своими словами министру?

Енгалычев улыбнулся, но одними губами:

– Есть и такое, но бывает и поинтереснее. Военно-Ученый комитет, мой милый – это русская военная разведка. Возглавляет его генерал-адъютант Обручев, «русский Мольтке». Очень скоро, я надеюсь, он станет начальником Главного штаба.

– Военная разведка… Понятно. Тебя интересует Таубе?

– Меня интересуешь ты. Сегодня вечером, ровно в девять, я к тебе приду. Надо поговорить. Будь, пожалуйста, один, без этого твоего костолома Лыкова.

И загадочный полковник в бобрах ушел. А Благово проанализировал разговор и понял, что ничего хорошего он сегодня вечером от друга детства не услышит.

Поэтому без четверти девять Павел Афанасьевич выгнал своего помощника домой отсыпаться. Сам разложил на угловом столике хурму, поставил бутылку «Мартеля» и две рюмки и принялся ждать.

Глава 11

Благово выводят из игры

Губернаторский дом в кремле.

Ровно в девять Енгалычев, в той же шубе, ввалился в кабинет, сбросил меха и первым делом махнул с морозу рюмку коньяку.

– Эх, Паша, тут у вас и холодно. Б-р-р! Выпей и ты, иначе можем не совпасть в оценке ситуации.

Это было сказано таким начальственным тоном, что Благово безропотно подчинился. Однокашники уселись «визави»; два умных человека внимательно посмотрели друг другу в глаза.

– Ты знаешь, Павел, что государь женился?

Статский советник ожидал любого начала разговора, только не такого.

– Как это женился? Он же овдовел меньше года назад. Императрица

Мария Александровна умерла... в апреле!

– Точно так. А в мае он женился.

– Не понял, – развелся Благово, хотя обещал себе оставаться хладнокровным, что бы ни услышал. – Раньше, чем через год нельзя. Не по-христиански!

– Какой там на хрен год! Он сорок-то дней еле-еле дотерпел. Обвенчался уже в мае, причем тайно, даже дети не знали. Присутствовали лишь Лорис-Меликов и Адлерберг.

Благово машинально налил себе еще рюмку и выпил. Енгалычев смотрел на него с грустной понимающей улыбкой.

– А что наследник? – спросил после паузы статский советник. – Как он к этому отнесся?

– А как, ты думаешь, к этому можно отнести? Государь после свадьбы сразу уехал с молодой женой в Крым и вызвал туда наследника, хотел их примирить. Но у этой... особы, скажем так, хватило бес tactности тут же занять покой умершей императрицы! Поэтому все лето император обедал или с ней, или с сыном, и никогда вместе. И слушал от нее бесконечные гадости про наследника престола. Боже мой, какие веревки она вьет из государя! А ведь он старше ее на тридцать лет!

Благово, как и все в империи, слышал кое-что про Екатерину Михайловну Долгорукую, страстную любовь государя на протяжении вот уже полутора десятилетий. Он познакомился с ней, тогда юной сиротой-смолянкой, в 1866 году. Только что по всей империи шумно отметили серебряную свадьбу императорской четы. Императрица часто болела, измученная бесконечными родами и смертью любимого сына Николая. Муж давно уже охладел к ней, часто менял любовниц, но после знакомства с семнадцатилетней княжной все переменилось. Это была страсть на всю оставшуюся жизнь, страсть, при которой теряют голову, забывают приличия, забрасывают все прочие привязанности. Император стал открыто жить с Долгорукой, бросив больную жену страдать в Зимнем дворце в полном одиночестве. Двор понял желание государя, и несчастная женщина как бы умерла для всех.

– Расскажи мне о ней. Говорят, у них есть дети?

– Да, мальчик и две девочки. Еще один сын умер.

– Так есть и мальчик? – насторожился Благово.

– Вот видишь, ты все понимаешь. Есть мальчик, Георгий. Ему сейчас восемь лет. Отец от него без ума. Он издал указ, и теперь Долгорукая не Долгорукая, а княгиня Юрьевская. Сказать, что государь попал под ее влияние, значит не сказать ничего. Он устал от своих великих реформ,

забросил государственные дела и подписывает не глядя все, что ему подсовывают Лорис с Юрьевской. Она полностью прибрала его к рукам. Влияет на награждения и назначения, теперь полезла уже во внешнюю политику, раздает концессии... Она потеряла всякое чувство меры, сделав из своего влияния на мужа-самодержца высокодоходное ремесло!

– Что ты имеешь в виду? – жестко спросил Благово.

– Я имею в виду, мой милый, что княгиня Юрьевская берет огромные взятки за решение всяких темных дел напрямую у государя. Минуя правительство, Государственный совет и прочие инстанции, могущие следить за законностью решений. Княгиня проводит на высокие должности проходимцев, которых не приняли бы на службу даже квартальными надзирателями. А сейчас ее протекцией пользуются уже и австро-германские шпионы.

– Подожди, давай еще раз. Я как-то не очень сообразил... Жена русского императора берет взятки за использование своего влияния на мужа? Они же, решают государственные дела в алькове?

– Этого я не знаю. Может быть, поутру за чаем. Сейчас все важнейшие назначения в империи, все раздачи концессий, подрядов, вопросы амнистии преступников, даже назначения послов – решает эта потерявшая совесть женщина. Она торгует – понимаешь! Торгует правом петь в уши императору. Есть такса, все ее знают. Министры, которые погибче станом, лебезят перед ней. Хитрый армянин Лорис, взяточник Маков, умный Валуев! Знаешь, почему Маков остался министром? Даже жалованье не уменьшили, оставили специальным секретным указом те же двадцать две тысячи... Потому что он облизывает Юрьевскую ежедневно. А сейчас, как почтовый министр, таскает ей выдержки из перлюстрированных писем. Они их на пару подправляют, в нужном им духе, чтобы опорочить тех, кто еще честен и не желает мараться вместе с ними. Затем Юрьевская показывает это государю, и тот подвергает этих честных людей опале. Так им и манипулируют!

У Благово вдруг заболело сердце. А Енгалычев продолжал с горечью:

– Ты не представляешь, Паша, что сейчас творится в Петербурге. Проходимцы и авантюристы всех мастей осаждают княгиню Юрьевскую, ее горничных и лакеев. У лакеев есть своя такса! Она имеется даже у кучера! Образован целый преступный притон, каждая мелкая шавка в котором становится богатой за неделю... Через княгиню делаются огромные состояния. Помнишь историю со снабжением нашей армии в последнюю войну?

– Да, там была какая-то афера. Кажется, все снабжение на оба театра –

и Балканского, и Кавказского – было отдано на откуп одной компании, которая очень плохо справлялась со своими обязанностями. Лыков еще говорил про гнилое сукно...

– Мягко формулируешь, Паша. Не очень плохо, а ужасно, отвратительно снабжалась русская армия. И гнилое сукно, и сапоги с картонными подошвами, и мука с червями. Причем все это дерымо поставлялось по ценам втрое выше, чем на рынке! Компания нажила на поставках просто фантастические деньги. Но когда война закончилась, казна еще оставалась должна ей несколько миллионов рублей. Жалобы на дурные поставки были уже столь многочисленны, что Военное министерство отказалось платить хотя бы эту, заключительную сумму долга. И тогда наши концессионеры пошли – куда? Правильно, к княгине Юрьевской. Дали ей мильен – и получили пять мильенов! Их фамилии известны всем: Варшавский, Грегер, Горвиц и Коген.

Полковник вдруг не выдержал и трахнул кулаком по столу так, что и рюмки, и хурма полетели на пол.

– Понимаешь, Паша! Мы потеряли убитыми и искалеченными двести тысяч наших русских людей. Наплодили славянских государств, которые сейчас в благодарность гадят нам на голову. Ты бы видел, как болгары продавали за деньги воду нашим умирающим раненым! Война стоила России миллиард золотом; бюджет расстроен донельзя. Одних процентов по займам Россия платит международным ростовщикам пятьдесят миллионов в год! Это же удавка на шее всего народа! А тут... Кому война, а кому мать родна. За эту тухлую солонину...

Благово вдруг увидел, что по щеке полковник а ползет слеза.

– Сколько народу... сколько народу, Паша, там осталось! Я ведь был там, жрал эту солонину, ругал интендантскую сволочь... Мы в Генеральном штабе провели потом внутреннее секретное расследование и решили хоть эти последние деньги тем тварям не платить. Но они договорились с этой сучкой и получили свои ворованные деньги до единой полушки!

Повисла тягостная пауза; Енгалычев ползал по полу и собирая рюмки. Потом уселся в кресло, мрачно посмотрел на однокашника.

– Это, Паша, друг мой, еще не все. Это еще не самое страшное. Самое страшное в том состоит, что сейчас некто Филиппов, тайный советник и товарищ государственного контролера, едет в Москву. Ему поручено найти в тамошних архивах материалы о короновании Петром Великим своей второй жены Екатерины, которая, как известно, была далеко не царских кровей. Понимаешь, к чему клонится дело?

– Он хочет сделать Долгорукую-Юрьевскую императрицей?

– Да. И эта прожженная интриганка и взяточница взойдет на русский престол, ведя под руку ничего уже не соображающего императора. Представляешь, что начнется тогда, если уже сейчас она творит такое...

– А как же наследник, великий князь Александр Александрович?

– Какой там к черту наследник! Наследником сделают восьмилетнего Георгия. И на Руси воцарится власть юрьевских и ее компаний когенов.

– Это невозможно! Александр – его старший сын, и его готовили занять трон после отца!

– Ты не понимаешь. Это не нужно княгине Юрьевской. А то, что не нужно княгине, в России не делается. Власть Юрьевской над императором безгранична. Повторяю: без-гра-нич-на! Он делает все, о чем она его просит.

Снова повисло тяжелое молчание. Потом Енгалычев как-то по-особенному откашлялся и понизил голос.

– Есть только один способ остановить это безумие. Ты понимаешь, что я имею в виду.

– Как не понять. Капитан Кох поэтому так плохо оберегает императора? А Таубе? Ведь он же один из ваших!

– Карл-Юлиус Иванович Кох – просто немец, очень любящий деньги. С ним легко столковаться. А вот ротмистр Таубе – наш лучший оперативник, любимец военной разведки. Этот человек может творить чудеса. Мы решили внедрить его в охрану императора, думая, что он останется управляем. Когда ротмистр в Лхасе, защищаясь, застрелил двух британских офицеров, мы это использовали. И... несколько преувеличили размеры грозного британского гнева. Чихать мы хотели на их гнев. Но так было нужно. Барону предложили года на три исчезнуть, заняться пока проблемами внутренней безопасности. Вот, хоть бы охраной государя...

– И как же он отвязался с вашей привязи? Любимец-то...

– Барон слишком сблизился с государем, пока занимался с ним всеми этими увертками, обманными фильтрами, словом, искусством выживать. Обаяние императора общеизвестно. Барон не устоял, как и многие до него. Как тот же Косаговский, что вербовал твоего помощника. Косаговский честно выполняет свой долг слуги государя; ему не объяснишь того, что я пытаюсь объяснить тебе... А хитрый азиат Лорис все понимает и использует старика. Это ведь именно он подсказал Юрьевской идею с коронацией!

– Понятно. Скажи мне еще: вы – это кто? Секретные службы? Или еще часть обиженных придворных? Или там имеются и великие князья, а то и сам наследник?

– Мы – это та часть русских людей, которой важнее не ордена и свитские аксельбанты, а судьбы России. Которая устала смотреть на весь этот моральный разврат, воцарившийся вокруг престола. Мы не станем дожидаться чуда, а начнем действовать. Если тебя интересуют имена руководителей нашего...

– Заговора.

– Не паясничай, ради Бога! Не заговора! А хоть бы и заговора – но в пользу России. Так вот... Мы – это генералы и офицеры, которые воевали на последней войне под командой наследника. Могу тебя успокоить – сам наследник не осведомлен о наиболее... э-э... радикальной части наших планов.

– Да ладно, Иван, не держи меня за дурака. Александр Первый тоже, якобы, не знал о намерении заговорщиков убить Павла Петровича. Он просто молча страдал за судьбы Родины! Но убийство родного отца было в его интересах, и еще в интересах многих других людей. И эти люди прочитали его бесхитростные мысли и сделали за него всю грязную работу.

– Но это спасло Россию и возвело на престол великого государя! Я тебя уверяю – этот будет таким же. С ним, будущим императором Александром Третьим, наша несчастная Родина вернет себе былые могущество и славу, а также достигнет новых высот! Россия встанет в первый ряд государств-властителей мирового порядка, поддержит клонящееся вниз знамя православия! Европа будет смотреть на нас со страхом и уважением, искать нашей дружбы. Поверь мне, я знаю что говорю. Я очень осведомленный человек, и кроме того, воюя под командой наследника в Рущукском отряде, много месяцев наблюдал его вблизи. Это великий деятель. Человек чести. И очень, очень озабоченный судьбой России.

– Хорошо. Что вы хотите? Для чего весь этот разговор?

– Отойди в сторону. Не мешай свершиться тому, что пойдет на пользу стране. Вы не должны найти Сашку-Цирюльника!

– Иван! Как можно говорить о великих целях и использовать для их достижения таких негодяев, как Блоха с Сашкой-Цирюльником! Это какие же цели можно оправдать такими методами?

– Паша, то, что ты говоришь – чистоплюйство в голом виде! Я хоть с самим чертом сторгуюсь, если это нужно для моей страны, не то что с каким-то там Блохой. Блоху эту мы выведем за двадцать четыре часа, когда установим правильный порядок вещей.

– Ты все твердишь о великих целях, о нуждах России. Объяснись, что ты под этим понимаешь. Тебе нужны Проливы под русским флагом? Или

тебе мила роль европейского жандарма, создавшая России столько врагов в царствование Николая Павловича? Не лучше ли заняться старыми домашними проблемами: уменьшить неграмотность народа, довести до конца земельную и судебную реформы, начать осторожно готовить страну к конституционной форме правления?

– Я хочу увидеть Россию страной богатой, могучей, сплоченной вокруг самодержавного трона. Возможно, для тебя, Павел, это всего лишь набор банальностей, но я верю в особый русский путь. Мы не Европа, мы и не Азия; мы – особенные и всегда были такими! В какую клоаку духовного разложения завел Европу их хваленый парламентаризм – не мне тебе объяснять. У каждого там в глазах по золотому франку – и больше ничего: ни мысли, ни чувства, ни веры. Почитай Гоголя, Достоевского, Тургенева – они все живали в европах, а любили Россию. Неграмотность, кстати, тоже наша самобытная черта...

– Иван! Все же вдумайся: убить помазанника Божия, и как? Руками выродка Блохи! Ты что, с ним встречался? Вы вот так вот сели и договорились?

– Его нашли без нас другие враги императора. В октябре прошлого года мы, военная разведка, решили вмешаться в борьбу Третьего отделения с «Народной волей». Там же одни дармоеды, жирующие на секретные фонды... И очень быстро арестовали Александра Михайлова. Это мозг всей организации, выдающийся ум. Именно он сделал партию террористов такой неуловимой и всесильной. Кличка у него была – «Дворник». В том смысле, что он за всеми следил, всех контролировал, подчищал их огрехи. Когда Михайлов понял, что наши и его интересы в отношении одного лица совпадают, он стал с нами сотрудничать. Нет, он никого не выдал – не такой человек, фанатик чистой пробы. Но про Блоху рассказала. К сожалению, это стало известно также департаменту полиции исполнительной – не о нашей роли, а, к счастью, только лишь о готовящемся покушении... Так в это дело втянули тебя. Павел! Ты мой друг, я дорожу тобою. Но есть вещи важнее, чем отношения между людьми. Отойди! Оттащи Лыкова, а барона мы сами уберем. Я должен тебя предупредить: если ты откажешься, с тобой случится несчастье. Слишком важные вещи поставлены на карту! Слишком много я тебе рассказал. Я тебя прошу – отойди в сторону. Не вынуждай меня причинить тебе зло.

Благово си дел мрачный, у него болело сердце и стучало в висках. Как быть? Он не знал...

– Паша! Я сейчас ухожу. Все понимаю: присяга, честь дворянина. Хотя я ведь с тобой в одну Бархатную книгу вписан... Ты должен все обдумать.

Если до десяти часов утра завтра я не получу твоего согласия, то... Найдешь меня в гостинице Молоткова... если захочешь. Прощай!

Полковник Енгалычев ушел, ступая твердо и уверенно. Статский советник Благово остался. Как быть? Что важнее: присяга государю, который, как человек, может заблуждаться, или благо страны? Почти целую ночь начальник сыскной полиции искал ответа на этот вопрос. О безобразиях, творимых в столице, он слышал и раньше. Тороплива я, не по православным канонам, женитьба государя возмущала его, но это, в конце концов, личное дело христианина. За это с Александра Николаевича Романова спросят в другом месте... Вот коронация развращенной княгини Юрьевской при покорном ей, безвольном императоре – уже возмущала столбового дворянина и монархиста Благово. Но что из этого следует? Что надо дать убить человека, которому присягал двадцать пять лет назад еще гардемарином? Человека, который при своей поразительной нерешительности сделал, всем на удивление, больше для оздоровления России, чем его отец, дед и прадед, вместе взятые? Может быть, сам того не желая...

Потом Благово подумал о Лыкове. Ладно, он уже пожил – сорок четыре года скоро! Дадут ему по башке... Если Ванька пожалеет друга детства – велит стукнуть не до смерти. Там, наверное, умеют. А Лыков? Он же будет землю рыть, искать, кто посягнул на лысину учителя. А поскольку парень не без таланта, может что-нибудь и накопать. Как они его остановят? Такого надо аккуратно тормозить, а то костей не соберут... Но статский советник быстро себя успокоил. Без него Лыков Сашку-Цирюльника не найдет. С ним-то не получается... Лыков сам по себе Енгалычеву не опасен, и потому его не тронут. Да и никогда будет Алексею искать покусителей на любимого начальника – ему надо будет царя защищать!

С таким сумбуром в голове Благово под утро заснул. Проснулся поздно – подчиненные, зная, как он устал за эти дни, решили его не будить. Глянул на часы и вскочил как ошпаренный: половина десятого; через час доклад губернатору! О том, что будет через полчаса, Благово убедил себя не думать. Просто надо держаться присяги. А вечером он решит, говорить ли Лыкову о разговоре с другом детства, и если говорить, то что именно.

В двадцать минут одиннадцатого, выбритый и согретый кофеем, статский советник сходил с крыльца полицейского управления. До губернаторского дворца пять минут ходу. Метель утихла, голову не мешало проветрить. Благово понимал, что в битком набитом полицейским кремле его не тронут; вот вечером по пути домой надо осторечься. Убили же в

прошлом году Тимофеева, да упокой Господи его душу, прямо на квартире Павла Афанасьевича...

У подъезда торопливо сдернул треух вчерашний замызганный мужичонка. За брата что-то просит, вспомнил Благово. Надо посмотреть и, может быть, помочь, пока военно-ученые комитетчики голову не проломили.

– Что у тебя?

– Ваше высокородие! Брат у меня седьмой месяц сидит под следствием! Жена его, змеина, у катала. Одумалась она давеча, дура толстомясая, изменила показание. Явите Божеску милость, ваше высокородие!

– Одумалась... Поди, топор ей показал, она и одумалась!

Благово встал спиной к ветру и принялся разбирать каракули на поданном прошении. Вдруг что-то словно укололо его. Статский советник посмотрел еще раз на просителя и удивился: какой же это мужик? Смотрит умно и даже чуть-чуть свысока, и лицо совсем другое, чем секунду назад.

– Извините, Павел Афанасьевич, – сказал проситель и махнул рукой. Солнце с февральского неба стремительно скатилось вниз и сильно ударило Благово в темечко. Все покачнулось, потом закружилось, потом погасло...

Глава 12

Бугров

Вид на слияние Оки и Волги от кремлевской стены.

Таубе прибежал из гостиницы без шинели, прямо в мундирном сюртуке, и успел увидеть, как Благово грузят в сани, чтобы везти в Мартыновскую больницу. Доктор Милотворжский сидел около раненого и сосредоточенно считал пульс. Благово был без сознания, на бледном лице проступали плохо замытые пятна крови. Лыков, сам не свой, тоже без шапки и шубы, бегал вокруг саней и всем мешал. Каргер пытался успокоить его, но Алексей, кажется, плохо понимал, что ему говорят.

– Тихо все! – неожиданно гаркнул Милотворжский, и вокруг наступила мертвая тишина. Прошла минута, и доктор снял пальцы с запястья статского советника.

– Странный удар, – покачал он головой. – Очень сильный – пробил соболью шапку. И в то же время рана не опасна я, череп цел; возможно сотрясение мозга... Как будто не хотели очень вредить... Но дней десять в постели Павел Афанасьевич пролежит. А то и месяц...

Лыков сразу обмяк и сел на передок саней. Потом до него все же дошло, что полицмейстер стоит, и он вскочил как ужаленный.

— Действительно, странный удар, — задумчиво сказал из-за его плеча барон Таубе. — Немцы называют его «линкс-рауш». Сотрясение мозга средней степени тяжести, без пролома черепа. На четыре-шесть дней вырубается левое полушарие, отвечающее за память. Не думал, что хитрованские бояки владеют техникой временного обездвижения...

Лыков посмотрел на него, потом обошел, как столб, и поплелся к манежу. Таубе хотел было идти следом, но Каргер удержал его: пусть придет в себя, не мешай ему.

Алексей спустился от манежа к кремлевской стене, в маленькую калитку вышел наружу, к подошве Ильинской башни. Тут было его любимое место в городе. Внизу, в конце крутого обрыва, примостилась Казанская церковь, напротив, на соседнем холме, горели купола Ильи-Пророка. Вдали сливались Ока с Волгой; две белых реки окаймляли Стрелку с уснувшей на зиму великой ярмаркой. Красная глыба Александро-Невского собора даже отсюда поражала своим величием.

Постояв и посмотрев на свой город, Алексей немного успокоился. Так, что мы имеем, спросил он сам себя. Государь прибудет через шесть дней. Павел Афанасьевич выздоровеет только через десять. Ему придется найти цареубийца в одиночку. А это невозможно.

Стоп. Еще раз. Невозможно. Он, Лыков, здоровый, плечистый парень. Подковы ломает, как баранки. За год работы под руководством Благово ничему не научился. Все думал, успеется... Дурак. Сволочь. Через шесть дней из-за его бездарности и лени убьют государя.

Алексей обтер лицо снегом. Ему ведь всего двадцать три года... Он временно исправляет должность начальника сыскной полиции, не будучи даже его помощником, а лишь исправляющим должность этого самого помощника. Дважды исправляющий! Никто и не ждет от него, что он сделает то, что не могут сделать все охранительные силы империи. И потом, за безопасность императора отвечает полицмейстер Каргер; с него и спросят! Сопливый титулярный советник не будет даже замечен — кого он интересует...

Тут же после этих мыслей Лыкову стало стыдно. Нашел, за кого спрятаться! Каргер, при всей своей опытности, не мог поймать Сашку-Цирюльника. Тут нужны не городовые и квартальные надзиратели, тут нужны осведомители. Нужен кто-то, знающий тайную жизнь Нижнего Новгорода. Ощущающий незримые связи, видящий насквозь эти серые дома с их людышками... Кто это может быть? Влиятельный местный бандит. Но с Блохой никто из уголовных связываться не станет. Архиепископ Макарий? Он многое знает из того, что неведомо

официальной власти; у него своя сеть осведомителей. Но он не успеет – церковная система неповоротлива, пока его команда дойдет до паствы, может случиться непоправимое.

Взгляд Лыкова рассеянно скользил по Нижнему базару. В полугоре над церковью Иоана Предтечи на Торгу каменщики выкладывали стены обширного строения. Какой-то щуплый старичок махал руками, видимо, давал указания. Лыков узнал старичка и вспомнил, что там строят. Александр Петрович Бугров приехал посмотреть, как идет строительство ночлежного дома, подаренного им городу. И тут его осенило. Бугровы! Вот кто знает все, что делается в Нижнем! Особенно сын этого старичка, Николай Александрович. Он тайный руководитель губернской общины беглопоповцев – разновидности староверов так называемого австрийского согласия. Все керженские скиты под ним. Николай Бугров известен своим влиянием, крутым нравом и – богобоязненностью. Если кто сейчас и в состоянии помочь Лыкову, так это он.

Алексей, рискуя сломать себе шею, спустился вниз по убогой тропинке и представился Бугрову-старшему. Они встречались дважды у губернатора. На всякий случай Лыков протянул старику свое запаянное в стекло удостоверение, но миллионер отвел его желтой болезненной рукой.

– Не надо, я помню вас, господин Лыков. Что у вас за нужда?

– Только что ранен статский советник Благово, начальник сыскной полиции...

Бугров перекрестился, сотворил молитву за спасение души христианской и внимательно поглядел на Алексея из-под выщетших бровей.

– Я остался за него. Есть важнейший вопрос, дающий мне смелость обременять вас. К нам в Нижний приезжает государь. В общем... мне нужна ваша помощь в получении сведений о людях, которые замышляют злодейство.

Александр Петрович задумался, рассеянно глядя вокруг себя. Потом сказал:

– Этот вопрос не ко мне. Я лесом занимаюсь. Вот ежели что по лесной части – пожалуйста. А то, что надобно вам – это к Николаю. У меня внизу возок, давайте спустимся и проедем к нам. Сын сейчас дома и вас примет, я ему велю.

Через пять минут, волнуясь (прав ли он, вынося сор из избы?), Лыков входил в родовой особняк Бугровых в Троицком переулке. Александр Петрович оставил его в скромно обставленной гостиной, а сам ушел переговорить с сыном.

Алексей осмотрелся. Странно! Бугровы – самые богатые люди в Нижнем и одни из богатейших в России, а дом у них не роскошен, даже тесноват. Половики на полу, фикус, на стене в рамке – портрет сурowego старика. Видимо, это Петр Егорович, основатель знаменитого рода. Крестьянин-старовер из Семеновского уезда, бурлак и продавец валенок создал мощную мукомольную империю. Прославился своей честностью и редкой способностью входить в нужды простого люда. Сын с внуком уже не такие, но благотворительность у них настоящая, не показная; тут они пошли в деда.

Из угловой двери вышла очень красивая девушка, в строгом сером платке до бровей и таком же строгом платье, поклонилась, глядя в пол:

– Пожалуйте, вас ждут.

Лыков пошел за ней через анфиладу из четырех безвкусно обставленных комнат и в пятой увидел, наконец, Николая Александровича Бугрова. Высокий, широкоплечий – не чета отцу. Седая борода, коротко обстриженные волосы расчесаны на пробор. Властные, холодные и умные глаза ярко-зеленого цвета. Нижняя губа выпячена, как у негра. На вид – лет сорок. И морелевские уши^[19] – если верить судебной медицине, признак вырождения.

Бугров-младший жестом пригласил Лыкова сесть и сам устроился напротив. На столе стояли две чашки с чаем, горкой лежал на блюдце постный разноцветный сахар.

– Извольте чаю со мной отпить, господин Лыков, а за чаем и поговорим.

Алексей с наслаждением отхлебнул, после мороза, душистого чая – тоже ханькоусский! – вежливо помолчал минуту, посмаковал, затем отставил чашку и пытливо взглянул на богатейшего человека Нижнего Новгорода. Интересный типаж Николай Александрович Бугров! Много о нем легенд по городу ходит. Схоронил к тридцати пяти годам трех жен, больше староверу жениться не положено. Детей Бог не дал... И пошел тогда вдовец в загул. Сахар-то он постный ест, а вот на Сейме, где у него мельницы, выстроил уже целый порядок на деревне. Домики все похожи один на другой: в три окна, с разноцветными ставнями. Живут в домиках бывшие бугровские полюбовницы, наскучившие хозяину и выданные затем замуж за бугровских же мастеровых, причем с хорошим приданым. Все тихо, народ доволен, бывшие девушки тоже. Та удивительно красивая девица, что вела давеча Лыкова в эту комнату, тоже, поди, скоро на Сейму поедет, к мужу-мукомолу...

Бугров тоже отставил чашку, сказал, обнаружив мелкие желтые зубы:

– Слышал я о вашей легендарной силе, господин Лыков. Очень мне, как нижегородцу, сие лестно. Опять же, Арсений Морозов о вас хорошо отзывался. Потому, собственно, и принял. Что за нужда?

– К нам едет государь...

– Знаю. Одннадцатого числа будет.

– У него могут возникнуть... нежелательные обстоятельства.

– Могут. Ежели вы Сашку-Цирюльника, Гришку Отребьева и этого... как его? Фроленку к тому времени не отыщете.

Лыков был ошарашен осведомленностью миллионера, но это лишь подтверждало, что он пришел по адресу. Поэтому Алексей, сделав над собой усилие, высказал самое главное:

– Мы не можем найти этих людей. Хотя они здесь, в Нижнем. Через шесть дней приедет государь, и может случиться непоправимое. Мой начальник только что подвергся нападению, он тяжело ранен. Один я не настолько еще опытен, чтобы найти цареубийц. Я вас прошу – помогите! Вы знаете все, что делается в городе, от вас тут нет тайн. Вам ответят на любой вопрос, в отличие, например, от нас. Помогите мне, пожалуйста.

Бугров слушал рассеянно, ковырял пальцем угол стола и посматривал в окно. Алексей поглядел на него и вдруг с ужасом понял, что его собеседнику этот разговор не интересен. Просто – не интересен. Вопрос жизни или смерти государя оставлял Бугрова безучастным!

– Ну, что вам сказать, господин Лыков, – буднично ответил миллионер. – Мое дело – муку молоть. Кому жить, а кому помирать, решать не нам с вами, а Господу Богу.

– Николай Александрович! Но ведь мы говорим с вами о жизни российского самодержца!

– Так что ж! Может, и ему пришла пора держать ответ перед вышним престолом? За женитьбу свою безбожную. За то, что алтари наши на Рогожском кладбище запечатал. До этого даже папаша его не додумался, уж на что тиранил нашего брата-старовера... За реформы свои недоделанные – ведь землю мужику так и не дал! А? Что молчите?

Лыков сначала растерялся. Ему казалось, что спасать жизнь своего государя – обязанность каждого верноподданного, а тут... Но человек, отказывавший ему, был единственным, кто мог помочь. Других не было! Как его убедить? Как заставить его сделать то, что он делать не хочет? Хлопать крыльями, говорить о долге, совести – бесполезно. Чем его сдвинуть, когда он боится только Бога?

– Николай Александрович, – Лыков пытался казаться спокойным, – вы помните, сколько людей погибло при взрыве в Зимнем дворце год назад?

– Нет, – сразу насторожился Бугров. – А сколько?

– Восемь погибло и сорок пять покалечено. А ведь целились как бы вовсе и не в них. А при взрыве царского поезда под Москвой в ноябре семьдесят девятого? Тоже не помните? Более десятка раненых. А теперь представьте себе покушение здесь. Которое исполнять будут такие патентованные душегубы, как Сашка-Цирюльник и Гришка Отребьев... Им чем больше народу, тем лучше. Думаете, они только в царя попадут? Там будут конвойные казаки, чины свиты, наши городовые и сыскные агенты. Богомазы должны в соборе государю представляться... А если это на улице случится, то простые прохожие под пулю попасть могут. Как вы тогда на свой отказ посмотрите? Не тяжеленько будет грех на душе носить? Могли ведь отвратить людские смерти, а не захотели...

Бугров вскочил, подошел к окну и стал нервно барабанить по раме. Лицо свое он от Лыкова прятал. Прошло тягостных тридцать секунд. Когда миллионер обернулся, глаза его, только что равнодушные и насмешливые, горели страшными зелеными огнями и, казалось, прожигали сыщика нас kvозь.

– А вот теперь ты, Лыков, дело сказал! Это я, дурак, возгордился, за судию высшего себя принял. А сам будто безгрешен! Э-эх... Правда твоя, нельзя людышек под пули совать. Они себе тем пропитание добывают, а иные и долгом почтают за государя свою грудь подставить. Нельзя. Этим-то отребьевым все едино, кого валить. Опять же, и то сказать: царь наш многогрешный – тоже человек... Прости меня, Лыков, за гордыню мою неуемную.

– Значит, поможете?

– Помогу, ежели успею. Времени, правда, мало, да ничего. Всех на макушку поставлю! Ты иди. И сам тама будь того... поосторожней. Я тебя найду, как новости б уду т.

И Лыков ушел. Пора было возвращаться в сыскное, оставшееся без начальства. Но сначала он зашел во Вторую почтово-телеграфную контору, что в Блиновском пассаже, и отбил телеграмму Буффало в Москву:

«НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙ (С) ИНСТРУМЕНТАМИ ТЧК
ЛЫКОВ ».

Выходя из конторы, Лыков неожиданно прыгнул в сторону и ухватил за вороты двух мужчин в теплых бекешах, стоявших у тумбы.

– А ну, кто такие? Документы есть?

Он заметил их еще в кремле, когда спускался к ночлежке, а потом

видел возле дома Бугровых. А вот теперь они следят за ним в пассаже.

Мужчины были одинаково рослые и плечистые, подтянутые, как офицеры, и с породистыми лицами. Но Лыкову стало все равно — хоть великие князья! Ему требовалось разобраться в той паутине, что облепила его со всех сторон и не давала дотянуться до цареубийц.

— Полегче, Лыков! — властно прикрикнул тот, что постарше, и попытался вырваться. — Вы за это поплатитесь!

Мгновенно оба в бекешах оказались на весу. Алексей поднял незнакомцев на пол-аршина, держа их за горло, и прижал к стене. Тот, что вырывался, почувствовал стальные пальцы у себя на сонной артерии и тут же притих.

— Я сейчас вас поставлю, и вы очень вежливо предъявите мне все, что потребую. При малейшей попытке заартачиться — сразу в лоб. Бью я сильно.

— Мы знаем, Алексей Николаевич, — примирительно прохрипел второй господин. — Поставьте нас, пожалуйста, мы вам все объясним.

Лыков отпустил их, и мужчины облегченно вздохнули, потирая шеи. Оба вытащили удостоверения агентов дворцовой полиции.

— Мы действительно следили за вами, по поручению нашего начальника. Это обычная практика, тут нечего обижаться. Вопрос безопасности государя настолько важен, что каждое ответственное лицо перепроверяется. Так положено. Ваши рапорты, рапорты Таубе, Каргера, наши донесения — все подлежит перекрестной проверке. Начальнику дворцовой полиции отчитываются даже министры.

— Ладно, — остыл Лыков. — Идите. Я проверю ваши личности по команде.

И уехал, взяв извозчика на бирже около пассажа. А мужчины в бекешах осмотрелись и юркнули в переулок. Там стояла карета на зимнем ходу, с плотными шторами. Мужчины забрались в карету, смущенно смотрели в пол. Внутри их ожидал полковник Енгалычев в неизменных бобрах.

— Как же так, господа! — зло отчитал он своих подчиненных. — Я же вас предупреждал, что он опасен. Когда научитесь работать, а?

— Виноваты, господин полковник, — сказал старший. — Он лучше, чем кажется со стороны. И чудовищно силен. Я тоже, видите ли, ружейные шомполы узлом завязываю, но тут ничего не мог поделать.

— Черт! Идите на почту, изымите телеграмму. Отдадите мне и немедленно уезжайте из города. Он обязательно вас проверит, а память у него феноменальная.

Мужчины козырнули по-военному и вылезли из кареты. Енгалычев озабоченно потер лоб.

– Что же ему нужно от Бугрова? Содействия? Этого только не хватало... Лыков, Лыков, а ты еще опаснее, чем я думал.

Глава 13

Конец Блохи

Окраина Нижнего Новгорода.

Лыков смог увидеться с Каргером только вечером. Когда он рассказал о слежке за собой агентов дворцовой полиции, Николай Густавович очень удивился. И пояснил, что о прибытии своих людей начальник дворцовой стражи обязан уведомить его, полицеимейстера, шифрованной телеграммой в обязательном порядке.

Алексей недоумевал. Люди в бекешах были не из банды Блохи, это ясно. Офицера сразу видно, его ни с кем не спутаешь. Но кто же они тогда? Лыков рассказал о своей встрече в Блиновском пассаже барону. Тот сразу предположил, что это его коллеги из военной разведки. Видимо, их тоже привлек ли к охране государя. То, что всякий офицер – верный слуга и защитник государя, было для них обоих непреложной истиной. Ну а если это не враги, то какая разница, кто они?

Но на всякий случай Форосков вечером послал из Кунавинской почтово-телефонной конторы две телеграммы. Первая, зашифрованная, ушла на имя тайного советника Косаговского: «Благово ранен неизвестным. Приступил к исправлению его обязанностей. Для обеспечения безопасности визита прошу срочно выяснить, состоят ли в кадре дворцовой полиции командированные в Нижний Новгород агенты Петрохицкий и Зимин. Тит. с. Лыков». Вторая телеграмма была адресована Буффало и гласила:

«ПРЕДЫДУЩАЯ ДЕПЕША МОГЛА БЫТЬ ПРОЧИТАНА
ТЧК БУДЬ ОСТОРОЖЕН ЗПТ ВЫЕЗЖАЙ КАК МОЖНО
БЫСТРЕЕ ТЧК Л Ы КОВ ».

Вечером следующего дня, вновь не давшего поимки злоумышленников, Лыков и Таубе сидели в опустевшем кабинете Благово. Было тошно. Спать хотелось, но не получалось; оба пребывали в состоянии затяжного нервного переутомления.

В одиннадцатом часу неожиданно вошел дежурный по управлению и принес записку, только что доставленную неизвестным на имя господина Лыкова. Алексей разорвал конверт и прочел вслух текст, состоящий из одной фразы: «Арзамасская улица, дом Сонцева, флигель во дворе». И подпись: НБ – Николай Бугров.

– Ай да Николай Александрович! – восхищенно воскликнул Алексей, выгребая из ящика стола патроны к «бульдогу». – За один день управился! Жалко, Буффало еще не приехал, ну да ладно, обойдемся без женатика. Поехали!

Таубе с любопытством наблюдал за приятелем. Только что был кислый... Действительно, засиделись они, перенервничали. Как хорошо теперь в бой ввязаться! Ежели повезет, так и накроют сейчас всю троицу. Посмотрим, насколько они хороши в деле... В себе барон был уверен.

– Кого с собой берем? – спросил он ради смеха. Титулярный советник только хихикнул в ответ. Кое-как растолкали заспанного кучера, сели в дежурные пошевни и уехали в ночь.

Арзамасская улица находится на краю города; под острым углом она соединяет Монастырскую площадь с улицами Полевой и Ильинской. Строение на ней самое заурядное. Дом Сонцева стоял почти на площади, по правую руку. Лыков остановил пошевни за шесть домов от него, и они с Таубе осторожно двинулись дальше пешком. Барон, оказывается, видел в темноте как кошка. Через двадцать шагов он толкнул Алексея в бок:

– В подворотне кто-то стоит.

Они продолжали идти. Поравнялись с бородатым мужиком, который, не сходя с места, молча смотрел на них разбойническим взглядом. Неожиданно он произнес негромко:

– От Николая Александровича привет.

– Ты от Бугрова? – обрадовался Алексей. – Караульщики у них есть?

– Были, да сплыли, – ухмыльнулся бородач. – Но через полчаса у них смена, так что поспешайте. В доме их человек шесть. Еще трое недавно ушли куда-то с вещами. По Крутиковской улице стоит ихний возок с кучером; кучер от лошадей не отходит. Справитесь вдвоем-то? Может, подсобить?

– Нет уж, хватит и того, что вы уже сделали. Спасибо тебе большое, земляк, не знаю, как тебя величать! Николаю Александровичу низкий поклон.

Мужик с достоинством поклонился и не спеша ушел. Лыков с Таубе, уже не таясь, добежали до нужного дома и прокрались во двор. Там никого не было, ни собак, ни сторожей, но возле забора барон усмотрел вмятину от упавшего тела – все, что осталось от караульщика.

Таубе вынул «смит-вессон» с удлиненным стволом (восемь с половиной дюймов, специальный заказ), взвел курок и прошептал:

– Боже, прошу тебя, сделай так, чтобы ушедшие отсюда были не они! Ну что тебе стоит?

В окнах флигеля горел тусклый свет. Лыков и Таубе бесшумно вошли в незапертые сени и остановились перед kleenчатой дверью. Алексей встал с правой стороны, прислушался; изнутри не доносилось ни звука. Сердце у него билось как бешеное... Таубе тоже прислушивался, потом коснулся зачем-то ладонью левого виска и замер так, словно задумался. Неожиданно он схватил Лыкова за рукав и сильно дернул на себя. От неожиданности Алексей не устоял, полетел и ударился об левый косяк. Хотел удивиться, но не успел. Внутри загрохотало, и в двери, там, где он только что находился, появились три крупных дыры.

Таубе властно отстранил Лыкова, отступил на шаг. Что-то мелькнуло – Алексей не успел разглядеть, что именно – и в двери, на месте засова, образовалось большое круглое отверстие. Барон всунул в него «смит-вессон» и разрядил наугад, метя в углы, весь барабан. Из комнаты послышались стоны и топот ног.

– Бей! – крикнул Таубе. Лыков понял его с полуслова и припечатал дверь кулаком в правый верхний угол, над петлей. Дверь с грохотом влетела внутрь, они ворвались следом и бросились в гостиную.

Слева и справа от входа лежали двое: один, по виду, мертвый, второй корчился, зажав руками живот. Из-за занавески на Таубе кинулся верзила с ножом. Лыков хотел помешать ему, но не успел: барон сделал какое-то движение и, не задерживаясь, побежал мимо верзилы дальше в комнаты. Летевший следом Алексей увидел изумленное лицо нападавшего: тот рассматривал свою руку, держащую нож. Предплечье было пересечено аккуратной трещиной, из которой торчал в сторону ослепительно белый обломок кости...

— А-а-а! — заорал бандит и упал на колени, зажав переломленную руку. Лыков обежал его и помчался дальше за бароном.

В следующей комнате, куда он попал с секундной задержкой, еще один громила тут же дважды выстрелил в них из угла. Алексей пригнулся и инстинктивно замедлил бег. Ротмистр необъяснимо быстро — глаз едва успевал следить за ним — перемещался по комнате какими-то необычными рваными рывками. Он сблизился со стрелявшим в доли секунды — и снова побежал мимо! А бандит упал... Ничего не понимая и ни в чем не участвуя, Алексей несся следом. Такое впечатление, что все вокруг, включая и его, договорились двигаться в замедленном темпе, как в пантомиме, и только барон с этим не согласился. Даже пули, казалось, летели словно понарошку, и Таубе легко их обходил...

Опять запаздывая, Лыков выскочил следом за ротмистром во двор и увидел калитку в заборе. Они вырвались в проулок. Саженях в десяти от них резко брал разгон черный возок. На ходу застегивая полость, оттуда высовывался по плечи человек и оглядывался на них. Какой странный у него взгляд, подумал Лыков. Непереносимый... Где он слышал это слово? И тут же вспомнил.

— Виктор, стреляй! Это Блоха!

Таубе от бедра, не целясь, совсем по-буффаловски, всадил веером шесть пуль в заднюю стенку возка. И те, одна за другой, с пересвистом ушли в небо. Стенка оказалась бронированной!

Лошади, напуганные выстрелами, еще наддали и стремительно от них удалялись. Лыков упал в снег на живот и, стараясь целить под возок, по конским ногам, расстрелял свой барабан. Возок, не сбавляя хода, долетел уже до Полевой и собирался заворачивать. Чертов «бульдог»!

Таубе стоял рядом и торопливо перезаряжался, хотя и видел, что бесполезно — уходят... Внезапно левая пристяжная села на круп, возок накатил на нее и завалился на бок.

— Молодец, Алешка! Попал все-таки! — закричал ротмистр и побежал к перекрестку. Но тут из-за угла вылетела кибитка на полозьях, из

опрокинувшегося возка мигом перебрались в нее трое, и лошади рванули. У Блохи был заготовлен запасной экипаж!

Алексей в отчаянии сжал кулаки. Таубе остановился, вытянул руку с револьвером. Длинный ствол хищно нацелился, но выстрела не последовало. Кибитка быстро удалялась, до нее было уже более тридцати саженей.

– Ну! – крикнул Лыков.

Один за другим раздались шесть выстрелов. Несмотря на расстояние, Алексей хорошо видел, куда попадали пули: пять, в шахматном порядке, пробили заднюю стенку, шестую барон почему-то положил ниже, вровень с полом. После шестого выстрела «смит-вессон» переломился, экстрактор вытолкнул гильзы, кибитка скрылась за углом.

Таубе оглянулся на Лыкова и пожал плечами:

– Бывает...

– Надеюсь, хоть кибитка у них не блиндированная, – вздохнул Алексей и свистком вызвал пошевни. Надо было ехать следом: барон мог ранить лошадей, зацепить кого-нибудь из бандитов...

Когда пошевни завернули за угол, они чуть не врезались в умчавшуюся было от них кибитку. Та елозила посреди улицы, лошади переходили как хотели и тихо ржали. Какие-то темные полосы пролегли за ней по снегу.

Лыков и Таубе выскочили из саней и побежали к кибитке. Алексей рывком оторвал полость, и на руки ему вывалился человек; из спины его тонкой струйкой стекала кровь. На облучке спал возница с такой же дырой в шее. Внутри они обнаружили еще два тела. Белобрысый гигант тихо завалился в угол, он был мертв, как и те двое. Четвертый лежал на полу лицом вниз и стонал. Лыков бегло осмотрел его: пуля вошла бандиту в левый бок снизу, а вышла из гортани. Ранение было смертельным, жить человеку оставалось недолго.

Лыков перевернул бандита лицом вверх и увидел непереносимый взгляд. Блоха посмотрел на него с ненавистью – и умер.

Глава 14

Покушение

Александро-Невский собор.

Тайный советник Косаговский ходил по обширному кабинету нижегородского полицмейстера и нервно грыз ногти. Понять его было можно: государь уже в городе, через час с четвертью поедет на Стрелку, а злоумышленники до сих пор не найдены.

– Хорошо, конечно, господа, что вы постреляли Блоху с его людьми, но это не те люди. Это запасная команда. Основная же ушла с квартиры, как это установлено следствием, за час до вашего прихода. И их-то как раз вы до сих пор не нашли. Я не могу этого понять: маленький, относительно столиц, город; все люди на виду... Что вам помешало? И ли вам не до конца ясна важность задачи? Может, вы вообще занимаетесь не своим делом?

Лыков и Таубе стояли перед ним навытяжку и молчали. Не выдержал и

вступил за них Каргер:

– Павел Павлович, давайте не будем вести разговор в таком тоне! Мы же не спрашиваем вас, почему вся полиция империи, вверенная вашему руководству, до сих пор не поймала Сашку-Цирюльника! Что, готовите из Лыкова, на всякий случай, козла отпущения?

Так мог говорить с начальством только всеми уважаемый Каргер. Алексей с благодарностью посмотрел на полицмейстера, а тайный советник осекся и счел за лучшее сменить тему:

– Что с Павлом Афанасьевичем? Пришел в себя?

– Очнулся сегодня утром, но ненадолго, – ответил Лыков. – Сказал два слова и снова впал в забытье.

– Какие два слова?

– Сначала «под», а потом, после паузы – «клет».

– Что-что? – не понял Косаговский.

– «Под», а затем «клет».

– А что это такое: под и клет?

– Ну, под – это нижняя поверхность русской печи, которая нагревается.

А клет – это, может быть, не договоренная клетка?

– А не «подклет»? Возможно ли, что Благово имел в виду подклет?

– Подклет? – оживился Каргер. – В смысле – нижний, хозяйственный этаж храма... Мы об этом не подумали. А ведь государь едет именно в храм! В соборе Александра Невского есть подклет?

– Есть, Николай Густавович, – тотчас ответил Лыков. – Но только не подклет, а подвал. Огромный темный подвал под всем храмом. И заставлен подпорными стенками, их там десятки, настоящий лабиринт. Я был в нем две недели назад, когда осматривал собор, так чуть не заблудился.

– А зачем сделан этот подвал? Под православными храмами разве строят такие подвалы?

– Собор Александра Невского необычен во многих отношениях, – пояснил Алексей обоим генералам. – Место для его строительства, как вы помните, указал лично государь. Место очень трудное; строить там, на самом деле, нельзя. Оно затапливается в половодье, рядом – озеро, под самым храмом огромный плывун... Но – августейшее повеление не изменишь! Задачку очень остроумно решил архитектор Килевейн. Он положил в основание храма своего рода огромный плот из уложенных в три ряда сосновых бревен. Собор стоит не на земле, а на этом плоту, всей своей огромной массой. Для осмотра и ремонта столь необычного основания и пришлось выстроить эти катакомбы.

– Подвал соединяется с моленным залом?

– Да, там есть две лестницы; мы их заклепали до приезда государя. Кроме того, последнюю неделю вокруг собора день и ночь стоят плотные караулы Оливопольского пехотного полка.

Тут вдруг Каргер издал какой-то звук и принялся лихорадочно рыться на своем столе, бормоча что-то под нос. Все с недоумением уставились на него. Полицмейстер нашел нужную бумагу, нацепил очки и принялся читать ее вслух:

– «Доношу до сведения вашего превосходительства, что во время пешего перехода Оливопольского полка к месту новой дислокации, на дневке возле деревни Золино пропали бесследно унтер-офицер и двое рядовых четвертой роты, направленные за дровами. Прошу принять меры против дезертиров, буде они окажутся в Нижнем Новгороде. Приметы...» и так далее. Подписал исправляющий обязанности командующего полком Генерального штаба подполковник Розен. Депеша поступила вчера.

Каргер посмотрел на Косаговского, а затем они оба – на Лыкова. Тот вскочил и, не говоря ни слова, кинулся прочь из кабинета. Таубе и скромно сидевший в углу Буффало последовали за ним.

Буффало приехал только сегодня утром. Первую телеграмму Алексея он вообще не получил – по-видимому, ее изъяли на почте. Вторую ему доставили, но он увидел ее лишь вчера, когда вернулся в Москву с фабрики. Прочитал, зарядил «ремингтон», захватил стальной панцирь и приехал в Нижний. Явился прямо с поезда в городское полицейское управление, а там суматоха. Государь прибыл ночью и поселился во втором, «царском» этаже губернаторского дома, обычно годами пустующем. С собой он привез Адлерберга и Лорис-Меликова; вместе с последним прибыл и Косаговский. С семи утра тайный советник вел заседание в кабинете Каргера, изводя и без того замученных Лыкова и Таубе своими придирками.

Когда Алексею доложили, что в приемной его ожидает господин Ратманов, он радостно выбежал из кабинета.

– Ваше степенство^[20] приехали!

Теперь их, вместе с бароном, уже трое! Получалось что-то вроде рыцарского поединка – трое на трое. Какие с той стороны рыцари, он, конечно, знал и вполне опасался выстрела в спину, почему и выходил второй день на улицу, несмотря на мороз, только в панцире (прошлогодний подарок Буффало).

Неожиданно Косаговский воспротивился участию частного лица в охране императора. Лыков настаивал, что это участие ему необходимо. Спор затянулся, но опытный Каргер нашел решение. По его совету

господин Ратманов написал на имя Лыкова прошение с ходатайством о приеме на службу в сыскную полицию в должность агента. Алексей немедля наложил резолюцию: «Принять с испытательным сроком. Кто его знает, не проходимец ли...». Глумясь, показал ее Буффало и выдал под расписку два рубля аванса.

Поэтому теперь, в тех же дежурных пошевнях они втроем летели из кремля на Стрелку. Лыков согнал возницу и правил сам, лихача и подрезая другие экипажи. За ними поспевал опытный кучер Каргера Данила, везший полицмейстера с тайным советником.

Когда двое саней подъехали к собору Александра Невского, до посещения его государем оставалось уже меньше часа. Каргер успел особым курьером вызвать туда же всю наличную полицию Макарьевской части. Рота оливопольцев цепью окружала храм, отгоняя немногочисленных зевак. Подтянутый черноусый капитан с боевым Владимиром на шинели четко отрапортовал Каргеру. Тот принял было объяснить ему ситуацию и от волнения запутался...

Таубе без церемоний отстранил старика и с армейским шиком козырнул капитану. Из-под расстегнутой его шинели переливались золотом и разноцветной эмалью ордена, эффектно выделялся георгиевский темляк на сабле. Ротный командир сразу подтянулся.

– Капитан, у нас мало времени! Мы подозреваем, что трое злоумышленников, переодетых в форму вашего полка, пробрались в собор, дабы произвести там покушение на государя. Нам необходимо успеть обнаружить их, для чего нужно отделить ваших людей от террористов. Вам лучше других удастся это сделать! Ваши предложения?

Капитан, пораженный известием, смешался, но быстро овладел собой. Отвернувшись от полицейских, он принял смотреть в заснеженные поля, постукивая себя саблей по сапогу. Косаговский попытался было поторопить его, но барон одним жестом остановил сановника.

Через тридцать секунд капитан шагнул к своей роте.

– Господа офицеры... ко мне, бегом!

Полдюжины младших офицеров, подобрав сабли, со всех ног бросились к нему.

– Снять оцепление и все внутренние караулы, выстроить роту в одну шеренгу фронтом к главному приделу! Живо!!

Затренькали свистки, заголосили взводные и отделенные командиры, сотни ног затопали по февральскому насту.

– Что вы делаете! – ужаснулся Косаговский. – Вы снимаете караулы!

– Отставить! – рявкнул на тайного советника капитан. – Старшему

полицейскому начальнику предлагаю сменить моих людей в круговом оцеплении. В храм не входить!

Каргер постоял секунду, потом кинулся исполнять приказание ротного командира, даром, что генерал-майор!

С изумительной скоростью рота пехотинцев выстроилась перед своим командиром в длинную шеренгу. Тот оборвал жестом рапорт старшего поручика и зычно скомандовал:

– На первый-второй... р-рассчитайся!

– Первый! Второй! Первый!... – раздались голоса, и через две минуты маленький солдатик на левом фланге вышел вперед и выкрикнул:

– Второй! Расчет окончен!

– Р-рота! Первые номера... два шага вперед... марш!

Шеренга вздрогнула – и сто двадцать человек четко вышли вперед.

– Шинели... снимай! Наизнанку... выворачивай! Надеть... в рукава! Штыки... примкнуть!

И через минуту нелепо одетые в вывернутые шинели, с винтовками у ноги, оливопольцы ели глазами своего командира. Никому из них и в голову не пришло замедлить исполнение странной команды!

Полицейские с нарастающим интересом наблюдали эти экзистерции; Каргер же заканчивал развод городовых вокруг собора.

– Братцы! – вышел к первой шеренге капитан и с лязгом выдернул саблю из ножен. – Трое злодеев, переодевшись в славную форму Оливопольского полка, тайно проникли поутру в собор и хотят напасть там на государя!

По рядам прошел шум, но сразу же стих. Шеренга подтянулась и замерла; люди ждали указаний своего командира.

– У нас всего двадцать минут! Сейчас идем в собор. Как в атаку, бегом. Всех, кого найдете внутри в форме нашего полка, но в шинелях, надетых по уставу – бить штыками на месте! Без всяких разговоров! Вытаскивать их на паперть. Статских чтоб у меня не трогать! – Капитан переложил саблю из правой руки в левую, широко перекрестился. – Прости, Господи, грехи наши... не за себя грешим – государя спасаем! Вперед, ребята!

И, с саблей наголо, повел свою полурутву в эту беспрецедентную атаку на храм.

Уже через пять минут все было кончено. Три растерзанных трупа, маая кровью мраморный пол, распластались на паперти. Лыков нетерпеливо подбежал, осмотрел их и встал растерянный. Нашел глазами Каргера с Косаговским:

– Это не они. Сашку я сам арестовывал, узнаю из тысячи. Его здесь

нет точно.

Таубе подбежал, тоже осмотрел тела.

– Да, никого из нашей троицы. Ни один не подходит по приметам. Хотя рожи у них вполне бандитские; это вторая запасная команда Блохи. Глубоко копал насекомый!

– Да где же они тогда! – не выдержав, закричал в истерике Косаговский. – Может, нападение будет в городе? Едем быстрее туда!

Таубе коснулся ладонью левого виска и тут же отдернул руку.

– Богомазы. Они прошли в храм под видом богомазов.

– Точно! – обрадовался Лыков. – Здесь собраны четыре артели, всего более девяноста человек; легко затеряться.

– Рота! – мгновенно среагировал капитан. – Всех на улицу! Гони взашей! Очистить храм в пять секунд!

В пять секунд, конечно, не получилось, но оливопольцы действовали быстро и решительно. Очень скоро богомазы, резчики иконостасов, причетчики, священнослужители и хористы – все оказались на улице; храм опустел. Каргер тут же приказал приставу Львову, совместно с артельными старостами, выяснить, нет ли в их рядах чужих. Буффало, Таубе и Лыков под командой энергического капитана обыскивали огромное помещение собора – все закоулки, трапезную, хозяйственные комнаты, хоры. Капитан, вновь перекрестившись, зашел даже в царские врата. Никаких следов злоумышленников обнаружено не было. Неожиданно Лыков закричал:

– Сюда!

И показал сбежавшимся срезанные клепки на крышке люка, ведущего в подвал. Люк выходил наверх в темном укромном закутке и был аккуратно заслонен аналоем с иконой Иоанна Ветхопещерника.

Тут с улицы донеслись крики лиżąщей толпы – подъезжал государь. Лыков в отчаянии схватился за голову. Второй люк заклепывал покойный Торсуев, и Алексей не знал, где он находится.

– Надо лезть вниз и связать их боем, – сразу же принял правильное решение Таубе. – Вцепимся в хвост, поднимется пальба – внезапного нападения у них не получится, а это уже хорошо.

Ротный оглянулся на огромные входные двери – там его часть без него встречала государя! Потом рявкнул:

– Самородов!

Тут же, как из-под земли, появился плотный усатый фельдфебель, с двумя солдатскими «георгиями» на шинели, в портупее с револьвером и шашкой.

– Возьми винтовку!

Фельдфебель не говоря ни слова вырвал винтовку у ближайшего солдата, приставил к ноге и вопросительно глянул на командира.

– Эти трое (кивок на команду Лыкова) идут вниз. Злоумышленники там. Выпускать из подвала только по предъявлению пароля... «Плевна». Меня там ранило... Кто не назовет пароля – колоть на месте штыком, будь то хоть батюшка архиерей с матушкой игуменьей. Ясно?

– Так точно, ваше благородие! – отчеканил фельдфебель и встал возле люка, не спуская с него глаз.

– Самородов всегда выполняет приказания, – пояснил капитан ротмистру Таубе. – Если вы, не дай Бог, забудете пароль – он вас убьет.

И повернулся, чтобы бежать на улицу. Но остановился, посмотрел внимательно на всех троих, молча перекрестил их, хотел что-то сказать и не сказал – убежал встречать государя.

Лыков за рукав невежливо отвел барона и поставил в конец своей маленькой колонны.

– Мы с Федором в панцирях, а у тебя только ордена на груди... хоть их там и много. Ступай в арьергард!

– Еще чего! – ответил Таубе. – Там темно, фонарей у нас нет. Ты забыл, что я вижу в темноте? В отличие от вас, остоловов...

И спустился самым первым. Ступил на присыпанные заиндевелым песком бревна, обвел длинным стволом «смит-вессона» по кругу и крикнул наверх:

– Чисто! Спускатесь!

Барон нарочно шумел, чтобы вызвать противников на себя. Буффало с Лыковым это понимали и столь же шумно сбежали вниз.

Уже в шаге от люка была египетская тьма. Сыро, холодно, под ногами хрустит лед. Очень и очень неуютно, особенно если помнить, что ты – приманка для Сашки-Цирюльника... Лыков понимал, что в темноте, из засады, их можно перебить без особого риска, а им необходимо обнаружить себя, принять пули, заготовленные для императора.

– Покуда на Руси есть толковые ротные командиры – мы непобедимы, – сказал Таубе, делая первый шаг в темноту. – Ротные как основа монархии... Хорошая тема для магистерской диссертации!

И, знакомо держа палец у левого виска, уверенно повел колонну куда-то вперед. Они прошли в полной темноте и тишине около сорока саженей. Внезапно ротмистр остановился и сказал чуть слышно:

– Рассыпься.

Сам он тут же шагнул вправо, Буффало мгновенно переместился влево. Они цепью перегородили узкий проход и замерли. Сердце у Лыкова

разогналось, как машина локомотива; он понимал, что сейчас наступит развязка всей этой многомесячной истории... Еще секунда тишины, еще... Внезапно ротмистр крутанулся и выстрелил Лыкову за спину. Оглянувшись Алексей не успел — началось. Прямо в лицо ему полыхнуло огнем, загремели выстрелы, вспышки почти ослепили сыщика. Кто-то, невидимый в темноте, с расстояния в пять шагов расстреливал его в упор. Одна пуля попала прямо в грудь и срикошетила от панциря, вторая пробила ключицу, третья по касательной ударила в голову и чуть не повалила Алексея. Он тоже стрелял в ответ, пытаясь брать прицел над вспышками. Словно волшебный фонарь ритмично зажигался и гас, едва успевая осветить тусклым блеском подвальные своды и черные фигуры под ними...

Внезапно все стихло. Впереди слышался удаляющийся топот — один человек убегал. Алексей навел руку с револьвером на звук, выстрелил в темноту, затем последовал щелчок — кончились патроны. Топот стих вдалеке; последняя пуля прошла мимо. Лыков стоял теперь без движения, прислушиваясь и опасаясь получить заряд от тех, кто остался. Но кругом было тихо — ни шороха, ни стона. Тяжелое предчувствие навалилось на него. Где свои? Что с ними?

— Виктор! Федор! — шепотом позвал он, но никто не отозвался.

Все еще стараясь не шуметь, Лыков на ощупь вставил в барабан «бульдога» три патрона. Затем вынул из кармана обрезок спермацетовой свечи и серные спички в серебряной коробке, которые он успел схватить со стола у Каргера. Ударил спичкой о серебро и зажег свечу. Вытянув перед собой руку с револьвером, Алексей посветил и увидел перед собой лежащее тело. Подошел, нагнулся и узнал Сашку-Цирюльника; в груди у него, напротив сердца, чернела огромная дыра.

Лыков с трудом разогнулся — ранение и контузия в голову почти лишили его сил; кровь текла по лбу, заливала левый глаз, струилась из прострелянной ключицы по груди и животу. Стараясь не глядеть на распростертые тела своих друзей, он прошел назад, осмотрел второго убитого террориста. Таубе угодил ему пулей прямо в глаз, лицо было изувечено, но по рисунку надбровных дуг и характерным крыльям носа отчетливо узнавалась «лякинская» кровь. Без сомнения, это был Гришка Отребьев. Значит, убежал Фроленко, как-то отстраненно подумал Лыков и заставил себя вернуться к двум другим телам.

Ему хотелось потерять сознание, даже умереть, лишь бы оттянуть как-нибудь страшные новости. Но нельзя... Может быть, они еще живы, врачи успеют их спасти, если он, Лыков, будет действовать быстро. Алексей посветил на Буффало и увидел на лбу у него небольшое черное пятно

размером с копеечную монету. Просунул руку под затылок и ощутил еще теплую кровь. Голова Буффало была простреляна навылет.

В висках у Алексея стучало, как будто там поселилась кузня. Он, царев слуга, сам не справился с заданием, и вызвал на подмогу статского человека. Только что женившегося, ушедшего на покой после жестокой, полной опасностей жизни. И вот, этот человек убит, а он, Лыков, которому бы по службе положено умереть – живой...

Алексей повернулся к Таубе. Тот лежал в шаге от Буффало, лицом вниз, вытянув вперед руку с револьвером. В слабом свете едва различались два входных отверстия от пуль в спине барона. Одна пуля пробила верхушку левого легкого напротив сердца, вторая вошла в опасной близости от позвоночника. Оба ранения были тяжелыми, а скорее всего, смертельными. Но на войне Лыков видывал и не такие чудеса, когда некоторые счастливчики выживали и с более страшнымиувечьями. Надобно было как можно быстрее тащить Таубе наверх, к докторам.

Взвалив на плечи обоих друзей, Лыков, шатаясь от кровопотери, двинулся обратно к выходу. Летом он так же нес на себе двух раненых полицейских... Но то были не Виктор с Федором, и тогда оба раненых выжили. А сейчас!

Алексей машинально пытался восстановить картину боя. Они попали в засаду. Гришка Отребьев зашел им в спину, но барон своим звериным нюхом учゅял его и успел выстрелить первым. Но для этого ему пришлось повернуться к двум другим нападавшим спиной. Тут же заранее подготовившиеся Сашка-Цирюльник и Фроленко начали расстреливать их в упор. Сашке невероятно повезло – первым же выстрелом он убил Буффало наповал. Если бы промахнулся или только ранил, Федор положил бы обоих за секунду. Но он умер, не успев нажать на курок... Фроленко тем временем двумя точными выстрелами свалил барона.

Тут, наконец, начал стрелять он, Алексей, и убил Сашку-Цирюльника. Фроленко, закончив с Таубе, перенес огонь на него. Первая пуля дала рикошет от панциря, и террорист произвел еще два выстрела, постоянно поднимая прицел. Пробил Алексею ключицу, а потом чуть не разнес ему череп. Похоже, этот Фроленко видел в темноте не хуже барона.

К этому времени их уже оставалось на ногах только двое. Фроленко расстрелял весь барабан и побежал в глубину подвала. Алексей не сумел достать его последним патроном, и сейчас тот где-то прячется. Вряд ли он посмеет напасть на государя в одиночку, после суматохи, когда все уже настороже. Похоже, задача выполнена – но какой ценой!

– Стой! Пароль! – раздался крик сверху.

– «Плевна». Самородов, помоги... – успел сказать Алексей, и потерял сознание.

Очнулся он, по-видимому, через несколько минут. Вокруг слышался гул приглушенных голосов, потом все сразу стихло. Алексей открыл глаза: над ним наклонился высокий представительный человек, с глазами навыкате, с пушистыми седыми бакенбардами, переходящими в усы. Император!

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Титулярный советник Лыков, Ваше Величество.

– Лежи, не вставай. Лыков... А! Я тебя помню! Это ты год назад ликвидировал опасного бандита Лякина, а нынешним летом, как куренка, придушил знаменитого Тунгуса. Мне докладывали о тебе несколько раз. Молодец, Лыков. Я доволен твоей службой. Видишь, теперь ты спас своего государя... Я не забуду этого, Лыков.

– Для меня лучшая награда – то, что вы знаете обо мне, государь. Но Таубе и Буффало...

– Да, барона жаль, я любил его. Сейчас его везут в больницу. Доктор сказал – шансов выжить практически нет, только разве случится чудо... Жаль! А кто третий?

– Мой товарищ, купец Ратманов. Он только что женился...

– Адлерберг! – властно произнес император. – Запиши. Оказать вдове помощь.

Министр двора вытащил блокнот с золотым обрезом.

– Ну, Лыков, выздоравливай, – государь похлопал его осторожно по здоровому плечу и отошел.

– Ваше Величество!

Великан вернулся, милостиво посмотрел на Алексея:

– Что еще, Лыков?

– Капитан роты оливопольцев... не знаю его фамилии. Очень решительно ликвидировал запасную команду террористов, укрывшихся в соборе, чем тоже предотвратил покушение...

– Адлерберг! Запиши и капитана...

И государь ушел, величественно шагая посреди подобострастно расступившейся толпы.

Когда Алексея вынесли из собора и загружали в сани, подбежал ротный командир оливопольцев; глаза у него были совершенно сумасшедшие.

– Государь пожал мне руку и благодарил! Детям... детям буду рассказывать, если заведу когда-нибудь! Спасибо тебе – не забыл

аттестовать Его Величеству; а то ведь у нас всегда забывают...

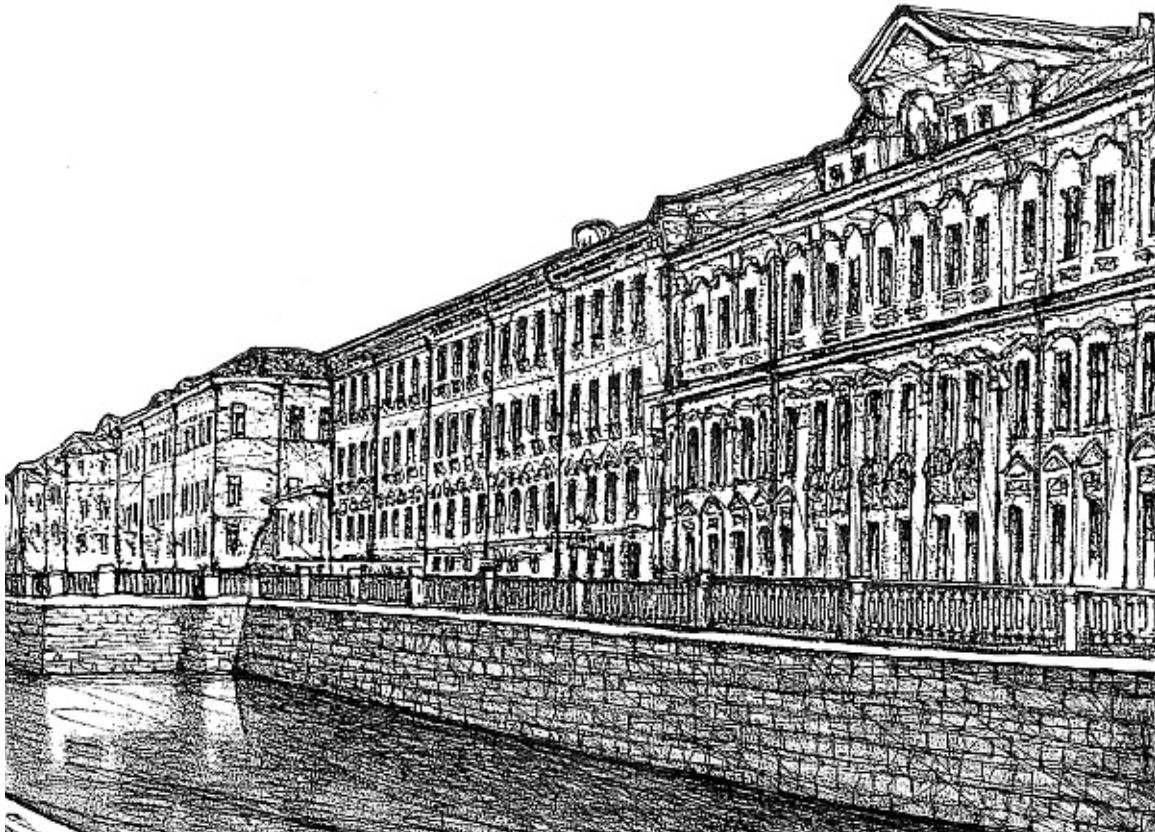
– Что с ротмистром? Только честно, – Лыков из последних сил вцепился капитану в рукав. Тот потупился.

– Честно – это как Бог решит. Скорее всего, помрет. В лучшем случае – полный паралич; пуля-то села почти в позвоночник. Извини...

И, осторожно разжав лыковские пальцы, капитан убежал к своей роте. Сани дернулись – и Алексей потерял сознание.

Глава 15

Первое марта

Санкт-Петербург. Екатерининский канал.

В воскресенье, 1 марта 1881 года, император Александр Николаевич с самого утра принимал сановников. Градоначальник Петербурга, генерал Федоров, вчера доложил ему о поимке двух важнейших деятелей анархистов – Желябова и Тригони. Обещал днями доставить и всех остальных, более мелких... Новость была приятная, что греха таить. Но сегодня утром Лорис настойчиво советовал ему отменить обязательное воскресное посещение развода войск столичного гарнизона в Михайловском манеже. По имеющимся у него сведениям, «мелкие» уцелевшие террористы вовсе не такие мелкие, и готовят на него покушение как раз по пути в манеж.

Император вынужден был объяснять своему первому министру, что не

может отменять своих обязанностей самодержца даже перед угрозой покушения. Что, ему зарыться в землю и там сидеть безвылазно? Но хитрый армянин пошел к Екатерине Михайловне, княгине Юрьевской. Та прибежала вся в слезах и взяла с мужа слово, что сегодня он из Зимнего никуда ни ногой. Отказывать княгине государь не умел никогда.

Но затем неожиданно попросила приема невестка, жена любимого брата Константина Николаевича, великая княгиня Александра Иосифовна. И очень-очень настойчиво умоляла государя поехать сегодня на развод: ее младший сын Михаил только что стал ординарцем государя и жаждал представиться ему в новом качестве... Смелый человек, Александр Николаевич не решился признаться женщине в том, что боится покушения – и обещал приехать.

Несмотря на всю эту неприятную суматоху, настроение у Александра было на удивление хорошее. Во-первых, Лорис сказал, что тайный советник Филиппов, посланный в Москву с секретным поручением, сегодня выехал обратно. Он перерыл все архивы и нашел то, что ему велено было найти. Филиппов везет полное описание коронации Екатерины Первой, урожденной Марты Скавронской, дочери лифляндского крестьянина. Коронация была совершена в Москве 7 мая 1724 года, спустя двенадцать лет после законного венчания и за год до смерти Петра. Крестьянку короновал – и все съели! А тут все же княжна, из самых что ни на есть Рюриковичей... Машина была запущена, уже вечером он увидит столь важные бумаги, а назавтра начнет действовать.

Во-вторых, Александру понравилась его собственная решительность. После Лориса он принял председателя Комитета министров графа Валуева. Граф просил дать распоряжение о созыве Совета министров, который, в отличие от Комитета, собирался только под председательством самого государя. На Совете необходимо было утвердить окончательную редакцию сообщения о готовящихся «конституционных» реформах. Государь утвердил предложения Лорис-Меликова о создании двух депутатских комиссий из представителей дворянства, земств и городов, а также из правительенных чиновников. Комиссии должны были предварительно рассматривать финансовые и административно-хозяйственные законопроекты перед поступлением их в Государственный совет. Первые, так сказать, ростки выборных представительных органов при верховной власти... А еще говорили, что он устал от своих великих реформ! Он им еще покажет, кто устал; история занесет его в особые анналы, как великого реформатора!

Император распорядился о созыве Совета министров и в веселом

расположении духа пошел с Валуевым вниз, на крыльцо – пора было ехать в Манеж. Он не знал того, что случилось вчера на квартире Исполнительного комитета «Народной воли» возле Вознесенского моста. Там в спешке собрались двенадцать членов комитета, в том числе Софья Перовская, Вера Фигнер и Михаил Фроленко. Встревоженные арестом Желябова на квартире Тригони, террористы постановили завтра любой ценой уничтожить государя. Уже давно был вырыт подкоп под Малой Садовой улицей, из дома Менгдена, где народовольцы открыли по поддельным паспортам магазин сыров^[21]. Государь часто проезжал по этой улице в Михайловский манеж. На тот случай, если буде т избран другой маршрут, императора должны перехватить металышки с мощными ручными бомбами. Неожиданно прямо на совещании обнаружилось, что мина в подкоп не заложена, а из четырех потребных бомб не готова ни одна.

В пять часов пополудни на квартиру Фигнер пришли Суханов, Грачевский и главный бомбист партии Кибальчич. Вместе с очаровательной Верой Фигнер они принялись лить метательные снаряды. Работа шла всю ночь. В восемь часов утра первого марта четыре снаряда с гремучим студнем, отлитых в жестянки из-под керосина, были готовы, и Кибальчич унес их. В десять часов утра в квартиру на Тележной пришли металышки Рысаков, Гриневицкий, Емельянов и Тимофей Михайлов и получили последние указания от Софии Перовской. Мина в подкоп из магазина сыров тоже была уже заложена. Ловушка для царя распахнулась.

Затем к Вере Фигнер пришел Михаил Фроленко, который должен был взорвать мину под каретой государя, если тот поедет по Малой Садовой. Смерть самого Фроленко была при этом совершенно неизбежной. К удивлению Фигнер, смертник-доброволец вынул из сумки колбасу и бутылку красного вина и принял с аппетитом завтракать... На немой вопрос красавицы он ответил: «Я должен быть в полном обладании сил».

Без четверти час государь вышел из Зимнего дворца и, усаживаясь в экипаж, приказал кучеру Фролу:

– В манеж через Певческий мост.

Таким образом, мина под Малой Садовой не пригодилась и Фроленко остался жив. По окончании развода император, вместе со своим братом, великим князем Михаилом Николаевичем, заехал ненадолго в Михайловский дворец к великой княгине Екатерине Михайловне.

В этой сложной ситуации Перовская проявила феноменальное присутствие духа. Убедившись, что магазин сыров не сработал, она за несколько минут просчитала, что обратно государь может поехать только

через Екатерининский канал. Все четверо металышников получили совершенно новую диспозицию и заняли места, которые Перовская указала им в своей блестящей импровизации.

В два часа десять минут государь простился с хозяйкой Михайловского дворца и сел в экипаж. Фрол провез его по Инженерной улице и стал заворачивать на Екатерининский канал. На углу им попался караул от Восьмого флотского экипажа, возвращавшийся с развода. Император поздоровался с моряками, коляска рванула и быстро разогналась. Женщина на углу (это была Перовская) махнула платком. И через сто саженей раздался взрыв.

Государя сопровождал казачий конвой и чины охраны во главе с капитаном Кохом; впереди в отдельном экипаже ехал обер-полицмейстер Дворжицкий, назначенный дежурным при государе от столичной полиции. Бомба, брошенная Рысаковым, ранила двух казаков и мальчика-крестьянина, случайно шедшего в это время мимо. Была также повреждена коляска государя и ранены лошади экипажа Дворжицкого.

В полном присутствии духа государь вышел из коляски и подошел к пострадавшим казакам, затем направился к бомбисту, которого уже держали за руки четыре солдата. Капитан Кох стоял рядом. Дворжицкий пытался уговорить государя немедленно уехать с места покушения и апеллировал к начальник у охраны в ожидании поддержки. Тот промолчал...

Прибежали от угла матросы Восьмого экипажа и встали цепью с одной стороны Екатерининской набережной; казак и перегороди ли вторую сторону у. Император подошел к Рысакову; его интересовало, кто бросил в него бомбу – не дворянин ли? Узнав, что бомбист – из мещан, обрадовался. Сказал, обращаясь к караулу:

– Слава Богу, я жив!

Рысаков дерзко ответил:

– Еще слава ли Богу?

Из этого ответа легко было догадаться, что рядом есть еще металышники. Кох, в первую голову отвечающий за безопасность государя, не догадался... Император не спеша направился пешком в сторону Театрального моста. Дворжицкий безуспешно пытался уговорить его немедленно уехать во дворец. Кох вышел за оцепление, чтобы увезти схваченного металышника; при этом непосредственно возле государя остались лишь обер-полицмейстер и казак Мачнев, всегда сидевший на козлах царского экипажа.

Дворжицкий, в третий раз умолявший Александра уехать как можно

скорее, чуть не за рукав потащил его к карете. Государь постоял, подумал, затем сказал:

– Хорошо, сейчас поедем. Только покажи мне сначала место взрыва.

Обер-полицмейстер успел сделать лишь три шага. Раздался новый, еще более мощный взрыв, после которого он, обожженный и получивший тридцать четыре раны, упал на землю. Это взорвалась вторая бомба, брошенная с близкого расстояния металышником Гриневицким, получившим от своего же снаряда смертельные ранения. Неопытные в деле охраны моряки пропустили бомбиста прямо внутрь оцепления...

Дым от взрыва не успел развеяться, когда Дворжицкий услышал слабый голос императора:

– Помоги!

Превозмогая боль, израненный обер-полицмейстер вскочил на ноги, подбежал к государю и приподнял его с земли, на которой тот полулежал, облокотившись на правую руку. К своему ужасу Дворжицкий увидел, что обе ноги самодержца совершенно изувечены и из них фонтаном хлещет кровь. Особенно левая нога представляла собой, от колена и ниже, до почти оторванной стопы, бесформенную, раздробленную кровяную массу. У Дворжицкого хватило еще сил, при помощи приехавшего на шум взрыва великого князя Михаила Николаевича, уложить государя в свои сани. После этого обер-полицмейстер потерял сознание. Капитан Кох не получил ни царапины.

В три с половиной часа пополудни в своем кабинете в Зимнем дворце, в окружении членов императорской фамилии, врачей и министров Адлерберга и Лорис-Меликова, император Александр Второй скончался.

* * *

20 июля 1881 года Александр Третий приехал в Нижний Новгород на торжественное освящение собора Александра Невского. В ряду чинов полиции, представляющих государя, стояли Каргер, за ним – Благово и Лыков. Статский советник, в станиславской ленте, весь желтый (после сотрясения мозга, полученного в феврале, у него теперь постоянно болела голова), задумчиво наблюдал за новым государем. Высокая, но уже грузная фигура,ластное лицо, кулаки не меньше, чем у Лыкова. Новая политика нового императора впечатляла: Лорис, Адлерберг, Абаза, Милютин и прочие деятели «великих реформ» – все были уже отставлены, в столице безраздельно царствовал Победоносцев. Новым министром внутренних дел

два месяца как состоял граф Игнатьев – вон он приветливо машет им рукой из-за спины императора.

Дойдя до шеренги полицейских чинов, император остановился возле Лыкова. Алексей почувствовал на себе тяжелый взгляд самодержца.

– Да... помню, помню. Вы спасли батюшку зимой, за три недели до первого марта. И так и не получили за это никакой награды. Всем стало не до того... после того...

– Бог с ней, с наградой, Ваше Величество. Жалко вашего августейшего отца; не уберегли его в столице...

Государь молча пожал Алексею руку и двинулся дальше.

Прошла вся сопровождающая императора толпа, склынули генерал-адъютанты, министры и предводители дворянства. Лыков хотел уже возвращаться на службу, когда на него бросился с объятьями стройный мужчина в парадном кавалерийском мундире с орденами, и с костылем под мышкой:

– Алешка!

– Виктор! – ахнул титулярный советник. – Ты уже бегаешь!

– А то! Как таракан от керосина! – отвечал барон Таубе. – Я теперь, брат, являю собой редчайший медицинский феномен: не должен жить, а живу. Не должен передвигаться, а передвигаюсь. Пуля попала в область сердца, когда оно сжалось и уменьшилось в объеме; долей секунды раньше или позже – и гроб. А вторая задела позвоночник, и мне пришлось изобрести собственную гимнастику, чтобы подняться с постели. С таким ранением всю жизнь доживаю в параличе, а я к осени собираюсь выкинуть кости на помойку. Так что, повезло. Пойдем, обмоем это радостное событие. Где тут у вас оркестрион получше?

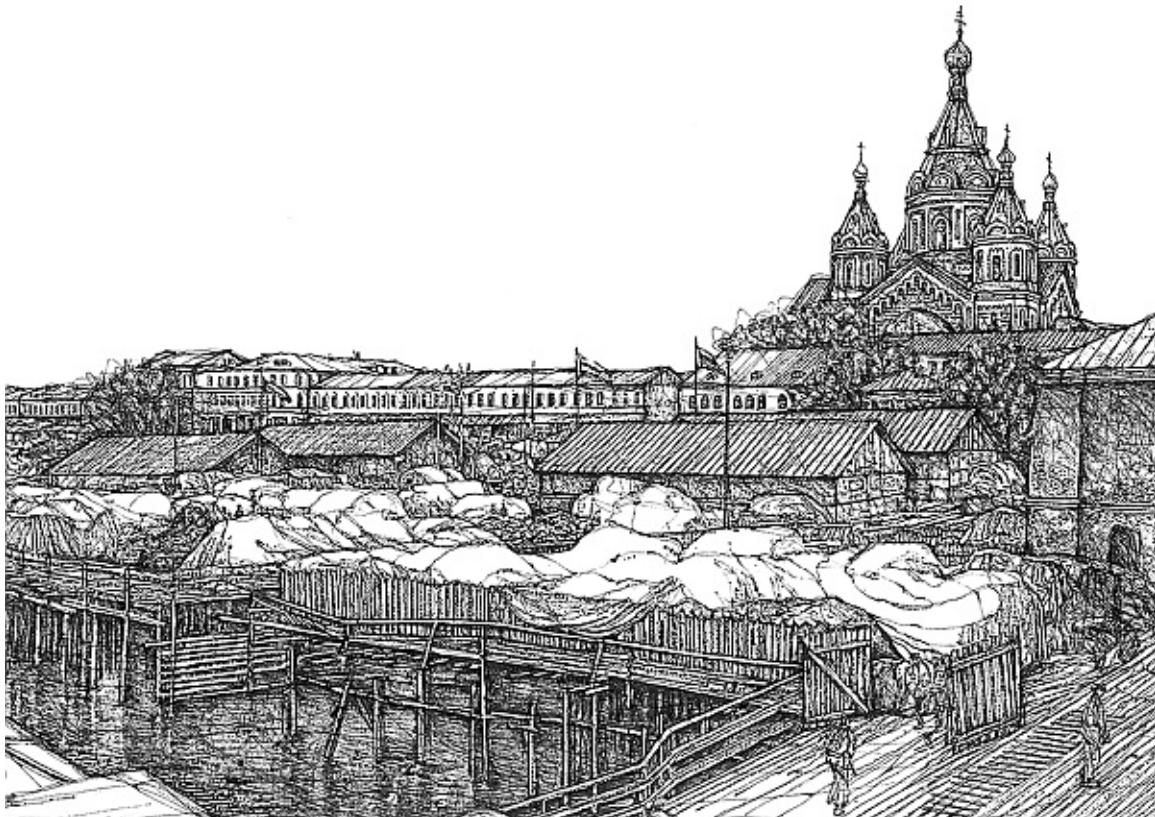
– У Барбатенкова двадцать восемь мелодий играет.

– Ну, двадцати восемь мелодий нам, пожалуй, хватит.

– Да, Бог с ним, с церемониалом, – обрадовался Алексей. – Там и без нас обойдутся... Да и что еще это будет за царь? Лучше ли того, что был? Пошли!

Лыков отпросился у Павла Афанасьевича, и они с Таубе в обнимку отправились в трактир.

Послесловие автора

Ярмарочные склады и собор Александра Невского на Стрелке.

Михаил Федорович Фроленко был арестован на квартире Кибальчича уже 17 марта, когда полиция подчистую выметала от террористов столицу. Попал в засаду, поставленную отрядом Мукосеева – и ничего не смог сделать... В феврале 1882 года судился по «процессу двадцати», был приговорен к смертной казни, замененной затем на бессрочную каторгу. Провел в Петропавловке и Шлиссельбурге двадцать три года. Освобожден по манифесту в 1905 году.

После революции Фроленко остался в стране, стал членом редколлегии знаменитого альманаха «Каторга и ссылка». В 1936 году вступил в ВКП(б), через два года скончался. Ему было тогда девяносто лет...

М. Ф. Фроленко оставил три тома воспоминаний (хорошо бы их переиздать!), в которых описал свою, полную приключений, жизнь. В этих

томах нет ни слова о попытке покушения на императора Александра II в Нижнем Новгороде в феврале 1881 года. Это понятно: о привлечении, за деньги, уголовников к «революционной борьбе» не пристало рассказывать и через полвека после цареубийства. Ореол мучеников нельзя было марать такими деталями.

Так деяния Лыкова остались неизвестны потомству.

notes

Примечания

1

Белые номера были у извозчиков первого класса (у второго – красные).

2

Двунадесятые – двенадцать главных христианских праздников; к ним относится и Троица. Семик – седьмой четверг от Пасхи.

3

Чагривый – темно-пепельный.

4

Ваше высокородие – форма титулования исключительно для статского советника.

5

Департамент полиции исполнительной управлял всеми полицейскими силами империи. В 1810–1819 гг. входил в состав Министерства полиции, с ноября 1819 г. по 15 ноября 1881 г. – в состав Министерства внутренних дел.

6

Второе отделение канцелярии губернатора координировало деятельность городских и уездных управлений полиции.

7

Осьмуха – мера розлива водки, равная 1/8 ведра или 1,55 литра.

8

Л. С. Маков покончил с собой в ночь на 28.02.1883 г., находясь в отставке, будучи уличен во взяточничестве.

9

Старик Блинов – туз, бардадым – король, шелихвостка – дама (каторжный жаргон).

10

«Спиридоны-повороты» – беспаспортные бродяги, пересылаемые после установления личности по месту несения тягла (выплаты налогов).

11

Урок – задание, поручение.

12

Будущий начальник Московской сыскной полиции.

13

В России в 1845–1863 годах ссылаемых на каторгу клеймили: выжигали на лбу и на щеках буквы «кат». Беглые каторжники, чтобы не быть узнанными, сводили эти знаки при помощи различных ухищрений, но следы, как правило, все равно оставались.

14

14,7 MM.

15

Темно-красный.

16

Азиатское делопроизводство занималось военной разведкой в странах Азии.

Игнатьев, не называя при посторонних фамилии, говорит о Генерального штаба полковнике (в будущем генерале от инфanterии) П. Д. Паренсове, нелегальном резиденте русской военной разведки в Румынии в 1876–1877 гг. Под видом родственника русского консула в Бухаресте барона Стюарта, Паренсов семь месяцев вел разведку сопредельной турецкой территории, неоднократно, с риском для жизни, бывал в Болгарии. Лично обследовал укрепления Рущука и места переправы через Дунай (в последствии блестяще проведенной русской армией благодаря полученным сведениям). Таубе сопровождал Паренсова в этих поездках в качестве телохранителя.

18

Таубе имеет в виду историю, когда Игнатьев, будучи в 1856 году военным агентом (т. е. атташе) России в Великобритании, украл на выставке новейший британский унитарный патрон. После этого ему пришлось оставить должность.

19

Морелевские уши – с приросшими мочками; судебными психиатрами того времени считались признаком, указывающим на преступные наклонности и вырождение их обладателей.

20

Ваше степенство – полуофициальное уважительное обращение к купцам.

21

28 февраля, за день до покушения, в магазин сыров нагрянула «санитарная комиссия» вместе с приставом. Весь магазин был обыскан. В нем в это время хранилось несколько тонн (!) земли, извлеченной во время рытья подкопа. Земля была рассована повсюду, даже в кадках для сыра, огромной кучей лежала в задней комнате, кое-как прикрытая половиками... Комиссия «чудом» не обнаружила эти огромные залежи.